Р2
М35

Юрий
МАТЮХИН

НЕОБХОДИМЫЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть Юрия Матюхина посвящена видному советскому военачальнику, дважды Герою Советского Союза генерал-полковнику А. И. Родимцеву. Автор рассказывает, как сын батрака из уральской деревушки Шарлык прошел боевой путь от солдата до легендарного полководца, героя Сталинградской битвы. Перед читателем предстает незаурядная личность советского человека, коммуниста.

- Юрий МАТЮХИН
  - СЛОВО О КОМДИВЕ
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
  - Часть вторая
    - 1
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
  - Часть третья
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24

○ Часть четвертая
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21

○ Часть пятая
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- 9
- 10
- 11

○ Часть шестая
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

○
○

НОВИНКИ «СОВРЕМЕННИКА»

Юрий МАТЮХИН

НЕПОДЛОМИМЫЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

«СОВРЕМЕННИК»
МОСКВА
1985

Юрий МАТЮХИН
НЕОДОЛИМЫЕ
ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

СЛОВО О КОМДИВЕ

Когда меня просят рассказать о Сталинградской битве, в памяти часто всплывают кадры военной кинохроники. На ленте запечатлен приезд в Москву Уинстона Черчилля. Это было вскоре после разгрома гитлеровцев на берегах Волги.

Впившись удивленно-растерянным взглядом в подтянутых русоволосых солдат, обходит строй почетного караула британский премьер. «В чем сила этих людей? Смертны ли они?» — мечутся вопросы в его глазах.

Гитлер трубил в сорок первом о «колоссе на глиняных ногах». Начальник Генерального штаба Гальдер собирался уничтожить Красную Армию и закончить войну за четырнадцать дней. А уже в начале сорок третьего им пришлось заказывать панихиду по разгромленной под Сталинградом 330-тысячной группировке своих солдат.

Шестой армии Паулюса потребовалось три дня для взятия Парижа. И этой же армии не хватило двух месяцев, чтобы сокрушить гарнизон одного обыкновенного четырехэтажного Дома сержанта Павлова.

Что же это за люди? В чем сила народа-гиганта? Не один Черчилль задавал этот вопрос и не мог найти на него ответ.

Книга, которую вы собираетесь прочесть, написана о тех, кто кровью своей, всей жизнью подтверждал каждую строчку партийного гимна. В их числе и главный герой повести, воин-интернационалист — генерал Родимцев.

Я познакомился с Александром Родимцевым 14 сентября 1942 года в Сталинграде, в тот день, когда решалась судьба города. Он пробыл в Сталинграде до 2 февраля 1943 года. На левый берег не уходил и все время находился в ста — ста пятидесяти метрах от переднего края. Комдив легендарной 13-й дивизии появился в штабе армии сразу после переправы через Волгу. Я спросил его:

— Как, выдержат твои гвардейцы?

— Я коммунист и из Сталинграда не уйду, — как-то буднично, но удивительно твердо ответил тридцатисемилетний генерал. И за себя, и за своих гвардейцев. И слово сдержал. Они не ушли. А на волжской стене, где проходила линия обороны, появилась надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева, выстояв, победили смерть».

Мы часто говорим и пишем о том, что у нас тысячи овеявших себя славой героев.

Да, действительно, у нас тысячи, десятки тысяч героев. Но это не значит, что мы не можем назвать их всех по именам.

Обязаны это сделать! Должны! Пусть для этого потребуется еще год, два, десятилетия. Мы, наши потомки обязаны назвать имена всех героев Великой Отечественной войны. Всех до единого.

Назвать потому, что каждый из них — это легенда.

И книга Юрия Матюхина — еще одна встреча ветеранов с легендарным комдивом, еще одно знакомство молодого поколения с Витязем ратных дел.

«Какой он был? — часто спрашивают и будут спрашивать о Родимцеве люди. — Обыкновенный, как все?»

Нет, утвердительно не ответишь. «Необыкновенный, бросающийся чем-то в глаза» — скажешь так, покривишь душой. Я бы так рассудил: «Родимцев был обыкновенный, как все, и чуточку необыкновенный. Добрый к друзьям, но непримиримый к врагам своего народа. Как все русские люди. Бесхитростный и смекалистый, вокруг пальца не обведешь. Простодушный, сердечный, кремень, хоть огонь высекай. Покладистый и гордый, обидишь зря — не простит. Это был самородок народный!» И не удивительно, что многогранье таланта комдива засверкало в окружении таких же стойких, волевых, непреклонных ратников, как и он сам. Ведь правильно говорят, что в Сталинграде негероев не было.

Прошло немало лет со Дня Победы. Но тропинки памяти о тех, кто добыл в боях этот день, не заросли. Таких людей, как главный герой повести — генерал Родимцев, люди будут помнить вечно. Ведь не случайно на нашем главном памятнике бессмертным воинам высечены слова: «Никто не забыт и ничто не забыто».

В. И. Чуйков, Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза

Часть первая
КОГДА ПОЕТ САЛМЫШ

1

— Где спрятал хлеб? — сверкая красными, налитыми злобой глазами, ревел чернявый хорунжий. И, не дождавшись ответа от привязанного к широкой деревянной лавке, лицом вниз, сапожника-бедняка Ильи Родимцева, махнул рукой.

Двое ребятишек — Дуся и маленький Сашка — зажмурили глаза, прижались к остывшей печи, спрятали русые головки за цветастой занавеской. Свист шомполов сжимал детские сердца, сводил судорогой руки, ноги. Отец вскрикнул от первого удара, затем, прижавшись щекой к лавке, лежал молча, только вздрагивал всем телом после каждого жестокого, злобного удара белоказака. А тот бил с остервенением, во всю свою силу, злобясь, что лежащий перед ним бедняк сапожник, голь перекатная, два дня назад разгуливавший по сельским улочкам Шарлыка с красным бантом на груди и раздававший остановившимся на постой красноармейцам тощие овсяные лепешки, напеченные из последних запасов муки его женой-говоруньей Аксиньей, сейчас молча переносил экзекуцию шомполами. Илья не был коммунистом, в подпольщиках не состоял, но своим сердцем, природным умом понимал, что правда за ними, большевиками. И поэтому, когда красные конники проходили через Шарлык, всегда выходил их встречать и Сашку своего привадил. Да видно, злой глаз в деревне притаился, он-то и выдал бедняка, бросил на лавку под шомпола.

Дуся, уткнувшись в рваненькое ватное одеяло, плакала.

— Заткнись там, недоносок, а то и с тебя портки снимем, — рявкнул хорунжий, сидевший за бутылкой самогона.

Дуся притихла, а Сашка осторожно глянул под занавеску. Ему хотелось спрыгнуть с печи, ударить казака с рыжим чубом, выгнать из хаты чернявого хорунжего, отвязать от лавки отца, дать ему холодного кваса, помочь. Но детское сердце только еще больше сжалось от увиденного, мальчик понимал, что не сможет справиться с бандитами, ворвавшимися к ним в дом, пытающими на его глазах отца.

— Ну ладно, хватит, — хрустнув соленым огурцом, остановил казака хорунжий. — Кажись, он уже того.

— Дышит еще, — осклабился бандит. — Может, того, прикончить?

— Сам загнется. Пошли. Пора ехать.

Пять дней Аксинья вместе с ребятами отхаживала мужа. По народным, никем не писанным рецептам настаивала травы, делала примочки. Сашка бегал за деревню на луг, в лес, на берега

извилистого Салмыша, собирал травы, корешки, цветы. Но отцу становилось хуже и хуже. Он все время молчал и только иногда с трудом поднимал ослабевшую руку, гладил вихрастую голову сына. Потом как-то позвал Аксинью. Попросил сварить каши. Она захлопотала, заволновалась и, не найдя дома ни крупицы, послала в соседнюю деревню Оторванку, чтоб занять у знакомых.

Соседи пособили, и скоро в печи запахло душистой сливной пшенной кашей с картошкой. Отец едва улыбнулся, с трудом проглотил три ложки пшенки и устало опустил руки:

— Шайтан побери, чего-то плохо мне.

— А ты отдохни, отец, отдохни, — стала поправлять подушку Аксинья.

— Детей побереги, мать…

— Будет тебе, чегой-то ты удумал? — заволновалась жена. — Все пройдет, все будет хорошо, вот я тебе сейчас кваску принесу.

Она схватила деревянный ковш, выскочила в сени. Когда вернулась, ее Илья лежал тихо, закрыв глаза, правая, вся в мозолях от дратвы, натруженная рука свесилась до пола, а левая лежала на груди, у сердца.

Илью Родимцева хоронили всем селом. Подбодряли Аксинью, жалели осиротевших детишек. Сашка, стоя у могилы отца, не по-детски морщил лоб, сжимал маленькие кулачонки. Он никак не мог забыть того рыжего детину, избивавшего отца, и чернявого, с колючими черными глазами, пьяного хорунжего. «Вот вырасту, пойду в красноармейцы, шайтан побери, отомщу». Он удивился сам себе, что у него непроизвольно, как часто у отца, выскочила присказка «шайтан побери». Но вскоре забыл про это. Надо было идти домой, помогать матери, напилить и наколоть дров, принести воды, ведь он теперь в доме единственный мужчина.

Через месяц, как Аксинья овдовела, решила она серьезно поговорить с детьми. Долго думала, поймут ли, ведь еще малы. Ни Дуся, ни Сашка — никто из них не слышал, как плакала по ночам мать. Да она и сама себя не слышала. «Беда в одиночку не ходит», — шептала про себя Аксинья. В доме нечего было есть. Разруха, голод, прокатившиеся по стране, заглянули и в их скособоченную избу. «Учиться бы им», — вытирала покрасневшие от слез глаза вдова. Вот Сашка, он только с виду молчаливый, а умница. Ничего, что упрямый, в жизни это повернется в добрую сторону. И Дуся уже подрастает, знаний бы ей. Вон в соседнем селе и школу открыли. Не так уж и далеко, километров семь-восемь.

На семейном совете решили: Дуся пойдет в школу, а Сашка маленько подождет, поработает пока у соседа по хозяйству, кулак он не кулак, а крестьянин зажиточный. Сашка весело посмотрел

на сестру, на мать и совсем по-взрослому, не торопясь, согласился: «Ну, так тому и быть».

Неделю он ходил с утра к соседу, вечером возвращался домой. И не с пустыми руками. То муки принесет, то крынку молока, то для Дуси пяток яиц. Сосед был им доволен. Парень работящий, смышленый. Слово из него не вытянешь, а на работу горазд. Крепыш, силенка есть.

Однажды хозяйский сынок, тоже парень не слабый, решил помериться с Сашкой силой. Быть бы борьбе честной, да схитрил хозяйский сынок, а его поддержали мужики, охочие до смеха. Словом, надели Сашке хомут на шею и выпустили на круг.

Гришка, хозяйский сынок, все норовил отцова работника одной рукой за штанину схватить, а другой — за шею. Сашка поблескивал карими глазами, спрятавшимися под косым прищуром век, не торопился. Да и хомут мешал, был тяжел, саднил шею. Неожиданно Гришке удалось схватить выгоревшую полотняную штанину Сашки, ухватиться за ворот рубахи. Победно гикнув, он потащил на себя парнишку; мужики, в предвкушении легкой победы, трубно заржали. И здесь произошло непредвиденное. Сашка, смекнув, что с тяжелым хомутом ему не вырваться из цепких рук отожравшегося на добротных харчах Гришки, подался слегка вперед, а затем резко упал на соперника. Тяжелый хомут громко стукнул по лбу хозяйского сына, удар ошеломил его, и он, ничего не понимая, растерянно смотрел на сидящего у него на животе Сашку. А тот молча, не выказывая радости, только хитро поблескивая светло-карими глазенками, прочно примостился на Гришке, прижав драными коленками его бока, словно норовил дать шенкеля непослушной лошади. Отдышавшись, тихо сказал:

— Побаловались, и будя, мне домой надо — мать ждет.

А еще через неделю мать повеселела. Зимой работы стало поменьше, и Сашка на лыжах стал бегать в соседнее село в школу. Дождется, когда мать напечет с утра горячих ржаных лепешек, положит их в холщовую сумку и — на лыжи. Дуся, выходившая из дома раньше его, не успеет к крыльцу школы добрести, а пострел Сашка уже несется. «На, бери, мать напекла», — и протягивает душистую лепешку.

Вообще и Дуся, и мать, и учительница, и соседи считали Сашку молчуном и упрямцем. Чего уж задумает, от своего не отступится, и все молчком.

Он и разговаривать особенно был неохотлив. Вот только с Катей, соседской девочкой, что лет на пять моложе его, он другой раз и поговорит. О чем — никто не знал. Да и какие у них разговоры могли быть — ей девять, ему четырнадцать. Но дружба

у них была особенная, не всякому понять. Сашка, словно старший брат, заботился о Кате, подкармливал ее: то сухарик принесет, то луковицу, а то и лепешку. Соседские мальчишки, после поединка с Гришкой, побаивались Сашку Родимчика, как его звали они между собой, и Катьку, его соседку, не обижали. Знали, что — чуть что — несдобровать им от крепких Сашкиных рук. Знали, что лишнего слова он не сболтнет, а уж если скажет что обидчику, то будь спокоен — обещание свое выполнит, да так, что с неделю бока будут болеть.

Но однажды Сашка не углядел за Катей. На берегу Салмыша, где он пас скотину, Катя, что-то тихо напевая, собирала одуванчики — поговаривали, что они от зуда хороши. Вот Катя впрок их и собирала на зиму. Солнце выкатилось уже высоко, грело так, что от жары хоть под лопухи лезь. Окунув ноги в холодную прозрачную воду, девочке захотелось смочить и лицо. Она сделала шаг, протянула загорелые ладошки и, ничего не понимая, куда-то провалилась.

Сашка услышал громкий всплеск. Обернувшись, он только увидел цветастое платьице да черные косички. «Омут», — ужаснулся парнишка. Сломя голову он бросился в воду, подхватил теряющую сознание девочку, вынес ее на берег. В деревне потом долго говорили, как Сашка Родимцев спас соседскую Катьку…

2

Прошли тягучие голодные годы. Крепла Советская власть. Жить становилось легче. В Шарлык провели свет, поговаривали, что скоро подключат радио. Родимцев подрос, окреп. Он с нетерпением ждал, когда его призовут в армию, спал и видел себя на гнедом рысаке, с шашкой, в буденовке. Но получилось иначе.

В Оренбурге, на призывной комиссии, его по какой-то причине определили не в кавалерию, а в пехоту, да не в строевую часть, а в караульные войска.

— В кавалерию я хочу, — упрямо твердил паренек председателю комиссии.

— Мало ли чего кто захочет. Здесь армия, а не ярмарка. Учись дисциплине, парень. Тебя еще на лошадь садиться учить надо.

— Я лошадей в ночное гонял, — твердил Сашка.

— А я мух по избе гонял. Одним словом, не агитируй меня. Послужишь в караульных войсках, а там, если захочешь, после срочной хоть на кобыле скачи, хоть на аэроплане летай.

С детства Сашка считал, что шире и глубже его родного Салмыша никаких рек нет. Но когда он, сын батрака, впервые ехал по железной дороге и слушал рассказы о могучей Волге, на берегах которой ему предстояло служить, не верил своим ушам. И когда серым утром, вырвавшись из липкого тумана, воинский эшелон деловито застучал по железному мосту, Сашка, как завороженный, смотрел на белесую от утреннего тумана широкую ленту.

— Вот это да, шайтан побери…

Все годы, пока служил в Саратове, он в свободное время приходил к Волге. Сядет на корточки, прищурит хитровато-умные глаза, опустит в воду натруженные руки и о чем-то думает, думает. То ли вспоминает мать и сестренку, которые остались в родном Шарлыке, то ли далекий Салмыш, где таскал на утренней зорьке пескарей, то ли пахучий ковыль на прибрежных лугах, то ли дурманящий запах созревшего хлеба на бескрайних полях, то ли смуглянку Катю с глазами, словно вишенки, с косичками, переплетенными простенькой ленточкой, с калмыцкими скулами и переливчатым на все лады смехом. Одна Волга знала, о чем думал он, о чем мечтал, не забывая слов, данных самому себе — стать красным кавалеристом.

Два года вроде срок небольшой, но тянутся они долго. И даже армейская служба, с подъемами и отбоями, учениями, несением караульной службы, — словом, со всем своим выверенным, как

хороший часовой механизм, распорядком, не смогла ускорить бег времени. Многие ребята уже стали готовиться к демобилизации. Разговоров было много. Куда поехать? Глаза разбегались, когда читали газеты, душа разрывалась — хотелось побывать везде, где ключом била жизнь, где проходила передняя линия трудового фронта молодой республики.

Страна поднималась из разрухи после гражданской войны. Нелегко налаживала разрушенное хозяйство. Сеяла хлеб в голодной деревне, ставила на ноги заводы и фабрики в промерзших городах, учила ребятишек. И везде нужны были умелые рабочие руки, молодые горячие сердца.

В короткие часы отдыха ребята шумно, наперебой обсуждали свои мирные профессии. И только Сашка Родимцев отмалчивался. Запала ему в душу недавняя беседа командира с красноармейцами о международном положении, о том, что «толстосумы капитализма спят и видят, как бы задушить молодую республику, да и недобитые «бывшие» кое-где за кордоном воду мутят. Словом, глаз надо держать востро, варежку не разевать». И когда сослуживцы донимали его вопросами о демобилизации, он только загадочно улыбался и отнекивался: «Не завтра же, братцы, портянки сушить, еще подумаем, куда на гражданке податься». И только ротный знал, что мечтает Александр выучиться на красного командира, остаться служить в армии. Даже рапорт подал, ждет вызова в военное училище им. ВЦИКа для сдачи экзаменов.

3

Лето в том году выдалось жаркое, засушливое. Солнце пекло нещадно, будто задумало все вокруг расплавить, испепелить, иссушить, уничтожить, превратить в пыль. Улицы Москвы, покрытые асфальтом, становились мягкими, как желе. Даже вечером, когда раскаленное солнце нехотя опускалось за горизонт, а сиреневые сумерки надвигались на город, прохлада не спешила к людям.

Было часов одиннадцать вечера, когда к перрону Казанского вокзала, пыхтя и отдуваясь после длительной дороги, подполз видавший виды старенький паровозик, притащивший небольшой состав из обшарпанных вагонов. На привокзальную площадь, несмотря на позднее время, хлынул разношерстный люд.

Седой дедок с бородой клинышком, в белом парусиновом картузе и таких же парусиновых ботинках, в малиновой косоворотке, перепоясанной узким кожаным ремешком, с трудом волок две сумки с огромными арбузами.

Молодой рыжий здоровяк, косая сажень в плечах, на котором лезла по швам модная голубая майка, небрежно помахивая тугой связкой сушеной рыбы, издававшей приятный соленый запах раздольной реки, пытался на ходу прикурить папиросу.

Шумная стайка цыган, высыпав на перрон — в цветастых ярких юбках, красных, синих, черных, желтых косоворотках и в начищенных дегтем сапогах, с уснувшими на руках ребятишками, с тюками, с гитарами, с какими-то коробками — приглушенно зашумела, обсуждая свои житейские проблемы.

Пожилая тетка с перекинутыми через плечо и связанными между собой огромными котомками, в которых, прикрытые огромными лопухами, краснели ядреные помидоры, боязливо озираясь на шумную толпу цыган, быстро-быстро поспешила к выходу, не обращая внимания на тяжесть котомок и небольшого сундучка с замком, который она тащила в левой руке.

Последним из вагона вышел коренастый красноармеец. Форма на нем, хотя и была старенькая, выцветшая до такой степени, что трудно было определить ее первоначальный цвет, была аккуратно отглажена. В левой руке военный держал небольшой деревянный чемоданчик, в котором умещалось все его житейское имущество, на правой висела тугая шинельная скатка.

Хорошо начищенные ботинки и плотно накрученные обмотки свидетельствовали о том, что армейская четкость, дисциплина и аккуратность были в почете у военного. Взглянув на привокзальные часы и секунду подумав, он решительно

направился к постовому милиционеру.

— Мне надо в Кремль, как туда добраться?

Милиционер молча оглядел с ног до головы красноармейца, недоверчиво спросил:

— По какому делу?

— По служебному, — решительно отчеканил приезжий.

Милиционер в нерешительности потоптался на месте, прикидывая про себя, как поступить, но решительный тон собеседника, его ладная, крепкая фигура, доверчивый, располагающий прищур добрых глаз отбросили в сторону сомнения, случайную подозрительность.

— Садитесь на трамвай с красным номером, они еще ходят, и езжайте до центра. Кондуктор подскажет, где сойти.

Немного еще поразмыслив, он с сомнением добавил:

— Только вряд ли вас туда пропустят. А вообще попытайтесь.

Красная площадь ошеломила Александра. Строгая, деловая, она заставляла каждого, как показалось шарлыкскому парню, подтянуться, прежде чем вступить на святое место. Вот она, Кремлевская стена, дорогой и близкий сердцу каждого советского человека Мавзолей, нарядные купола собора Василия Блаженного, Лобное место. Вроде бы здесь все так, как много раз видел на фотографии, в кино, и вроде совсем по-другому, словно впервые увидел. «Ну вот, я и приехал, — шепотом произнес красноармеец. — Здравствуй, Москва!»

Дежурный по училищу тщательно проверил документы вновь прибывшего, накормил плотным ужином, направил в казарму. И хотя дальняя дорога и позднее время давали о себе знать, Александр не мог долго заснуть — столько мыслей, душевных переживаний обрушилось на него. Человек молчаливый, малоразговорчивый, уравновешенный и спокойный, он и виду никогда не показывал, что волнуется, переживает. Ребята на действительной службе часто говорили ему: «Не поймешь тебя, Саня. Понятно же, что тебе это не по душе, а ты и виду не подаешь, молчишь, вон лишь жилка на шее ходит».

— Выдержке учиться надо, — улыбаясь, отвечал Александр. — Нам, военным, без выдержки никак нельзя.

С добрым чувством вспомнил Родимцев сейчас, находясь в бывшем кремлевском арсенале, о своих друзьях, о Волге, к которой часто приходил поговорить по душам, о своей мечте стать красным командиром. Так, с улыбкой, и заснул.

А уже на следующий день для всех прибывших начались тяжелые экзаменационные дни. Будущие курсанты должны были показать, на что они способны. В военных лагерях, расположенных на Октябрьском поле, дотошные экзаменаторы

проверяли пышущих здоровьем парней. Зачарованные, смотрели новички, как один из курсантов второго года обучения, ладно скроенный, широкоплечий, бронзовый от загара, поигрывая бицепсами, подошел к вольтижировочному коню и, по приказу преподавателя, продемонстрировал каскад сложных упражнений, — да так легко, непринужденно, словно это никакого труда ему не стоило.

— Смотрите, будто наездник в цирке работает, — раздался затаенный вздох одного из новичков. И было в нем не поймешь чего больше: то ли восторга по поводу искусства наездника, то ли опасения, что ему-то этого не осилить.

— Родимцев, выполняйте упражнение! — Эта команда вывела из оцепенения Александра.

Худощавый, низкорослый, со светлым ежиком непослушных русых волос, Александр Родимцев вышел из строя. Серая в яблоках кобылица, пофыркивая, словно примеряясь к будущему наезднику, била копытом неровную землю, похлестывала хвостом, настороженно косила глаза. Только позже, уже будучи принятым в училище, Александр подружится с лошадью, которую закрепят за ним. Он привыкнет и к ее необычному имени — Аллегория, и к ее нелегкому, своенравному характерцу, познает резвость ее стремительного бега. Но это будет потом. «А как поведет она себя сейчас, при первом знакомстве?» С этой мыслью Александр подошел к лошади, пустил ее по кругу. Аллегория, словно и ждала сигнала: фыркнув, стремительно пошла. Не теряя ни секунды, бросился за ней, ловко схватился за луку седла, пружинисто оттолкнулся и, к удивлению стоящих, лихо перескочил через коня и обратно. Аллегория тоже, словно удивленная и рассерженная, что какой-то новичок с такой легкостью укрощает ее прыть, с большей резвостью пошла на второй круг. Теперь они словно испытывали друг друга — лошадь и наездник, входя в спортивный азарт, пытаясь пощеголять друг перед другом. Аллегория убыстряла бег, надеясь оторваться от новичка, а он отпускал ее на допустимый предел, мчался за лошадью и с завидной легкостью и каким-то весельем повторял раз за разом нелегкое упражнение. Наконец Аллегория покорилась. Худощавый красноармеец из далекого оренбургского села еще дважды так же непринужденно повторил упражнения.

— Достаточно. Встаньте в строй! — раздалась команда экзаменатора. — Отлично.

— Уральский казак, для него лошадь — родная стихия, — вконец упавшим голосом произнес белобрысый, веснушчатый парнишка.

Так Александр Родимцев сдал свой первый вступительный

экзамен по конному делу в кремлевское училище. Потом пошли специальные военные дисциплины. И с ними он справился успешно. Но вот в расписании приемных экзаменов дошла очередь до математики и русского языка. Это уже для Александра было сложней. Ему, сыну батрака, урывками посещавшему сельскую школу, где и занятия-то проходили нерегулярно, да и уровень преподавания был невысок, пришлось трудиться изо всех сил, чтобы выдержать нелегкие испытания.

Но он «лез из кожи», старался изо всех сил. За эти дни похудел, осунулся, только карие глаза, слегка прикрытые набухшими веками, да потрескавшиеся губы говорили о том, что такой не спасует. С трудом, но он сдал и математику, и русский язык. Даже сам удивлялся. Конечно, оценки посредственные, но все же сдал, не провалился. И, прощаясь с ребятами, которым не повезло, с надеждой ждал решения приемной комиссии. Со слезами на глазах уезжали молодые парни, провалившиеся на экзаменах. Многие клялись, что на следующий год приедут снова попытать удачу.

И вот волнующая минута. Будущих курсантов вызвали на заседание мандатной комиссии. В дощатом, свежевыкрашенном летнем бараке, за длинным прямоугольным столом, накрытым красным сукном, сидели члены государственной комиссии. В центре, поблескивая орденами, шуршал какими-то бумагами начальник школы Горбачев. Лихой участник гражданской войны, боевой командир, он вызывал чувство восхищения и сыновней любви у курсантов. Рядом с ним — заместитель начальника школы по политчасти Именинников. Его боевой путь по фронтам гражданской войны также был отмечен высокими правительственными наградами.

Будущие курсанты, по стойке «смирно» застывшие перед комиссией, затаив дыхание слушали Горбачева. Александр напрягся, как струна, ожидая, когда назовут его фамилию. И вдруг хлесткие слова словно обожгли: «Товарищ Родимцев, ваши оценки по общеобразовательным дисциплинам низки, и мы не можем вас зачислить курсантом».

Александр не поверил своим ушам. Захотелось что-то сказать, но во рту пересохло, язык стал шершавый, как рашпиль.

Неожиданно из строя вышел коренастый парень:

— Товарищ командир, у Родимцева отличные оценки по военным дисциплинам.

— Командир Красной Армии должен быть не только отличным спортсменом и лихим наездником, но и грамотным военным специалистом, культурным, всесторонне образованным человеком, — пробасил в ответ начальник школы. — А как

думает командир эскадрона?

Подтянутый, резкий в движениях командир эскадрона Шаймурадов, блеснув черными глазами, поднялся из-за стола:

— Считаю, что Родимцев сможет стать таким командиром, мы поможем ему.

Горбачев заулыбался, — видно, приглянулся ему этот неудачник — русоволосый парень, который с таким упорством сдавал экзамены. Вот сейчас, услышав неприятное известие, стоит, стиснув зубы, глаза горят, на скулах ходят желваки, весь как тетива натянут.

— Защитники у вас, товарищ Родимцев, надежные, — шагнул вперед начальник школы. — И младший командир Цюрупа, и командир эскадрона Шаймурадов горой стоят. А вы-то сами как думаете? Справитесь?

— Справлюсь, — твердо отчеканил Александр, и сам удивился, откуда взялась у него решимость. — Одно прошу — зачислите, не подведу.

На следующий день возле кабинета учебной части были вывешены списки зачисленных в школу. Среди других курсантов значилась и фамилия Александра Ильича Родимцева. От радости захотелось ему вскочить на коня и умчаться в родную оренбургскую степь, вдохнуть запахи дурманящего ковыля, бултыхнуться в холодный быстрый Салмыш, повидать близких, поговорить с односельчанами. Но Шарлык находился далеко, и неизвестно было, когда теперь попадешь в родное село. Глубоко вздохнув, Александр отправился в казарму, достал небольшой клочок бумаги, взял химический карандаш и принялся писать письмо домой. «Дорогая моя мама! Экзамены сдал, принят курсантом Объединенной военной школы имени ВЦИКа, которая размещается в Кремле. Моя мечта сбылась. Я стал кремлевским курсантом и буду командиром Красной Армии. Привет Дусе, дяде Грише, всем родным. Целую, моя дорогая мама. Твой сын Саша».

Закончив короткое письмо в далекий Шарлык, Александр еще раз пробежал глазами написанные строки. Подумав, подчеркнул то место, где было выведено, что он стал кремлевским курсантом.

После прохождения карантина, строго по расписанию, начались напряженные занятия в школе: строевая и физическая подготовка, изучение уставов внутренней и караульной службы, конное дело, боевое оружие… Учеба проходила в летних лагерях на Октябрьском поле, где дислоцировался кавалерийский полк.

Часто на занятиях по караульной службе молодой командир отделения Дмитрий Цюрупа, под командование которого попал Александр Родимцев, рассказывал курсантам о специфике и особенностях охраны Кремля. Разложив на большом столе

подробный план Кремля, он объяснял расположение старинных зданий, памятников архитектуры, специальных служб и постов, где должны будут в скором времени нести вахту молодые курсанты.

В напряженной учебе, боевых стрельбах, учениях лето пролетело незаметно. Глубокой осенью курсанты перебрались на зимние квартиры. Кавалерийский и артиллерийский дивизионы разместились на втором этаже старинного Арсенала, окна которого выходили на просторную Манежную площадь.

Александр сдержал слово, которое давал приемной комиссии. Занимаясь дополнительно с преподавателями, он в короткий срок ликвидировал свои пробелы по общеобразовательным дисциплинам. Теперь он не только отличался в джигитовке и вольтижировке, но отлично успевал и по математике, и по русскому языку, и по остальным предметам. В качестве поощрения его перевели в пулеметный взвод. И вот здесь-то, на удивление всем, он показал себя. Александр оказался прирожденным пулеметчиком, настоящим снайпером. Меткость, с которой стрелял шарлыкский парень из «максима», поражала всех.

Эта лихость едва не стоила ему отчисления. На стрельбище, где курсанты сдавали очередные зачеты, ребята подзавели его.

— А что, Сашок, слабо тебе очередью выбить свое имя, — подтрунивали весельчаки.

— Почему слабо, в аккурат выбью.

— Да брешешь зря, такого сделать невозможно.

Всегда спокойный, уравновешенный, выдержанный, Александр вспыхнул:

— Ставь щит, посмотрим, кто из нас брехун.

Он не торопясь, как рачительный хозяин, добротно установил «максим» на бруствере учебного окопа, проверил, как вошла в патронник пулеметная лента, прищурившись, пристально посмотрел на маячивший вдали щит и, поплевав зачем-то на руки, улегся за пулемет. Расчетливо и как-то немного лениво установил прицел и на минуту затих. Замолкли и шутники, щеголявшие друг перед другом едкими остротами.

Пулеметная очередь оборвала короткую тишину. Не обращая внимания на продолжавшего лежать после стрельбы Александра, все понеслись к щиту. Через мгновение от щита послышалось ликующее «ура».

Прибежавший на шум командир подошел к мишени, долго рассматривал щит с зияющими пробоинами, по которым четко читалось слово «Саша», зачем-то потыкал в пробоины пальцем, потом недоверчиво с ног до головы окинул взглядом застывшего

у «максима» курсанта и, только когда перепуганные курсанты вместо стойки «смирно» стали переминаться с ноги на ногу, сухо отчеканил: «Наряд вне очереди, и скажи спасибо, что я сегодня добр, а то мог бы и отчислить». Помедлив, прибавил лукаво: «А здорово я вас научил стрелять».

С этих пор командование неизменно посылало Родимцева на окружные соревнования пулеметчиков. И всегда команда, в которой он выступал, выходила победительницей. Вскоре его имя появилось на доске Почета школы…

Минуло восемь месяцев учебы. В февральский стужий день к Александру подошел командир отделения Цюрупа:

— Поздравляю, Саша! За отличную учебу командование эскадрона включило тебя в состав почетного караула поста номер один.

— А что это за пост?

Цюрупа стал не спеша рассказывать:

— Помнишь, в прошлом году наше отделение ходило на экскурсию в музей-квартиру Ленина? Так вот, у ее дверей был пост номер двадцать семь. Там стояли в почетном карауле наши курсанты. После смерти Ленина этот пост назвали номер один и перенесли его к Мавзолею.

«Вот это да, — думал Александр с затаенной гордостью, — мне — сыну батрака, деревенскому парню из далекого Шарлыка — доверяют такое ответственное дело».

Кроме Родимцева в почетный список были также включены из отделения Цюрупы курсанты: Семен Семенов, Василий Линьков, Дмитрий Скоробогатов.

Тщательно готовились курсанты к своему первому карауле у поста № 1. Сам комендант Кремля — комбриг Петерсон — проводил занятия. Особое внимание он обращал на строевую подготовку. Комбриг добивался от курсантов идеальной подтянутости, четкости шага, отработки ружейных приемов.

Вот и наступил памятный день для курсантов. Личный состав караула выстроился вблизи царь-пушки. На правом фланге, рядом с начальником караула, разводящий Дмитрий Цюрупа. Для проверки готовности караульных прибыл комбриг Петерсон. Стройный, собранный, в перетянутой ремнем шинели комбриг медленно обходил строй, задавал вопросы, придирчиво осматривал обмундирование. Видно по всему, что подготовкой курсантов остался доволен. И вот — торжественная минута. С боем курантов Александр Родимцев и его напарник Вася Линьков заступили на пост № 1 у Мавзолея Владимира Ильича Ленина.

Перед глазами скорбно тянется нескончаемый поток людей. Идут молча, потупив взор. Приблизившись к входу, люди

невольно замедляют шаги. Крепко ухватив за руку внука, прихрамывая, идет старик с длинной бородой. От мороза на пожелтевших от махорки усах деда появились ледяные сосульки. Оба одеты в длинные овчинные шубы, туго перетянутые кушаками. На головах шапки-ушанки. На ногах лапти, тщательно обернутые вокруг ног шерстяные онучи. Перед самым входом старик снял с себя подтертую ушанку, потом стащил шапку с мальчонки. На миг остановился, неожиданно опустился на колени, перекрестился, отвесил несколько поклонов.

…Много раз Александр нес почетную вахту у Мавзолея В. И. Ленина, и каждый раз с гордостью печатал шаг в составе караула, и каждый раз волнение не покидало его.

Но вот настал радостный и немного грустный день. Курсанты, уже в командирской форме, застыли в четком строю. Председатель экзаменационной комиссии зачитал выпускной приказ об окончании Объединенной военной школы имени ВЦИКа. Александр стоял в первой шеренге и от волнения и радости не мог сдержать счастливую улыбку. Наконец-то ему, курсанту Родимцеву, сдавшему все экзамены на отлично, присвоено звание командира-конника Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Согласно приказу, Александр через день должен был прибыть к новому месту службы. Он получил назначение командира пулеметного взвода в один из лучших кавалерийских полков, который дислоцировался в Москве.

Радостное чувство переполняло уроженца Шарлыка. Он был несказанно доволен, что сбылась мечта детства: сын батрака стал красным конником, командиром Красной Армии. Как-то сложится у уральского паренька военная служба?

Часть вторая
ОЛИВЫ ЦВЕТУТ В ПИРЕНЕЯХ

1

Четыре года службы в кавалерийском полку пролетели как один день. Занятия в классе, стрельбы, полевая учеба, маневры, походы. Все было интересно, нужно, и не так уж просто. Усталый приходил молодой командир взвода домой. И только здесь, когда открывал дверь скромной комнатушки деревянного барака-общежития, его карие с хитринкой глаза начинали весело поблескивать.

— Катеринка, мировое дело мы сегодня сделали, первый раз в жизни.

И он начинал рассказывать жене, своей односельчанке, о прошедшем дне. Рассказывал не спеша, весело, не замечал, как жена подставляла полную миску любимой его сливной каши. И только когда ложка звякала о дно тарелки, примолкал, словно вспоминал свое голодное детство. Вспоминал, как они с Катькой бегали на Салмыш таскать окуней, как он спасал эту бедовую девчонку, чуть не утонувшую, как провожал ее в детский дом, так как многодетная семья не могла сама прокормиться. И вот теперь они вместе, в Москве.

Служба шла успешно, а на душе у Александра было неспокойно. Человек военный, он понимал, чувствовал: в мире нарастает беспокойство, тревога. По нескольку раз перечитывал газетные строки о фашистском мятеже в Испании. И совсем стал неспокойным, когда появились сообщения о прибытии в сражающуюся республику интернационалистов-добровольцев. Несколько дней ходил сам не свой. И как-то, уединившись, написал рапорт с просьбой послать добровольцем в Испанию. Кате об этом не говорил. Да и ответа долго не было.

И только сегодня, когда возвращался с тактических занятий, в проходной его остановил дежурный по полку Саша Собакин:

— Тебе приказано явиться в Наркомат обороны к комбригу Урицкому.

На следующий день, ровно в девять часов вечера старший лейтенант Родимцев, волнуясь, открыл дверь кабинета Урицкого. Человек в военной форме с посеребренными висками, с красными от бессонницы глазами поднялся из-за стола, подошел к Родимцеву и, пожав ему руку, предложил сесть.

— Нам известно, — начал комбриг, — что вы более трех лет командуете взводом в кавалерийском полку. Мы согласны удовлетворить вашу просьбу — в Испании нужны добровольцы, отлично владеющие пулеметом. Готовьтесь. В газете «Правда» опубликовано обращение революционной молодежи Испании —

«Молодежь мира, слушай!» Читали?

— Да.

— Запомните, туда едут самые лучшие люди, молодежь всего мира. Держитесь, как подобает советскому человеку. До Парижа вы еще Родимцев. А после — Гошес. Вместе с вами поедет ленинградец Николай Никифоров.

— Как мы встретимся?

— Он найдет вас на вокзале.

Удостоверение личности и партийный билет комбриг предложил сдать на хранение. Прощаясь, крепко пожал руку, пожелал счастливого пути и потом, немного помедлив, добавил:

— Ждем героем на родину.

Здесь же привели Александра в какую-то комнату и сказали: «Переодевайтесь». Гимнастерку, брюки, шинель, сапоги — все он сложил в узелок, привязал бирку с надписью «Ст. лейтенант А. Родимцев. 13 сентября 1936 г.» и убрал в шкаф. На диване лежал новенький однобортный костюм, пальто, белая рубашка с черным галстуком, шляпа, ботинки и носки. Ему еще никогда не приходилось носить такую одежду. Много труда стоило пристроить на место непослушный галстук. Узел не удавался, галстук выскальзывал из рук. Казалось, все надетое висит мешком, топорщится. Чувствовал Родимцев себя в обновке неуверенно. Больше всего боялся, что при встрече с военным по привычке возьмет руку под козырек. Но все обошлось благополучно. Уже темнело, когда он добрался домой. Жена хлопотала по хозяйству. Времени до отъезда оставалось совсем немного. Ничего не придумав, как объяснить растерянной жене свой необычный гражданский костюм, он прямо сказал:

— Еду, Катя!

— Куда?

— В Испанию.

Жена медленно опустилась на стул. Помолчала. Потом тихо поставила на стол чайную чашку, промолвила: «Если надо, так надо».

Настало время прощаться. Он не помнил, как расстался с женой, дочкой, как вышел из дома и добрел до трамвайной остановки. Трамвая долго не было. Собралась толпа. Александру казалось, что стоит он здесь целую вечность. «Лучше бы дома еще немного посидел», — мелькнула мысль. И ему стало не по себе оттого, что так неожиданно обрушил на жену недобрую весть, многое не договорив, ушел из дома, не зная, на какой срок. На год? На два? А может быть…

— Будете мечтать или поедем? — легко подтолкнула его в спину молодая женщина.

Вошел в трамвай. Мест не было, и Александр пристроился на площадке. Старенький трамвай, позвякивая, суетливо побежал по улицам Москвы. Входили пассажиры. Веселые и говорливые, задумчивые и молчаливые, степенные и фривольные. Кондукторша ловко отматывала от катушки билеты, быстрым натренированным движением отрывала их и передавала пассажирам. Время от времени она деловито выкрикивала: «Проходите вперед, не загромождайте площадку».

На Белорусский вокзал приехал за пятнадцать минут до отправления поезда. В ожидании попутчика задумчиво прогуливался по платформе, посматривая на часы, разглядывал отъезжающих.

— Павлито! — раздался за спиной негромкий, глуховатый голос.

Первое желание — обернуться, посмотреть, кому принадлежит этот голос. Каким образом незнакомый человек узнал его новое имя? Родимцев продолжал идти, отсчитывая шаги. А потом беспокойная мысль заставила его остановиться. Он обернулся. Коренастый, широкоплечий парень с гладко зачесанными назад каштановыми волосами пристально смотрел на него. Александр внимательно изучал незнакомца. Наконец парню надоело играть в молчанку, и он широко улыбнулся:

— Разрешите познакомиться?

Родимцев протянул руку и неожиданно почувствовал в своей ладони сложенную бумагу. Разжал пальцы, в ладони лежал железнодорожный билет на уходящий через пять минут поезд.

— Торопись, — шепнул парень и пошел вдоль перрона.

— Как зовут? — крикнул Родимцев ему вдогонку.

Парень то ли не расслышал, то ли пожелал остаться безымянным.

Едва Родимцев прыгнул в вагон, как паровоз дал протяжный гудок и состав медленно, тяжело отдуваясь, пополз от перрона. Александр открыл дверь и от неожиданности остановился: у окна за столиком, прикрывшись газетой, сидел тот самый парень.

— Входи, чего растерялся!

— Вместе поедем?

— Видно будет, — улыбнулся попутчик.

Они забросили на полку чемоданы, присели на диванчик. За окном убегали пригородные платформы, станционные буфеты, перегороженные полосатыми шлагбаумами переезды, маленькие речушки, будки железнодорожных обходчиков.

— Будем знакомиться, — нарушил затянувшееся молчание попутчик.

— Попробуем.

— Николай Никифоров.

— Александр Павлов.

И они рассмеялись. Каждый понял, что попутчик назвал вымышленную фамилию.

— Доброволец? — спросил Родимцев Николая.

— Он самый, не мог больше дома сидеть.

За разговорами незаметно летело время, спать не хотелось. Поезд убежал от звездной ночи, и, неожиданно для пассажиров, в вагон вполз серый рассвет. Состав остановился на небольшой станции с некрасовским названием «Негорелое». В купе появились пограничники, попросили документы, внимательно просмотрели их. Все оказалось в порядке. Александр и Николай пересели в вагон прямого сообщения с Парижем. Теперь их путь лежал через Варшаву, Берлин, Дюссельдорф, Кельн.

В Париже на вокзале их встретил сотрудник нашего посольства. От вокзала по узким улицам поехали в центр города. Дипломат, встретивший добровольцев, интересовался Москвой, расспрашивал о фильмах, которые идут в «Ударнике», о погоде. Потом они поменялись ролями. Встречавший стал рассказывать гостям о достопримечательностях Парижа, о красоте Булонского леса, об истории Люксембургского дворца, о художниках Монмартра, о парижских бульварах. Рассказывая о Франции, встречавший особенно подчеркивал, что в стране живет очень много белоэмигрантов.

Бывшие царские офицеры, помещики, финансовые тузы, золотопромышленники работают здесь шоферами такси, вышибалами или официантами в ресторанах. Более предприимчивые, успевшие прихватить с собой золото и драгоценности, обзавелись собственными магазинами.

— Это, пожалуй, один из немногих шоферов-французов, — показал глазами провожатый на шофера такси, — а то, как правило, за рулем сидят белоэмигранты.

Машина, заскрипев тормозами, остановилась у дверей скромной гостиницы. Николай спросил, сколько они должны заплатить за проезд. И не успел сотрудник посольства ответить, как шофер заговорил на чистом русском языке: «Здесь, в Париже, нет твердой цены за проезд, и мы берем столько, сколько дадут».

— Ошиблись, — смеялся Александр в гостинице, — и этот таксист оказался белоэмигрантом…

Незаметно на город опустились сумерки. Александр с Николаем вышли на улицу. Богато украшенные витрины магазинов зазывали к прилавкам, умоляли, просили, требовали купить бритву, мужскую шляпу, легковую машину, детскую игрушку, велосипед и многое другое. По тротуарам, назойливо

выкрикивая заголовки, носились разносчики газет.

— Республика в огне! — сообщал веснушчатый гонец в берете.

— Каудильо на материке! — горланил белобрысый парнишка.

— Создан Комитет невмешательства!.. Добровольцы едут в Испанию!.. Жертвы фашистов — испанские дети! — выкрикивал молодой парень в кожаной куртке.

Парижские разносчики вечерних газет вернули добровольцев к действительности, напомнили о том, к чему они себя готовили. Их ждала Испания.

После нескольких дней пребывания в Париже пришло время прощаться с Францией. Александру вручили удостоверение личности и предупредили, что в Барселоне его встретят свои люди. Какие люди, как их узнать, — хотелось спросить у провожавших. Но Александр уже стал привыкать к конспирации и промолчал. «Видно, люди, готовившие отъезд, все продумали», — успокаивал он себя.

В поезде Париж — Барселона к Александру подошел улыбчивый, жизнерадостный человек:

— Путешествуем?

— Да, решил съездить на корриду, — как можно беспечнее ответил Александр.

— Стоящее дело, — деловито одобрил незнакомец.

— А вы?

— Хочу закупить оптовую партию апельсинов.

За спиной медленно прошел полицейский, внимательным взглядом прощупывая пассажиров. Незнакомый заметно оживился, принялся рассказывать о ценах на фрукты. Потом, когда они остались вдвоем, сразу же стал серьезным и тихо произнес:

— Будем знакомы: Петрович, Кирилл Афанасьевич. В Испании, Павлито, нам предстоит работать вместе. Задание получишь от меня на месте.

На испано-французской границе все обошлось благополучно, документы оказались в порядке.

В Барселоне вместе с добровольцами из других стран их повезли в центр города.

У небольшого малоприметного дома на тихой улочке машина остановилась.

— Выходите, — приветливо распорядился шофер.

В доме уже были такие же, как и они, «гости». Одни, утомившись после долгой и трудной дороги, отдыхали на узеньких диванчиках, расположенных вдоль стен. Другие, столпившись возле единственного телефона, уговаривали

непреклонного дежурного соединить их немедленно с земляками, чтобы как можно быстрее отправиться в часть, на передовую. Французские добровольцы разложили на полу карту и, склонившись над ней, изучали положение на фронте.

На втором этаже была оборудована походная столовая. Вновь прибывшим предложили по куску холодной баранины, по стакану вина и апельсины.

— Долго пробудем в Барселоне? — спросил Александр у своего попутчика.

— Сегодня едем.

На второй день поезд доставил их в Мадрид. Город поразил своим чудесным обликом. Удивила величавой красотой река Мансанарес. Она словно соревновалась в праздности и беззаботности с раскинувшимися по ее берегам кварталами Мадрида. Бросился в глаза зеленый небольшой островок — парк Каса-дель-Кампо — излюбленное место отдыха горожан. А дальше, за ним, слышны народные испанские песни. Это поют рабочие предместья Карабанчель. Черноголовые юркие ребятишки целыми днями вонзают здесь деревянные кинжальчики в тряпичных худосочных быков. Профессия тореро в Испании и романтична, и денежна. Бой быков — это не только развлечение, тем более для бедных, тех, кому ради куска хлеба надо рисковать жизнью на корриде, — это и верный способ сделать карьеру, стать знаменитым.

В Испании матадор так же знаменит, как во Франции кинозвезда.

В Мадриде огромный университетский городок. Александр бродил по его улицам, наблюдая за студентами, и не мог, конечно, знать, что скоро здесь, в аудиториях, ему придется держать оборону. Вечером Петрович дал Александру первое задание:

— Завтра утром, Павлито, поедешь в Альбасете. Это небольшой городок, около пятидесяти тысяч жителей. Там военный арсенал и учебный центр по формированию интернациональных бригад. Будешь учить испанцев пулеметному делу…

В альбасетской гостинице, где разместился Александр, на всех этажах слышалась разноязыкая речь. Здесь жили англичане и французы, поляки и румыны, болгары и немцы, венгры и чехи — добровольцы, приехавшие, чтобы в рядах интернациональных бригад помочь республиканской Испании.

Павлито, теперь Александр уже стал привыкать к своему новому имени, решил поужинать в ресторане, который находился на первом этаже. Занял столик у окна. Не успел заказать ужин,

как в дверях появилась молодая пара. И вдруг, бывает же такое, Александр увидел идущего ему навстречу Митю Цюрупу. Он даже глазам своим не поверил, зажмурился, потом снова открыл. Никакой ошибки. Перед ним стоял его друг и командир, с которым в курсантские годы делили и радости, и огорчения, вместе овладевали военной наукой в учебных классах и на полигонах. Вот только вместо привычной гимнастерки на нем был цивильный светлый костюм.

— Здорово, Сашок, — весело забасил Митя. — С приездом, друг.

К столику подошли молодые испанцы. Высокий парень пригладил рукой черные, как смоль, волосы, поправил небрежно закрепленную на боку кобуру с пистолетом. Рядом с ним приветливо улыбалась девушка в черном платье с белой повязкой на рукаве. Ее туалет дополнял чернокрасный галстук. И хотя в зале было достаточно свободных мест, Павлито понял, что девушка и юноша хотят поужинать за их столиком. Попросив разрешения, испанцы подсели, достали сигареты, закурили.

— Ну вот, ты хотела видеть русского, Франческа, — начал парень. — Знакомься. — Он неплохо знал русский язык.

Девушка застенчиво протянула руку.

— Франческа.

— Фридо, — представился Митя.

— Павлито, — назвал свое новое имя Александр.

— Мигель, — поднялся спутник девушки.

Франческа и Мигель стали оживленно беседовать с Митей, который хорошо знал испанский. Внимательно взглянув на Александра, девушка спросила по-русски. Очевидно, камарада прибыл недавно, я его до этого не видела?

Митя утвердительно кивнул. Александра заинтересовал ее черно-красный галстук.

— Вы анархистка? — спросил он Франческу.

— А вас это удивляет?

— Нет, но…

— Не отказывайтесь, по глазам вижу — удивляет. Мой жених коммунист, а я анархистка.

Юноша улыбнулся.

— Я верю, что Франческа рано или поздно переменит свои взгляды.

Поужинав, новые знакомые распрощались.

Утром Александр проснулся под впечатлением вечерней встречи. Из головы не выходила молодая, жизнерадостная пара испанцев. Захотелось еще раз их увидеть, потолковать о житье-бытье, подружиться.

Его мысли прервала появившаяся в дверях переводчица Мария Хулия. Точная и пунктуальная, она напомнила, что пора на работу. До арсенала несколько километров.

3

В огромном, невзрачном сарае длинной цепочкой вытянулись узкие столы, сколоченные из нестроганых досок. К стенам приросли верстаки. Повсюду толпились молодые люди, одетые кто во что горазд. И трудно было разобрать, кто здесь работает: то ли слесари-сборщики, то ли партизаны, то ли солдаты. Одни щеголяли в новеньких синих комбинезонах, другие пришли в обыкновенных гражданских костюмах и сейчас, боясь их запачкать, нацепили длинные замасленные фартуки. Третьи разжились полувоенными костюмами цвета хаки.

Впрочем, подобной пестроте костюмов не стоило удивляться, ведь в Испанию приехали добровольцы из многих стран мира.

Работа шла полным ходом. Вскрывали длинные ящики с оружием, укладывали на стеллажи детали пулеметов, очистив их от заводской смазки. В дальнем углу арсенала группа людей собирала ручные и станковые пулеметы. На столах то тут, то там беспорядочно валялись: «сент-этьен», «шош», «гочкис», «льюис», «викерс», «максим». Испанское правительство сумело закупить это оружие в разных странах, пока не начал свою подлую деятельность пресловутый лондонский Комитет невмешательства, всячески мешавший республиканской Испании бороться за свою независимость.

Александр рядом с переводчицей Марией Хулией шел по арсеналу и внимательно всматривался в лица добровольцев. Хотелось понять чувства, переживания этих людей, узнать, что привело их в этот небольшой южный городок Испании, почему они променяли уют домашнего очага на фронтовые дороги. Наверное, причины те же, что и у него, уральского парня — ненависть к фашизму, желание помочь испанским рабочим отстоять свою свободу.

У одного из длинных столов собралось много народу. Люди о чем-то спорили, горячо жестикулировали руками, что-то доказывали друг другу, перекладывая в ладонях детали пулемета «максим». Среди спорящих стояли Франческа и Мигель.

Мария Хулия шепнула:

— Павлито, пойдем к этой группе, поздоровайся с ними на испанском языке: «Салют, камарада!»

Мысленно Александр несколько раз повторил эту фразу, но тем не менее опростоволосился. Вместо «Салют» громко произнес «Салут». Ну конечно же первой озорно прыснула в ладошку смешливая Франческа. Мигель поднял на него свои большие, внимательные глаза, пылко протянул руку.

Александр понял, что спор идет о том, как правильно собрать замок пулемета. Предлагалось много способов, но все были неверны. Тогда он молча взял части замка и, не торопясь, показывая каждую деталь, собрал его. Для большей убедительности спустил курок, демонстрируя, что теперь собрано правильно. Затем снял плащ, засучил по локоть рукава и начал собирать пулемет полностью. Через какие-нибудь полчаса из него можно было стрелять.

Добровольцы окружили новичка, улыбаются, что-то говорят между собой. Ясно только одно: они хотят также хорошо знать пулемет и просят в этом помочь им.

Мария Хулия объяснила, что Павлито — военный специалист-пулеметчик, профессор своего дела, специально для этого и приехал сюда.

— А с вашей стороны — внимание и дисциплина, — назидательно, словно учительница, сказала им Мария. — Вы готовитесь к жестокой борьбе, а на фронте должна быть железная дисциплина.

Бойцы интербригады согласно закивали головами.

Между тем Павлито предложил добровольцам попробовать еще раз разобрать и собрать замок пулемета. Многие замялись, неуверенные в своих силах. Наконец смелости набрался Мигель. Подталкиваемый своей подругой в бок, он вышел на середину, взял в руки замок, тяжело вздохнул, словно предстояло перевернуть земной шар, и принялся разбирать его. Отсоединенные детали он медленно складывал на деревянный стол. Закончив, парень широко улыбнулся и вопросительно посмотрел на нового друга. Павлито показал ему взглядом, что теперь дело осталось за «малым» — надо детали собрать. К радости бойцов интербригады, Мигель успешно справился и с этой задачей, и друзья наградили его шумными аплодисментами, отеческим похлопыванием по спине.

Ободренная успехом своего возлюбленного, из плотного круга теперь вышла Франческа. От смущения краска залила ее лицо. Но она поборола стеснительность и тихо попросила:

— Дайте мне.

Шум стих, и теперь все внимательно следили за длинными, тонкими пальцами девушки, ловко орудующими над замком. Девушка настолько быстро разобрала замок и так молниеносно начала его собирать, что вокруг послышался шумный одобрительный говор. Наконец все готово, остается только нажать курок и произвести холостой выстрел. Франческа, широко улыбаясь, давит пальцем на курок, но что это? — он не поддается. Девушка растерянно оглядывается на Мигеля, потом смотрит на

Павлито. Быть может, не так поставлена какая-нибудь деталь? Павлито быстро осмотрел замок — он был собран правильно. Заминка пустячная — Франческа забыла спустить предохранитель. В это время из круга добровольцев вышел Мигель. Он протянул руку к замку, но девушка бросила на него сердитый взгляд.

— Отойди, сама разберусь.

И она опять быстро разобрала и собрала замок. Затаив дыхание, девушка снова положила палец на курок: щелчка не последовало. В глазах ее появились слезы. Она так и не могла определить свою ошибку и продолжала растерянно вертеть в руках злополучную деталь. Павлито стало жаль девушку. Он хотел выручить ее и сделал шаг вперед. Но Франческа не дала раскрыть рта:

— Пожалуйста, молчите, я сама.

Состояние ее было хорошо понятно. Притихли даже шутники, пораженные упорством Франчески. Все в этот момент волновались за нее. И она, поняв чувства друзей, благодарно улыбнулась добровольцам, затем медленно, что-то шепча про себя, разобрала замок, затем также сосредоточенно, четко собрала и… механически рука спустила предохранитель. Франческа закрыла глаза, зажмурилась и нажала на курок. В наступившей тишине раздался сухой щелчок. Еще мгновение, и мастерская арсенала наполнилась криком «ура». Все бросились поздравлять девушку. А она стояла счастливая, улыбающаяся и старательно, чтобы скрыть волнение, протирала ветошью и без того уже начищенные до блеска детали пулемета.

4

Жизнь в Альбасете шла размеренным, четким ритмом: учеба, сборка пулеметов, отправка готовых пулеметных расчетов на фронт. Франческа и Мигель находились в одной из сборочных групп. С утра до поздней ночи они работали, а уже за полночь, перед сном добровольцы собирались вместе, подолгу разговаривали.

Незаметно летели недели. Вскоре, с приходом нового отряда добровольцев, удалось быстро подготовить большую партию вооружения. Отпала нужда держать в арсенале инструкторов. Александру поручили формировать и обучать пулеметные команды для действующей армии. Учебный центр, где предстояло ему теперь работать, располагался в десяти километрах от. Альбасете. Распрощавшись с друзьями, оставшимися в арсенале, он стал готовится к отъезду. Поздно вечером, когда в номере гостиницы укладывал нехитрые пожитки, в дверь постучались.

— Входите! — крикнул Павлито.

На пороге стояли смущенные Мигель и Франческа. Еще днем они тепло попрощались с ним, договорились обязательно писать друг другу, и вдруг этот неожиданный визит.

— Что-нибудь случилось? — подошел Александр к Мигелю.

— А как же ты думал, иначе мы бы и не пришли.

— Говорите же, не тяните за душу.

И тогда Франческа, бросив теребить галстук, торопливо стала излагать свое «горе». Оказывается, они узнали, что их не посылают в учебный центр, а оставляют в арсенале. А это значит, что они не попадут на фронт и будут «торчать» в тылу. Столько горя, отчаяния было у девушки, что казалось, она вот-вот разрыдается. Александр, путая русские и испанские слова, пытался успокоить молодых, доказывал, что они в совершенстве овладели пулеметом и обязаны поделиться своими знаниями с другими.

— Тебе не стыдно, камарада! — пришел на выручку подруге Мигель. — Разве мы приехали сюда, чтобы отсиживаться в тылу. Да меня мой старый отец на порог не пустит, если узнает, что я не на передовой.

— Убежим! — всхлипывая, выкрикнула девушка.

— Чем же я могу помочь? — спросил Павлито.

Они словно этого и ждали. В один голос Мигель и Франческа стали просить, чтобы он взял их в учебный центр, к себе в группу.

— Кто же меня послушается?

— Не криви душой, — укоризненно покачал головой

Мигель. — Слово русского добровольца! Ты знаешь, что это такое!

Конечно, они преувеличивали его роль, но тем не менее он пообещал поговорить с начальством. На следующий день, за несколько часов перед отъездом, Павлито удалось уговорить командира отпустить молодых людей в учебный центр. Мигель и Франческа поймали Павлито у ожидавшей его машины, перед самым отъездом. Узнав, что их просьба удовлетворена, они забыли даже сказать «до свиданья» и, радостные, побежали в здание арсенала.

В учебном центре Павлито пришлось еще труднее. Перед ним оказались испанцы разных возрастов: и молодые, и пожилые, имеющие богатый жизненный опыт. Почти все они за свою жизнь не только ни разу не выстрелили из винтовки или пулемета, но и впервые их видели. А изучать материальную часть через переводчика оказалось делом довольно сложным. Когда он объяснял назначение той или иной детали пулемета своим слушателям, переводчица, мучаясь, старалась точно перевести его слова. Но специальные термины сильно затрудняли работу, и чувствовалось, что «курсанты» плохо понимают. В муках и недоразумениях прошли первые два дня.

И когда через три дня он увидел в учебном городке Франческу и Мигеля, то несказанно им обрадовался. Ведь они отлично знали пулемет и немного говорили по-русски. Словом, увидел в них надежных помощников. Они стояли друг против друга и улыбались.

— Вот, назначены к вам инструкторами, — пробасил Мигель.

На следующий день Павлито прикрепил новоиспеченных инструкторов к учебным группам. И работа закипела. Дела пошли значительно лучше. Поднялось настроение. По вечерам они собирались втроем в небольшом зеленом сквере и мечтали о том, как после войны будут ходить в театр, на корриду, в музеи. Но однажды Франческа долго не шла на «посиделки». Прождали ее несколько часов и уже собирались идти на поиски, как Франческа появилась — растерянная, сердитая, раздраженная. Несколько минут молчали. Девушка тоже не начинала разговора. Она нервно кусала губы, то и дело теребила в руках неизменный черно-красный галстук, потом разгневанно воскликнула:

— Вот подлец, негодяй! Хотел меня купить.

— Да что случилось? — не выдержал Мигель.

Девушка немного помолчала, словно раздумывая; говорить или не говорить, но потом решила все же рассказать о происшедшем.

Это случилось на рассвете. Франческа, как всегда, готовилась к утренним занятиям. Группа ее уже ушла на полигон, а она на

несколько минут задержалась на складе, куда привезли новые пулеметы. Неожиданно к ней сзади подошел незнакомый человек, высокого роста, худощавый, с пышной каштановой шевелюрой. Он торопливо оглянулся и, убедившись, что, кроме кладовщика, хлопотавшего в дальнем углу, никого нет, таинственно зашептал девушке на ухо:

— Я только что из Мадрида. Истинные патриоты Испании послали меня сюда.

— Какие патриоты? — рассеянно переспросила незнакомца Франческа.

— Вы анархистка? — вопросом на вопрос ответил высокий человек.

— Да, я анархистка, — гордо вскинула голову девушка.

— Давайте выйдем отсюда, нам могут помешать. — Мужчина галантно взял собеседницу под руку.

Растерявшись, девушка не сопротивлялась и вышла из склада. Они зашли за угол здания и остановились. Убедившись, что за ними никто не следит, худощавый мужчина начал пылкую речь в защиту древних традиций Испании, ее могущества и независимости. Тяжело вздыхая, он принялся сетовать, что сейчас судьба Родины в опасности, что коммунисты хотят воспользоваться моментом и захватить власть в свои руки, что их не интересует судьба Испании. Франческа насторожилась. А тот продолжал приводить «аргументы».

— Вот почему вас, анархистку, и других, в совершенстве овладевших пулеметным делом, держат в тылу, а не посылают на фронт? Ведь там сейчас каждый боец на счету.

Работа в тылу была больным местом девушки, и она так растерялась, что ничего путного не смогла ответить незнакомцу.

— Не знаю, может быть…

— Никаких может. Здесь дело ясное — происки коммунистов. Прикрываясь формированием интернациональных бригад, они отстраняют национальные кадры. Одним словом, коммунистический заговор.

— Что же вы предлагаете? — Кривая ухмылка тощего собеседника насторожила девушку.

— Маленькая услуга, и истинная Испания не забудет вас, — напыщенно промолвил собеседник. — Здесь формируются и обучаются интернациональные бригады. Здесь же они вооружаются. Несколько движений напильником по бойку затвора, и машина выходит из строя. Щелкает, но не стреляет. Выведем из строя партию пулеметов — дискредитируем интербригадовцев.

— Мерзавец, — Франческа закатила такую оплеуху

долговязому типу, что тот даже пошатнулся.

— Ну ты, тварь, не распускай руки. — И он угрожающе опустил здоровенную лапу в карман.

К счастью, из склада вышел кладовщик и, щурясь на солнце, стал раскуривать сигарету. Незнакомец приказал девушке молчать. Но та и не думала кричать.

— Я честная анархистка, признающая свободу личности, и не собираюсь быть доносчиком, — высокопарно выдохнула она. — Но с одним уговором; чтобы я тебя здесь больше не видела.

Долговязый испытующе помолчал, потом медленно повернулся и заковылял вихляющей походкой к стоявшей неподалеку машине.

— Не подумай, что я тебя испугалась! — крикнула вдогонку Франческа.

Незнакомец сел в кабину, и машина стремительно сорвалась с места.

— Что это за тип? — подошел к девушке кладовщик.

— Так, неудачливый ухажер, — скрыла Франческа.

Целый день она была взволнованна. Занятия проводила рассеянно, несобранно, и добровольцы несколько раз переспрашивали ее о здоровье. Но девушка отвечала, что прекрасно себя чувствует, и продолжала машинально рассказывать, как собирать и разбирать пулеметы. Едва дождавшись вечера, она хотела бежать к Мигелю, но затем раздумала: стоит ли его посвящать в эту историю? Долго сидела в одиночестве, мучительно обдумывая свое поведение, но в конце концов решила обо всем посоветоваться с другом.

— Вот почему я и опоздала к вам, — закончила свой рассказ Франческа.

— Куда поехал этот тип? Ты запомнила его? — заволновался Мигель.

— Я не доносчица и дала честное благородное слово не преследовать его.

— А он, если тебя встретит, не пожалеет, повесит на первом дереве.

— У меня свои принципы — я уважаю свободу личности, — отвернулась обидчиво девушка.

— Опять ты за старое, несешь чушь какую-то…

Франческа, сердито глядя ему в глаза, тихо спросила:

— А может быть, тебе не понравилось, как он отозвался о коммунистах, и ты хочешь ему отомстить только за это? Спасти, так сказать, честь мундира?

— Да это же предатель, предатель испанского народа, твоей родины, как ты не понимаешь, — пылко объяснял своей подруге

Мигель. — Разве может честный человек умышленно обрекать на смерть сотни людей? Ты представляешь, в какое положение попали бы республиканцы с подточенными бойками? Ждали бы наступления фашистов, готовились открыть огонь, а пулеметы в критический момент не заговорили бы.

— Вот за это я и влепила ему оплеуху, — гордо парировала Франческа.

Она никак не могла понять, что одними пощечинами пятую колонну не уничтожишь, и твердо верила лишь в силу честного благородного слова. Совсем еще неопытная, она не знала, что фашисты для осуществления своих коварных замыслов прибегают к самым изуверским методам. Они взяли на вооружение подлость, коварство, жестокость. Чего стоит честное слово палача, одним росчерком пера подписавшего смертный приговор сотням и тысячам патриотов. И ни Павлито, ни Мигель не смогли в тот вечер переубедить ее.

— Жизнь рассудит нас, — холодно попрощалась Франческа.

Она ушла. Мигель несколько раз окликнул ее, но Франческа не повернулась, только ускорила шаг. Боясь, как бы чего не случилось с подругой, Мигель решил, что незаметно проводит девушку. Они торопливо распрощались в темноте. Павлито слышал его удаляющиеся шаги и думал о том, как сложатся теперь их взаимоотношения, насколько серьезна их новая ссора. Мигель рассказывал, что он всегда тяжело переносит такие размолвки, что не раз пытался доходчиво объяснить невесте цели и задачи коммунистов, но Франческа всегда в штыки встречала его «ликбезы». Едва он начинал такой разговор, она ехидно улыбалась: «Опять хочешь обращать меня в свою веру? Нет уж, если любишь, люби такую, какая есть. А не нравлюсь — скажи прямо». И она опять, как и теперь, скрывалась за спасительной фразой «жизнь нас рассудит».

Жизнь уже не раз опровергала доводы девушки, хотя та и не хотела признаваться в этом. Мигель знал самолюбивый характер невесты, он был терпелив и благоразумен. Но главное — он любил Франческу больше жизни.

Увиделись они только через неделю в учебном центре. Им сообщили, что обстановка на фронте усложнилась и многим из них через день придется отправиться в боевые части. Тут же были зачитаны назначения. Франческа попала в одно из подразделений анархистов, Мигель — в пятый коммунистический полк, Павлито ехал инструктором в батальон капитана Овиедо. Втроем они вышли на улицу после совещания, молча побрели в небольшой скверик, разыскали скамейку и, ничего не говоря друг другу, просидели с полчаса. Потом Франческа взяла их обоих за руки и

тихо сказала:

— Когда летом я уезжала на море, я знала, как надо прощаться. А вот на фронт иду впервые и, что в этом случае положено говорить, просто не представляю. Давайте пожелаем друг другу, как в мирное время, счастливой дороги.

И она снова умолкла, влюбленно глядя на Мигеля. Им хотелось остаться вдвоем. Павлито понял это и, попрощавшись, пошел к себе, надо было приготовиться к отъезду. Аллея скверика была длинной и прямой, он несколько раз оборачивался. Мигель и Франческа стояли рядом и долго махали ему вслед. Но вот густая ветка разросшегося апельсинового дерева скрыла их от него. Каждый хорошо понимал в эту минуту, что прощание может оказаться для них последним.

Павлито радовался новому приказу, по которому его посылали на фронт. Все последнее время он чувствовал себя как-то неловко, переживал, что его ученики, пройдя подготовку, отправляются в действующую армию, а он прохлаждается в тылу. И вот сегодня получил долгожданную команду — отбыть в боевую часть, на передовую, на самый горячий участок.

5

Обстановка на фронте складывалась критическая. Мятежники готовились к решительному штурму Мадрида. Крестьяне-перебежчики сообщали, что в районе Толедо фашисты сосредоточили отборные войска и лучшую технику, словно по конвейеру шедшую из Германии и Италии.

О падении Мадрида фашистское радио и печать говорили как о недалеком будущем. Международная реакция и ее подголоски вовсю расхваливали мощь мятежников, рвавшихся к столице. В прессе мелькали снимки марокканцев, прибывших в Испанию «спасти осквернённую религию от красной публики». Проскальзывали сообщения, что уже приготовлен белый конь для победного въезда в город генерала Франко.

Весь ноябрь 1936 года, начиная с 7 числа, шли ожесточенные бои за Мадрид. Здесь решалась судьба республики. Уверенные в своих силах мятежники со дня на день намеревались нанести смертельный удар столице. Главное направление удара планировалось с юго-запада, от района Толедо.

Стянув сюда большие силы и развивая наступление по дорогам Толедо — Мадрид, и Эстремадура — Мадрид, мятежники заняли Навалькарнеро. Шла вторая неделя наступления. Атаки следовали одна за другой. В бой вводились артиллерия, итальянские танки, немецкая авиация, марокканская кавалерия, части иностранного легиона, отряды «рекетес» и фалангистов. 6 ноября генерал Валера — начальник главной колонны мятежников, наступавшей на Мадрид — издал приказ о штурме города в шесть часов утра 7 ноября.

Офицеры связи помчались с приказом в части. Но вскоре совершенно секретный приказ попал в руки республиканских разведчиков. Его извлекли из сумки убитого офицера-танкиста. Коварные планы врага стали достоянием республиканцев. В этот тяжелый и трудный момент правительство республики во главе с Ларго Кабальеро совершенно неожиданно вдруг признало дальнейшую борьбу за Мадрид бесцельной и ночью покинуло столицу, выехав в приморский городок Валенсию.

В тихий провинциальный городок потянулись тяжело груженные фургоны, модные кабриолеты, хозяйственные обозы. Правительство не хотело лишаться комфорта. Все до мелочей захватили с собой вылощенные камердинеры и гувернантки, начиная от фамильной сервировки и кончая содержимым винных погребов. Даже люстры, хрустальные люстры, и те были сняты со стальных крючков и уложены в ящики с опилками.

Пустынно и неуютно стало в здании военного министерства и штаба фронта. Многих советских советников испанцы тоже потянули за собой в Валенсию.

Защиту Мадрида теперь возглавил Комитет обороны, в который вошли представители всех партий.

Настал час испытаний и для добровольцев. Быть может, завтра в Мадриде они должны сделать то, для чего приехали сюда, чему учились дома, для чего носили у сердца партийные билеты. На баррикадах Мадрида были коммунисты, социалисты, анархисты, радикал-социалисты. Разные дороги привели их в окопы. У каждой партии своя платформа, свое политическое кредо. Но сейчас всех союзников объединяла ненависть к фашизму.

Рано утром, когда у горизонта небо стало перекрашиваться в темно-сиреневое, раздалась команда: «По машинам!» Шумные, говорливые испанцы и их друзья — бойцы интербригад — в мгновение расселись по местам.

Солдаты, в новом обмундировании, вооруженные карабинами, пистолетами, пулеметами, обсуждали предстоящее сражение. Огромные, с тупыми радиаторами грузовики взревели моторами. Колонна тронулась в путь по Альбасетско-Мадридской автостраде.

6

Причудливо вилась дорога, словно хотела скрыться от солнца, убежать от жары. Скалистые горы неожиданно сменялись ровной долиной с рисовыми полями, виноградниками, фруктовыми садами. Проехав изрядное расстояние, колонна остановилась на отдых. Вездесущие мальчишки засуетились возле колес. Они деловито оглядывали солдатское снаряжение, щупали военные френчи, с завистью гладили кобуры пистолетов. Рядом с одним грузовиком на дорогу вышел седой сгорбленный старик. Огромная соломенная шляпа закрывала его лицо. Дед ласково оглядел добровольцев, медленно поднял старческую руку в знак солидарности.

— Салют камарада!

— Буэнос диес, падре, — ответил Павлито.

— Жарко ли в Мадриде? — подошел к старику и Мигель.

— Жарко, очень жарко, — медленно заговорил старик. — Ох как жарко. И стал грозить кулаком, проклиная фашистов.

Только теперь все заметили, что сзади старика, держа огромную кошелку с апельсинами, стоит худенький парнишка лет четырнадцати. Дед тоже наконец вспомнил о своем спутнике и крючковатым пальцем поманил его к себе. Он стал брать золотистые апельсины и раздавать их пулеметчикам.

— Бери, бери, камарада, — шептал испанец. — Вырастим еще больше. Только одна просьба: возьмите с собой моего внука Валентина Розалеса. Смекалистый парень, будет хорошим бойцом.

Бойцы замялись.

— Может быть, возьмешь к себе подносчиком патронов? — тихо спросил Павлито Мигеля.

Тот пожал плечами. Старик настаивал. Положив свою костлявую руку Павлито на плечо, умоляюще заглянул в глаза:

— Прими, камарада. Возьми. Я не могу держать винтовку, он за меня будет мстить.

— Ну ладно, Павлито, давайте его ко мне в расчет, — наконец согласился Мигель.

Валентин Розалес вместе со всеми отправился в Мадрид.

И снова дорога. Седая, пыльная, она отчаянно бросалась под колеса машин. Павлито долго смотрел на загадочные предметы впереди. Можно было подумать, что какой-то шутник воткнул в землю гигантские спички. Когда подъехали ближе, он увидел обыкновенные трубы. Трубы на поверхности, а вся деревня спряталась под землю. Люди жили здесь в полутемных, сырых

землянках.

Путь близился к концу, добровольцы считали себя в полной безопасности, когда над колонной неожиданно завыли самолеты противника. Не прицеливаясь, они пикировали на машины и поливали колонну пулеметными очередями. Завизжали тормоза, захлопали дверцы, шоферы бросились врассыпную. Чертыхаясь, соскакивали с машин пулеметчики, шумно падали на потрескавшуюся, пыльную землю. После одного из заходов свечой вспыхнула головная машина. К счастью, на ней не оказалось боеприпасов. И когда самолеты улетели, все снова собрались в путь, рассадив «погорельцев» на другие грузовики.

Рядом с Павлито, сердито отряхивая красную пыль с френча, сидел грузный французский докер Поль Боде. Отряхнувшись, он быстро достал тощую сигаретку и блаженно закурил. Огромные мозолистые пальцы бережно держали крохотную сигаретку. Накурившись, он быстро очистил винтовку, по-хозяйски, бережно обернул ее одеялом и забрался в кузов машины. И снова гудрон гудит под колесами тяжелых грузовиков. Девять часов находились добровольцы в пути. Наконец и окраина Мадрида: окопы, проволочные заграждения. С ног до головы увешанный гранатами и пулеметными лентами анархист револьверным выстрелом остановил колонну, потребовал документы. Медленно принялся изучать пропуск. Когда все закончил, он, расстроенный тем, что снова придется остаться одному с небольшим взводом, разрешил ехать дальше.

Несколько дней Павлито пробыл в Мадриде, передавал оружие, получал инструкции, знакомился с людьми. И когда в душе стал называть себя уже тыловой крысой, неожиданно получил разрешение выехать на передовую. Надо было скорее разыскать командира, встретиться с пулеметчиками, которых он обучал в Альбасете.

7

Добравшись до военной перевалочной базы, где его уже ждали представители боевых частей, отчитавшись и сдав привезенные пулеметы, Павлито со своими провожатыми отправился на передовую.

Весельчак майор Лопес усадил Павлито в старенькую легковую машину, сунул ему в руки два огромных апельсина и приказал шоферу трогать.

— Назначен к нам в бригаду? — спросил Лопес.

— Советником.

— Это хорошо. У нас тебе понравится. Командир у нас твердый. Может быть, слыхал — Листер.

— А то как же! — подтвердил Павлито. — Кто же его не знает. Испанский Чапаев.

— Строгий, но справедливый, — рассказывал Лопес.

— Храбрый, равных ему нет, — пробасил в свою очередь шофер.

За разговорами быстро пролетело время. Вскоре выехали за город и, проскочив через несколько контрольных постов и секретов республиканских войск, оказались в расположении бригады. Листера застали у костра вместе с солдатами и офицерами, где он самозабвенно распевал песни. Узнав о приезде русского добровольца, Листер быстро поднялся навстречу, крепко пожал руку, распорядился накормить и устроить на ночлег. Договорились, что встретятся утром в штабе.

Высокий худощавый испанец проводил Павлито в комнату, принес огромный кусок баранины, сыр, хлеб, бутылку вина и, попрощавшись, ушел. Быстро поужинав, Павлито, не раздеваясь, прилег отдохнуть. Едва прикрыл глаза, как кто-то осторожно постучал в окно. Вначале показалось, что он ослышался, и, повернувшись на бок, Павлито снова закрыл глаза. Но стук повторился. Тогда он встал, быстро потушил в комнате свет и осторожно подошел к окну. На дворе была ночь, сплошная густая темень. Лишь неясное очертание лица маячило перед окном.

Резко распахнув дверь, Павлито негромко произнес:

— Кто там? Входи.

— Павлито, — услышал он знакомый голос.

— Мигель, — радостно крикнул Павлито и бросился навстречу своему другу.

— Ох и силен же ты, — охнув, произнес Мигель, стиснутый в дружеских объятиях. — Как русский медведь.

Обрадованный неожиданной встречей с другом, Павлито

вертел Мигеля, словно они расстались несколько лет назад, и никак не мог насмотреться на него. «Вот здорово», — то и дело повторял он.

Мигель рассказал, что служит пулеметчиком в одном из батальонов бригады Листера. Был уже в бою. Товарищи хорошие, «максимы» действуют безотказно.

— А Франческа где? — спросил Павлито.

— Воюет тоже под Мадридом. У анархистов. Послал письмо, вот сегодня получил первую весточку. И о тебе вспоминает.

— Будешь ответ писать, передай привет, — попросил Павлито.

Утром Павлито разбудил молчаливый худой испанец. Он принес завтрак и короткую, написанную по-русски записку от командира: «В девять совещание в штабе. Не опаздывай. Познакомлю с офицерами и обстановкой. Листер».

Быстро умывшись и позавтракав, Павлито выскочил во двор. И хотя до совещания оставалось еще двадцать минут, поспешил в штаб. Здесь уже собрались офицеры бригады. Они о чем-то весело переговаривались, шутили, курили огромные пахучие сигареты.

Вскоре пришел Листер, и все притихли.

— Этот русский парень поможет нам воевать, — волнуясь, объяснил Энрике. — А вообще-то зовите его Павлито, капитан Павлито!

Так началась нелегкая служба Александра в знаменитой бригаде Энрике Листера.

8

Бригада, находясь на одном из важнейших участков, выдерживала мощные удары противника. Листер день и ночь был на ногах. Его видели в самых опасных местах, в самые критические моменты боя.

Тяжелые бои, кажется, им никогда не будет конца. Небольшая группа пулеметчиков, возглавляемая Павлито, послана в университетский городок, раскинувшийся на берегу реки Мансанарес. Несколько раз фашисты пытались штурмом взять городок, но пулеметчики стойко держались. Особенно надежно действовал пулеметный расчет под командованием Мигеля. В короткое затишье перед горячим боем Мигель пришел к Павлито.

— Как ты думаешь, Павлито, плохо, что силы республики распылены? Анархисты, радикалы, социалисты — каждый по-своему видит будущее Испании. Конечно, сейчас они выступают единым фронтом, но все же…

— У нас на родине на этот счет есть хорошая сказка-быль, — лукаво посмотрел на него Павлито. — Жил-был старик со своими сыновьями, было их у отца пятеро. Один другого краше. Красавцы богатыри. Жили они дружно, ладно. Да вдруг старик стал слабеть, — видно, пришла пора помирать. Надел отец чистую рубаху и захотел перед смертью сыновьям наказ дать. Позвал их в хату и приказал принести два больших веника. Выполнили парни просьбу отца, принесли веники к его постели. А он развязал один, вынул из него пять прутиков и раздал сыновьям. Приказал каждому попробовать сломать свой прутик. Парни удивленно переглянулись — ведь любой из них мог подкову разогнуть, но обижать старика не стали. Без всякого, усилия сломали каждый свой прутик. Старик остался доволен. Затем он протянул связанный веник младшему сыну и попросил сломать его. Взял тот веник, но сколько ни старался, не смог его одолеть. Тогда за дело взялся второй брат. И так и сяк пытался переломить веник, а силенки не хватает. То же случилось и с третьим, и с четвертым, и с пятым. Краснея, старший сын вернул отцу целый, невредимый веник. А старик нисколько не огорчился этим, наоборот, даже довольный остался. И сказал детям: «Вот вам мой наказ отцовский. Если будете всегда дружно, сообща, без раздоров жить, никто вас не одолеет. А ссориться начнете, в одиночку пойдете, поломают вас по одному, как эти прутики».

— Мудро дед говорил, — согласно закивал Мигель. — Вот и я думаю: действуем мы поодиночке. Взять хотя бы анархистов. Конечно, есть у них части, которые воюют просто здорово.

Командир Дуррути — настоящий патриот. Но ведь таких, как он, не много. А взгляды их не то что пользу, вред нашему делу приносят. Франческа, на что уж стойкая анархистка, и то в последнее время заколебалась.

— Получил письмо от нее?

— Еще два прислала.

И он рассказал о последнем. В нем Франческа с горечью писала о действиях анархистов в одной из освобожденных деревень. Выгнав оттуда франкистов, они собрали всех жителей и объявили, что отныне все крестьяне этой деревни будут жить при коммунизме. Всем было приказано собрать скот, продукты свезти в общественные амбары, кур пересчитать и тоже сдать. Деньги анархисты тут же отменили, а взамен ввели талончики, которые выдавались каждому по потребности.

Под угрозой расстрела крестьяне выполнили приказ анархистов. И началась в деревне сладкая жизнь. Курица нужна — приходи бери. Баран нужен — получай талон. Некоторые даже повеселели. Но, естественно, так долго продолжаться не могло. Запасы скоро оскудели, и в деревне начался голод. Вот тогда-то и пошли разговоры: «Какой же это коммунизм, когда есть нечего?» Некоторых наиболее ретивых анархисты арестовали. «Что-то не все до конца правильно говорят наши теоретики, — писала Франческа. — Надо будет в этом разобраться».

— Я уверен, что она разберется, — улыбнулся Павлито.

— Это будет мой самый счастливый день. Жаль, что она так долго бродит в потемках.

Беседу прервал клич: «К бою!» Мигель бросился к пулемету. Павлито — на наблюдательный пункт. В бинокль он увидел, как, вытянувшись цепью, наступала марокканская пехота. Высокие шапки, белые шаровары с широким поясом, огромные кинжалы, дикие крики — все это производило удручающее впечатление. Горланящие марокканцы несуразными скачками приближались к мосту. Семьсот, пятьсот, триста метров… Мигель открыл огонь. Он стрелял короткими очередями по первой шеренге. Потом перенес огонь на последнюю. Десятки трупов устлали дорогу к мосту. На мгновение марокканцы растерялись и залегли. Откуда-то сбоку заговорил тяжелый крупнокалиберный пулемет врага. Павлито видел, как помощник Мигеля беспомощно уткнулся головой в землю. Он был убит. Потом со стороны противника ударила пушка. Третий снаряд разорвался рядом с пулеметом. Осколком тяжело ранило Мигеля. Он пытался приподняться, но потерял сознание. Пулемет замолк. Подбежавший к нему парень не мог сладить с «максимом». Ленту заело. Воспользовавшись заминкой, марокканцы снова поднялись в атаку. Вот они уже

пробежали сто метров. До моста осталось совсем немного. Парень, отчаявшись исправить пулемет, снова взялся за винтовку. Но что он мог сделать. Вот уже первый вражеский наемник показался в створе моста. Павлито бросился с наблюдательного пункта к пулемету. С силой ударил по рукоятке. Лента встала на свое место. В прорезь прицела он увидел набегавшего марокканца. Наемник что-то воинственно кричал. Пальцы послушно нажали на пуговку спускового курка. Марокканец ткнулся в настил моста. Еще одна короткая очередь — это за Мигеля. Враг заметался, пытаясь укрыться от губительного огня. Но «максим» работал безотказно. На мосту образовалась свалка. Первые ряды отступающих марокканцев столкнулись с задними отрядами. Узкий створ моста не позволял им развернуться. Образовалась настоящая пробка. Хорошо было видно, как один из марокканцев, отбросив в сторону винтовку, наспех прошептал какую-то спасительную молитву и кинулся вниз с моста. За ним последовал длинный, рябой верзила. Он боязливо перевалил через перила и нерешительно, держась руками за помост, повис над водой. Страх обуял «храбреца», и он никак не решался разжать руки. Но кто-то из его дружков наступил ему солдатскими ботинками на руки, и тот, взвизгнув, кулем упал в реку.

К пулемету подполз раненый Мигель. Левая рука его безжизненно висела вдоль тела, по щеке, где зияла рваная ранка, струилась кровь. С трудом опираясь на бруствер, Мигель стал снаряжать ленты, стараясь помочь Павлито. Время от времени от неловкого движения он стонал и, закрыв глаза, пережидал, когда утихнет боль.

— Полежи, — крикнул ему Павлито.

— Ничего. Мансанарес должна быть наша.

И он продолжал готовить запасные ленты. Вскоре марокканцы отступили. Республиканцы получили короткую передышку. К отряду пришло пополнение. Молодые, веселые бойцы, присланные Листером, деловито занимали боевые позиции, окапывались, устанавливали на флангах дополнительные пулеметы.

Воспользовавшись передышкой, Павлито наклонился к Мигелю. Тот лежал прикрыв глаза и тихо стонал.

— Собирайся, рыцарь, — ласково взглянул он на Мигеля. — Подлечишься в госпитале.

Мигель вначале запротестовал, отказывался уходить в тыл. Но подбежавший санитар был настойчив:

— Быстрее подлечишься — раньше в строй вернешься, больше пользы принесешь республике.

Мигель жестом подозвал Павлито.

— Вот возьми, — и он протянул ему небольшую фотографию.

На фотографии в тенистом саду под раскидистыми ветвями апельсиновых деревьев в ослепительно белом платье была изображена Франческа.

— Перешли ей, — попросил Мигель. — Мы так договорились. Если со мной что случится, я обещал послать ей фотографию. Она узнает, что я ранен, и приедет в госпиталь.

— А если не сможет?

— Обязательно приедет. Ты только отправь ей.

— Хорошо, Мигель, не волнуйся.

Санитары аккуратно подняли носилки.

9

В этот день марокканцы не предпринимали больше атак. Глубокой ночью к Павлито прибежал посыльный от Листера — комбриг вызывал к себе. Павлито отправился в штаб. Листер уже знал о вчерашнем бое у моста и восторженно поздравлял: «Вива, Русия!», «Молодец!».

В штабе Листер ознакомил своего советника с обстановкой на фронте, показал донесения из частей, приказы командования корпуса.

Последняя неделя оказалась удачной для республиканцев. На многих участках наступление франкистских войск было остановлено. Кое-где республиканцы решительным контрударом отбросили мятежников на несколько километров от Мадрида.

Листер сообщил Павлито, что готовится крупная наступательная операция республиканских войск, подтягиваются резервы из тыла. Они договорились, что разработают детальный план подготовки к наступлению.

Но вскоре бригаду отвели на отдых, для штатного укомплектования. Войска получили новое пополнение, вооружение, готовились к предстоящим сражениям.

Несмотря на то что дел в эту пору у Павлито было, как говорится, по горло, он не забыл просьбу друга. С солдатом переправил фотографию. От себя написал Франческе, что Мигель ранен не тяжело и лежит в мадридском госпитале.

Бригада анархистов, в которой служила Франческа, занимала позиции в другом секторе оборонительных линий под Мадридом. Солдат, взявший записку и фотографию от Мигеля, разыскал Франческу на окраине одной деревушки, где пулеметчики после горячего боя приводили в порядок оружие. Франческа, командовавшая взводом, бегала от расчета к расчету, звонила по телефону снабженцам и требовала немедленно подвезти патроны.

— Сеньорита, — отозвал ее в сторонку солдат.

— Чего тебе, — сердито откликнулась Франческа, недовольная, что ее, командира пулеметного взвода, величают так по-граждански. — Устава не знаешь?

— Письмо вам, — не извинившись, протянул записку посыльный.

— От кого?

Но солдат уже побежал к своим.

Франческа разорвала конверт, увидела фотографию и побледнела.

— Педро, — позвала девушка своего заместителя.

К Франческе подбежал щеголеватый подтянутый испанец в красивых галифе.

— Слушаю, командир.

— Останешься за меня. А я в Мадрид должна съездить. Смотрите здесь. Хотя франкисты и молчат, но глаз с них не спускать.

— Ладно, а зачем тебе в Мадрид? Случилось что-нибудь?

— Случилось.

Она сразу позвонила командиру, отпросилась съездить в Мадрид на два дня. Тот посоветовал переодеться в гражданское, так как по дороге и предместьях шныряют вражеские лазутчики, люди пятой колонны.

10

С тех пор как Павлито послал фотографию и записку Франческе, беспокойство не покидало его. Он все время терзался тем, что не может навестить Мигеля в госпитале. Бесконечные напряженные бои под Мадридом, частые передислокации, неотложные дела не позволяли выбраться в столицу. И хотя бригада держала оборону почти у самых стен Мадрида, попасть в госпиталь он не мог. И только спустя несколько дней, когда на фронте наступило короткое затишье, такая возможность представилась. Однажды утром Энрике Листер разыскал Павлито у пулеметчиков и, отозвав в сторонку, спросил:

— Хочешь поехать в Мадрид?

— Если надо…

— Надо, — коротко подтвердил Листер. — Поедем на митинг, потом полдня в твоем распоряжении. Ты ведь говорил, что у тебя друг в госпитале лежит.

Павлито забежал к себе. Достал из походного чемоданчика каким-то чудом уцелевшую пачку «Казбека», взял из стоявшей в углу корзинки апельсины. И только успел завернуть нехитрую поклажу, как на пороге показался Энрике Листер.

— Ну как, готов?

Они вышли во двор. Час быстрой езды, и шофер Пако, улыбаясь, ласково произнес: «Вот он, наш красавец Мадрид».

Когда Листер и Павлито подъехали к зданию театра, шум вокруг стоял невероятный. Большое число людей, словно потревоженный улей, толкались возле подъезда. Все что-то кричали, быстро и резко жестикулировали, пытались приступом взять дверь.

У Павлито невольно сорвался вопрос:

— Как мы пройдем?

Листер махнул рукой: «Не беда» — и подал знак следовать за ним. Они двинулись вперед. Люди, узнав Листера, приветливо расступились, образовав живой коридор.

На митинге выступало много делегатов: анархисты, левые республиканцы, коммунисты, члены социалистической партии. Каждое слово бурно комментировалось сидящими в зале, и председатель каждый раз тщетно призывал аудиторию к порядку.

На улицу вышли вместе и, договорившись встретиться через три часа в Доме партии, заторопились по своим делам.

Центральный военный госпиталь знал почти каждый горожанин, и поэтому Павлито быстро разыскал его. Безмятежно напевая веселую мелодию и весело размахивая неуклюжим

пакетом с гостинцами, Павлито решительно направился к большому старинному зданию.

— Буэнос диес, — произнес он, подходя к старику смотрителю, глаза которого, словно буравчики, прощупывали посетителя.

— Русский? Интернационалист? — неожиданно перешел на русский язык старик.

— Доброволец. А вы где выучили русский? — несколько растерялся Павлито.

— Ну, где выучил, там меня уже нет. Но, если тебя очень интересует, скажу. Ездил на заработки во Францию, дома руки свои приложить было негде. В Лионе жил и работал вместе с вашими русскими, с теми, что по глупости бежали от революции. Вот, живя с ними, и выучил язык. Ну, да ладно, ты-то зачем пожаловал?

— Друг у меня лежит здесь, раненый. Наведать надо.

— Друга обязательно надо навестить, — поддакнул дед. — Без этого никак нельзя. Товарищество — оружие крепкое и надежное.

— Ну, пойду, — попытался Павлито бочком протиснуться мимо деда.

— Куда? — вытаращил глаза настырный сторож.

— Куда, куда? В палату!

— Э, нет, сынок, так не пойдет. Сегодня посещения запрещены, пустить не могу. Приказ есть приказ. Ты человек военный и должен понимать.

— Но я с фронта, у меня несколько часов.

— А раненым необходим режим, тишина, спокойствие. Ты хочешь, чтобы твой друг выздоровел быстро?

Павлито смотрел на въедливого старичка и не мог понять: шутит он или всерьез не собирается пропускать?

— Нет, я тебя спрашиваю, — крутил крючковатым пальцем дед пуговицу на френче, — ты хочешь, чтобы твой камарада быстро поправился?

— Ну, хочу.

— Тогда давай пакет, я ему передам, а ты ступай от греха подальше. А то выйдет врач, и тебе тогда несдобровать.

Павлито спешно припомнил знакомые ему добрые эпитеты, ласковые слова, пытаясь ублажить неприступного старика, но тот был тверд.

Делать было нечего. Павлито передал неприступному блюстителю порядка пакет и вышел из проходной.

— Асталявисте, — услышал он голос деда. — Приходи через день, когда будут приемные часы.

Павлито отошел метров пятьдесят от проходной и остановился в надежде, что все же придумает, как проникнуть в госпиталь. И вдруг его внимание привлекла девушка, шагавшая к проходной. Когда она подошла поближе, он узнал ее. Это была Франческа. Павлито хотел окликнуть ее, предупредив о злополучном старике, но не успел. Девушка стремительно вбежала в будку-проходную. Вскоре оттуда послышались громкие голоса, упрекающие в бессердечии, бюрократизме, вероломстве. И наконец красная, разгоряченная Франческа появилась на улице. Павлито окликнул ее.

— Ой, Павлито, какое счастье, что ты здесь. Помоги мне пройти к Мигелю.

— Здесь я бессилен — въедливый старикашка.

— Что же делать? — заплакала девушка.

Они принялись перечислять различные варианты, которые помогли бы им проникнуть в госпиталь, и когда уже казалось, что так и не удастся найти выход, Франческа вдруг вся просияла:

— Пошли скорее ко мне домой.

— Что-нибудь придумала?

Жила она сравнительно недалеко. И хотя шли быстро, девушка все время торопила:

— Ох как медленно ползем. Давай прибавим шагу, а еще лучше пробежимся.

Только возле дома она замедлила шаги, а у самого подъезда в нерешительности остановилась. Девушка испуганно смотрела на выбитые стекла дома, на испещренный осколками фасад здания, обгорелые деревца и боялась подняться по ступенькам. Павлито подождал несколько минут, потом легонько тронул ее за плечо:

— Ну, не робей, Франческа, пошли.

Набравшись смелости, девушка осторожно толкнула дверь. Та оказалась незапертой. Они вошли в просторное фойе. Повсюду валялись обрывки бумаг, забытые вещи. Франческа медленно шла по комнатам, отрешенно поднимая с пола то платье, то утюг, то разбитую вазу. Неожиданно она наткнулась на толстую, изящно изданную книгу.

— Милый Сервантес, — подняла она книгу.

Она стала бережно переворачивать страницы книги, внимательно рассматривая иллюстрации.

Девушка взяла тряпочку, бережно стерла пыль с любимой книги, завернула ее в газету и аккуратно поставила на книжную полку.

— Кончится война, выучу наизусть, — улыбнулась Франческа.

Наконец она добралась до своей комнаты. Как это ни

странно, все здесь стояло на своих местах, словно хозяйка вышла на несколько минут и вот-вот вернется. Возле зеркала, на тумбочке, лежала расческа, коралловые клипсы, флакончики с духами, голубая лента. Франческа взволнованно трогала руками привычные предметы и все восклицала:

— Ведь надо же, сохранились, ведь надо же, сохранились… Милая мама, это она, наверное, оставила все так, веря в старинную примету: если вещи человека никто не переставлял в другое место, — значит, хозяин их скоро вернется домой.

Потом девушка открыла гардероб и, улыбаясь, стала рассматривать девичьи наряды. Затем, резко повернувшись, приказала:

— Всех мужчин просим пройти в гостиную. Дамам надо приготовиться к бал-маскараду.

Павлито пожал плечами, улыбнулся и, еще не понимая, о каком бале-маскараде говорит Франческа, отправился в гостиную.

Минут через десять дверь открылась, и на пороге появилась чопорная, недоступная, педантичная сестра милосердия. Черное длинное платье, черные туфли и крахмально-белый капюшон сделали Франческу неузнаваемой.

— Ну, что, пустит теперь старик в госпиталь?

— Тебя-то он не задержит, а я как? Брат милосердия из меня явно не выйдет.

— Не горюй, Павлито. Главное — иметь побольше друзей. Они в беде никого не оставят.

— Уж это точно, у нас в России даже поговорка есть: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

— Мудрая поговорка, и я тебе это еще раз докажу. Пошли в госпиталь.

Они отправились в обратный путь.

— Как только я войду в здание, ты подходи к проходной и жди, — напутствовала Павлито девушка.

— А что ждать?

— Не забегай вперед, наберись терпения.

Павлито пожелал девушке удачи, а сам, как она велела, спрятался за домом. Из своего укрытия он видел, как Франческа степенно вошла в проходную и, поприветствовав сторожа, неторопливо поднялась по ступенькам главного подъезда госпиталя. Едва за девушкой закрылись двери, Павлито, как они уговорились, побрел к проходной.

Сторож его узнал и сурово буркнул:

— Зря время теряешь. Если хочешь измором взять — напрасно. Упрямый я.

— Слишком упрямый, — проворчал Павлито в ответ. Но от

будки решил не отходить.

Вскоре на крылечке показалась сестра милосердия. Ну конечно, это была Франческа. Она призывно махнула рукой сторожу.

— Чего вам? — заворчал дед.

— Подойдите сюда, — донесся звонкий голос девушки.

Сторож нехотя покинул свой пост, подошел к «сестре милосердия».

— Начальник госпиталя послал меня, — важно сообщила Франческа. — Тут должен прийти какой-то интернационалист, кажется, русский. Начальник приказал его пропустить.

— Да ведь не положено… — попробовал возразить упрямый дед.

— Не положено в военное время обсуждать приказ командира, — строго оборвала его девушка. — Насколько я знаю, ведь вы сейчас числитесь бойцом республиканской армии.

Вначале деду не очень пришелся по душе начальственный тон незнакомой сестры милосердия, но, услышав, что его назвали «бойцом», он даже приободрился.

— Камарада! Иди сюда.

Павлито бросился к крыльцу.

— Да не скочи ты, как бык перед матадором, — снова заворчал дед. — Не на корриду идешь, а в лечебное заведение, соблюдай тишину.

— Ладно, ладно, — закивал Павлито головой.

Наконец они очутились в госпитале.

Мигель лежал в коридоре у окна. Его кровать была отгорожена белой ширмой. Он спал. Не говоря ни слова, Франческа и Павлито просидели минут двадцать. Наконец Мигель зашевелился, захлопал ресницами, широко открыл глаза. Оторопело взглянул: сначала на Франческу, потом на Павлито. Ничего не понимая, снова зажмурил глаза и снова открыл.

— Я брежу или вижу сон.

— Да нет же, это я, твоя Франческа, — нагнулась к жениху девушка. — А рядом Павлито. Ты узнаешь нас?

Мигель расплылся в улыбке. Он хотел приподняться на локте, но, охнув, опустился на кровать.

— Лежи, лежи, — забеспокоилась Франческа.

— Проклятые раны, медленно заживают. Обидно даже: пришли друзья, а я не могу их обнять, и угостить нечем, — нахмурил брови Мигель.

— А ты не волнуйся, — успокоил Павлито парня, — мы все принесли.

Подмигнув Мигелю, Павлито достал из кармана небольшую

фляжку с вином.

— А тебе можно? — насторожилась девушка. — Врачи разрешают?

— Конечно, даже рекомендуют, — бодро пошутил Мигель. — Но лучше, чтобы они не видели.

Они налили в походные стаканчики вино, выпили за победу.

11

В часть Павлито вернулся, когда бригада готовилась к напряженным боям. В этот же день Энрике Листер познакомил его с последним приказом командования.

Договорились, что оставшееся время перед началом боев они проведут в подразделениях.

— Да, едва не забыл, — остановил своего советника уже в дверях Энрике Листер. — Какая-то чертовщина получается у наших пулеметчиков. Жалуются, что словно кто-то заколдовал их «максимы» — бьют неприцельно.

— Не может быть, — вспыхнул Павлито. — «Максимы» — пулеметы отличные. Может, пулеметчики не умеют стрелять, а сваливают на «максим»?

— Ну-ну, не кипятись, — стал успокаивать его командир бригады. — Никто не думает снимать с вооружения твои любимые «максимы». Конечно, какая-то нелепость вышла. Вот ты и докажи, что это просто нелепость.

— Хорошо, проверю, — согласился Павлито.

И тут же, выйдя от Листера, он решил лично выяснить, что происходит с «максимами», почему они бьют неприцельно.

Придя в роту, попросил показать «больные» «максимы». Командир собственноручно выкатил пулемет, ткнул пальцем: «Например, вот этот». Павлито внимательно со всех сторон осмотрел его и нашел «максим» в полном порядке.

— Кто говорит, что они стреляют неприцельно? — спросил он. — Да ведь из этого пулемета стрелял Мигель.

— Ну вот, и вы не верите, а я видел, как они мажут. Каждый день ровно в двенадцать часов из окопов противника выходят два солдата-марокканца и маршируют во весь рост на глазах роты. Лучшие пулеметчики пытались снять нахалов, но ничего не получается.

Выслушав рассказ, Павлито решил дождаться двенадцати часов и самому убедиться в неуязвимости заколдованных мятежников. Действительно, как только на часах обе стрелки сравнялись с цифрой двенадцать, перед окопами противника показались две рослые фигуры. Солдаты беспечно прогуливались вдоль бруствера, словно вышли на свидание.

Павлито тотчас же хотел опробовать пулемет, но испанцы не разрешили, боясь, что стрельба вызовет огонь артиллерии мятежников. Сошлись на том, что установят «максим» в стороне, там, где нет людей. Так и сделали. Взяли пулемет и четыре ленты, заряженные боевыми патронами, залегли на

возвышенности с таким расчетом, чтобы при артналете можно было надежно укрыться в ближайшем окопчике. Два марокканца продолжали свою прогулку. Установив прицел на цифре семь, Павлито стал ждать. Как только они подошли к прицельной точке, он выпустил короткую очередь. Пули должны были лечь точно по идущим фигурам, но солдаты как ни в чем не бывало продолжали идти своей дорогой. «Промазал, шайтан их возьми», — с досадой подумал Павлито. Еще точнее навел пулемет, прицелился, выпустил длинную очередь. Один марокканец, взмахнув руками, упал в окоп.

— Буэно! — похлопал его по плечу лежащий рядом испанец.

Долго думал Павлито о загадочных марокканцах, которых не берут пулеметные очереди, а объяснений не находил. Быть может, действительно что-то с пулеметом случилось? Может быть, пули долетали до бруствера окопа и, ударившись о камень или о сухой грунт, летели мимо мятежников? А вообще, зачем марокканцам потребовался такой риск? Засечь пулеметные точки? Но жертвовать для этого жизнью солдат? Нет, здесь что-то другое. Эту тайну следовало раскрыть во что бы то ни стало, иначе пойдет худая слава о нашем «максиме».

В скором времени, после короткого боя, бригада захватила окопы противника. Сгорая от нетерпения, бойцы кинулись туда. Обшарили все стенки, дно и ниши, но ни одного убитого солдата не нашли. И вдруг в заброшенном углу под ноги им попались восемь чучел, сделанных мятежниками из картона и легкой фанеры, которые на расстоянии триста метров было не отличить от фигуры человека.

Все чучела имели большое количество пробоин, а два макета оказались настолько продырявленными, что стоило надавить на них, как они развалились на части. Всем стало ясно, как противник обвел их вокруг пальца.

За последнее время бойцы-республиканцы заметно возмужали, обрели боевой опыт, чаще стали теснить противника.

Изредка по устному «фронтовому телеграфу» Павлито получал короткие весточки от Франчески. Она сообщала, что жива, здорова, в совершенстве овладела пулеметом, командование доверяет ей самые трудные задания.

Мигель лежал еще в госпитале, но здоровье его пошло на поправку. Он писал, что скоро его выпишут и что Франческа обещала его встретить.

В назначенный день, когда осунувшийся Мигель вышел из госпиталя, у ворот его ждала Франческа.

Они долго бродили по городу, заходили в знакомые скверы, сидели на лавочке, где в первый раз поцеловались.

Только вечером Мигель спросил:

— На сколько дней тебя отпустили?

— Завтра кончается отпуск.

И, словно оберегая свое командование от возможных нападок, добавила:

— Война же идет, милый.

Но бригада, где служил Мигель, стояла сравнительно близко от части Франчески, и он решил прервать свой двухнедельный отпуск и вместе с невестой отправиться завтра же на передовую.

— Найдем попутную машину, провожу тебя, а там уж доберусь до своих, — объявил о своем решении Мигель.

Бригада в это время располагалась в районе парка Эль Пардо. Штаб части разместился в одном из дачных домиков. Буйная зелень, аккуратные аллеи, раскрашенные скамеечки — все это напоминало соловьиные вечера Подмосковья. Наверное, и здесь в мирное время молодые назначали друг другу свидания, мечтали о счастливой жизни, читали возлюбленным свои стихи, клялись в верности или просто молчали. Павлито бродил однажды по аллеям парка и вдыхал аромат цветов. Приятно было хоть на минуту забыть в этом райском уголке о разрывах бомб, о стонах раненых, о воющих минах и почувствовать себя немножко штатским человеком. Длинным прутиком, который срезал у домика, Павлито вычерчивал на песке замысловатые фигурки со смешными рожицами. На одной из дорожек он так увлекся своими художествами, что места не хватило. И чтобы дорисовать, выскочил на газон. За ближайшим кустом послышался сдержанный смех — кто-то прыснул в кулак. Павлито смутился, отодвинул ветку и увидел молодую пару — Мигеля и Франческу. Они сидели на разных концах скамейки и смеялись над его рисунками.

— Где же вы пропадали? — бросил Павлито испанским друзьям.

Молодые погасили смех и посерьезнели, отвернувшись друг от друга. Теперь уже рассмеялся он.

— Ну и надулись вы, как индюки. Не лопнете?

— Диктатор какой-то, — начала Франческа.

— Тоже мне вояки, анархия — мать порядка, — передразнил ее Мигель.

— Независимость личности прежде всего, — вскочила с лавки рассерженная девушка.

— А кто ее у вас отнимает? — поднялся парень.

— Вы, вы, вы… — готова была расплакаться Франческа.

— Ну, хватит, — как можно мягче произнес Павлито. — Жизнь вас рассудит.

— И я так говорю, — разгорячился Мигель, — нечего нам больше расставаться.

И он стал жаловаться, что битых два часа уговаривает Франческу остаться в бригаде, а та и слушать не хочет, рвется к своим анархистам.

— И то правда, — поддержал Павлито своего испанского друга. — Война — она и есть война, что на левом фланге, что на правом, главное — в армии мы в одной — в республиканской.

— Напрасно тратишь красноречие, Павлито, — остановила его Франческа. — Парни вы стоящие и коммунисты, по всему видно, хорошие. Но я не могу нарушить слово, данное своим боевым товарищам — сражаться с ними до победного конца. И давайте на этом кончим, завтра я возвращаюсь в часть.

Она сдержала свое слово. На следующий день друзья прощались с Франческой. Перед дорогой, прямо в саду, выпили на счастье по чарке красного сухого вина. Прощались молча. Раскрасневшаяся Франческа быстро чмокнула каждого в щеку и пустилась бегом к ожидавшей ее машине.

Они смотрели ей вслед и мысленно желали большого счастья этой хрупкой, но отважной девушке. Задумавшись, Павлито едва услышал голос, протяжно и как-то смешно выкрикивавший: «Павлитье, Павлитье…»

Из-за кустов выбежал адъютант Листера и, размахивая руками, сообщил, что командир вызывает к себе.

12

Когда Павлито пришел в штаб, там уже сидели комиссар Сантьяго, начальник штаба Родригес и командир бригады Листер.

— Из штаба центрального фронта, — говорил Листер, — получена важная директива.

Он развернул телеграмму и прочитал. В ней говорилось, что республиканские войска центрального фронта с целью окружения главной группировки противника в районе Лас Росас, Аравака, Махадаонда наносят удар с фронта Галапагар, Вильянуэва дель Паруилья.

Бригаде Листера предстояло сражаться на вспомогательном направлении во втором эшелоне.

В соответствии с предстоящими боями, Павлито вместе с Родригесом быстро составили план учебной подготовки на три дня. Предусмотрели занятия с младшими командирами, командно-штабное учение. Когда труд был завершен, переписан начисто, они пошли на доклад к Листеру.

— Так быстро? — удивился он.

Потом кивнул на стулья, пригласил сесть, а сам принялся внимательно изучать план. Читал не спеша, подолгу останавливался на каждой странице, переворачивал ее, начинал другую, потом снова возвращался назад. Наконец дочитал до конца, накрыл тяжелой, сильной рукой исписанные листки и, хитро улыбнувшись из-под мохнатых бровей, спросил:

— Когда же людям отдыхать, Павлито? Ни минуты свободной.

— Военным людям отдыхать не положено, — быстро отреагировал Павлито. — Разобьем Франко, тогда отдохнем. Есть такая поговорка: «Больше пота в ученье, меньше крови в бою».

Листер улыбнулся, перевел пословицу по-испански и подошел к своему советнику.

— Все это правильно, Павлито. План хороший, но отдохнуть людям тоже надо. Подумай над этим. И не забудь, что испанцы любят хорошо повеселиться, попеть песни, поговорить за рюмкой вина. Когда бой идет — мы воюем, когда затишье — гуляем. Годами сложившиеся обычаи, нравы, привычки сразу, даже если они плохие, не сломать. А вообще-то ты прав, к дисциплине солдата надо приучать.

В тот же день план был поправлен и утвержден.

Для учебы с офицерским составом бригады были предусмотрены тактические занятия с выходом в поле. На следующий день, не откладывая дел в долгий ящик, начали

учебу. В девять часов утра выехали на местность. Не успели заглушить моторы, занять исходные позиции, как кто-то сзади положил Павлито на плечи тяжелую ладонь.

— Угадай? — совсем по-домашнему пробасил знакомый голос.

— Коля! — обрадовался Павлито неожиданной встрече.

Да, это был он, Коля — артиллерист, советский доброволец, с которым они познакомились в поезде на Белорусском вокзале. Коля рассказал, что уже третий день воюет в составе 35-й бригады, поддерживает ее наступление артиллерийским огнем.

— Жарко было здесь, — вздохнул Коля. — Франкисты имели численное превосходство и лезли напролом, невзирая на большие потери. А в одиннадцатой бригаде и было-то всего полторы тысячи человек. Но все они дрались мужественно, грамотно, умело.

С приходом интернациональной бригады было приостановлено дальнейшее наступление врага. И все же на одном участке мятежники прорвали фронт. Они получили возможность захватить парк Эль Пардо. А там располагались позиции двух наших артиллерийских батарей.

Коля немного помолчал, словно вспоминая ту тревожную ночь, за которую пришлось так много пережить и которая посеребрила виски молодого русского артиллериста.

— Остались мы со своим НП в тылу противника, — продолжал Коля. — Видим, как франкисты идут в атаку, но ничего сделать не можем — перерезаны провода, нарушена связь с огневыми позициями. Пока старались найти повреждения, кольцо вокруг нас замкнулось. Оставаться на НП было уже бесцельно, и мы впятером: три испанца, я и переводчик, дождавшись темноты, ползком стали пробираться к своим батареям. Кругом темь непроглядная. Над головой свистят шальные пули, осколки снарядов. К утру вышли к опушке жиденького парка. Хотели двинуться дальше, да начался сильный минометный обстрел. Наемники били по одному и тому же месту, километра два впереди нас. Едва обстрел закончился, мы увидели, как наступавшие марокканцы с гиком бросились к перепаханному минометами окопчику. Но их встретил мощный огонь «максима». Окруженный пулеметный расчет, видимо, дорого решил продать свою жизнь, десятки наемников нашли здесь свою гибель. Марокканцы вновь повторили минометный налет, а потом еще раз бросились в атаку. Но их опять остановил меткий огонь.

Очевидно, упорство республиканцев надоело матежникам, и они, не желая задерживаться на пятачке, обошли его стороной.

Тогда пулеметчики развернулись и ударили им в тыл. Так длилось около часу. С тревогой смотрели мы за этим поединком, но ничем не могли помочь — у нас одни пистолеты.

На наших глазах и погибли смелые парии. Фашисты пустили на них три танка. Первый ребята подожгли, а два других зверски расправились с храбрецами. Когда марокканцы ушли, мы похоронили отважных пулеметчиков на опушке парка.

Они помолчали. Каждый в эту минуту вспомнил своих. Павлито показал Коле письмо из дома от Катерины, рассказал о новостях. Тот внимательно и как-то жадно слушал. От своих Коля давно не получал весточек, и на душе у него было тревожно. Кто-то из вновь прибывших добровольцев передал, что его жена с прежней квартиры съехала, а куда, никто не знал.

Друзья потолковали еще минут пять и разошлись по своим местам.

Часть Коли-артиллериста находилась в первом эшелоне, а бригада Листера — во втором.

Проведя учения, проверив готовность войск, Листер решил ввести свои части в бой во второй половине дня, как только будет прорвана линия обороны противника. Наступать предстояло в стык двух опорных пунктов: Лас Росас и Махадаонда.

Ключом обороны противника на этом направлении считалось здание телеграфа, расположенное на небольшом холме. Каменное старинное здание, четыре этажа которого противник сумел хорошо приспособить к круговой обороне. Многочисленный гарнизон пехоты, усиленный пулеметами, готовился к длительному сражению.

И все же, несмотря на этот сильный опорный пункт, направление атаки выбрали удачно. Ведь в случае успеха — падения телеграфа — можно было легко захватить и два других селения — Лас Росас и Махадаонду.

Все приготовились к наступлению. Пулеметчики, среди которых был и Мигель, еще раз проверили «максимы», запаслись патронами. Артиллеристы хорошо замаскировали свои позиции, тщательно нанесли на планшеты вражеские цели. Даже врачи, с хорошо укомплектованными сумками, затаились в томительном ожидании атаки. А сигнала все не поступало. Прошел час, второй, третий… Хозяйственники раздали бойцам ужин. И снова томительные часы ожидания. Сиреневые сумерки, запутавшиеся в передовых окопах, принесли прохладу и назойливую трескотню цикад. В другое время их приятно слушать, мечтая под звездным небом, а сейчас они мешали, раздражали и отвлекали, так и казалось, что из-за них пропустишь сигнал атаки. Но его не было ни вечером, ни ночью, ни утром. И вот почему. Части 3-й и 20-й

соседних бригад, первыми начинавшие наступление и после успеха которых должна вступить в бой бригада Листера, у самой линии обороны противника неожиданно натолкнулись на проволочные заграждения. Саперы оказались застигнутыми врасплох, людей, специально выделенных для проделывания проходов, не оказалось, и пока части стали перестраиваться, противник открыл ураганный огонь, прижал республиканцев к земле. Атака захлебнулась. Мятежники вызвали на подмогу авиацию. Замешкавшихся пехотинцев зажали в крепкие тиски и принялись обрабатывать авиацией, артиллерийским и минометным огнем.

Вскоре франкисты перешли в наступление. Основной удар пришелся в стык двух республиканских частей: бригады Листера и бригады анархистов. Бойцы одной из рот стойко сдерживали натиск врага. Почти не осталось патронов, а франкисты все штурмовали, штурмовали. По телефону сообщили, что подкрепление придет только к утру. Надо было выдержать еще одну ночь. И вдруг, когда над окопами повисли фиолетовые сумерки, с правого фланга к командиру прибежала запыхавшаяся девушка в военной форме. Это была Франческа. Сквозь слезы горечи, обиды и стыда она сообщила, что часть анархистов снялась с места и оставила позиции. Они ушли тихо и незаметно, их командир считал, что держать оборону, да еще ночью, было бы безумием. Это походило на предательство. «Трусы, лжецы, хвастуны», — размазывала по лицу слезы Франческа. Она не хотела возвращаться в свою часть.

Командир роты, выслушав это сообщение, принял срочные меры, чтобы прикрыть оголенный фланг. Он отобрал небольшую группу и приказал бойцам выдвинуться вправо, создать видимость, что фланг прикрыт. Девушку-анархистку, пожелавшую участвовать в ночном бою, по совету Павлито, назначили вторым номером к коммунисту Мигелю. Так они встретились вновь. Бригаде Листера удалось выдержать натиск врага до подхода резервов. Теперь перед ней вновь встала задача овладеть телеграфом.

13

Бригада готовилась к штурму. Надо было срочно провести ночную разведку. И командир включил в разведывательную группу Мигеля и Франческу, как хорошо знающих эту местность. Им было приказано разведать проходы в проволочных заграждениях перед зданием телеграфа, выявить пулеметные точки.

Спать в эту ночь никто не ложился. Ждали возвращения разведчиков. Прошли все обусловленные сроки, а от разведчиков «ни слуху ни духу». Единственное, что всех успокаивало, — это тишина возле телеграфа. Значит, прошли незамеченными. Но спокойствие, тишина оказались кратковременными. Неожиданно километрах в трех перед окопами республиканцев раздались пулеметные очереди, разрывы гранат, одиночные винтовочные выстрелы. Противник принялся освещать ракетами передний край. Канонада приближалась, пулеметные очереди заставили бойцов укрыться за бруствером. А еще через некоторое время в окоп свалились запыхавшиеся разведчики. Один, второй, потом показались ноги в лакированных сапогах, испуганные глаза пленного офицера. Следом за ним появились еще два наших разведчика — здоровяк сержант и небольшого роста щупленький солдат, который норовил вывернуться из стальных объятий сержанта и пуститься обратно. Наконец солдатик обессилел в этой неравной борьбе и, размазывая руками хлынувшие слезы, устало опустился на дно окопа. Когда солдата подняли, все увидели, что это была Франческа.

— Жених ее остался там, — показал рукой в сторону противника здоровяк сержант. — Наткнулись мы на засаду, когда возвращались обратно, фашисты накрыли нас на голом месте. Ну, парень ее и вызвался прикрыть наш отход. На верную смерть, конечно, остался, но иного выхода у нас не было. Хотела и она остаться с ним вместе, но Мигель приказал ей уходить — зачем двоим погибать. Девчонка взбунтовалась, кричала все про свободу личности, отказывалась подчиняться и все норовила за пулемет лечь вместе с Мигелем. Ну, что нам оставалось делать? Пришлось силой увести, уж больно жалко ее, молодая, жить да жить. Оно, конечно, вопреки воли ее, вроде бы, по философии анархистов, насилие над личностью учинили, но ведь и она виновата: воинский приказ отказывалась выполнять. Так что мы квиты. — Сержант заботливо посмотрел на девушку, сиротливо забившуюся в угол окопа.

Всю ночь ждала Франческа своего жениха, но он не вернулся.

К рассвету республиканцы были уже готовы к бою. Франкистский офицер, взятый ночью разведчиками в плен, дал ценные показания, которые облегчали задачу наступающим. Республиканцы могли уже вести бой не вслепую, знали точно, где расположены сильно укрепленные огневые позиции врага, где расставлены мины, где есть проходы. Все это гарантировало жизнь многим бойцам, можно было избежать больших потерь. Словом, не зря ходили разведчики.

Рано утром, едва первые солнечные лучи, словно позолоченные клинки, проткнули озябшее небо, после тщательной артиллерийской подготовки республиканцы атаковали здание телеграфа и заняли его. Республиканцы захватили много пленных, оружие. Усталые солдаты, наспех организовав оборону, разбрелись по разным углам отбитого здания: кто открывал консервы и собирался завтракать, кто рассказывал анекдоты, а кто сразу же уснул, уютно привалившись к полуразрушенной стенке.

Во дворе здания большая группа солдат и офицеров скорбно стояли, склонив головы, над двумя трупами, укрытыми простыми солдатскими одеялами.

— Кто это? — нарушил общее молчание подошедший Павлито.

На него посмотрели удивленно и раздосадованно, словно обвиняя в том, что он не знал героев, сложивших головы за республику. Павлито смутился, отошел в сторону и уже шепотом спросил знакомого сержанта-разведчика:

— Как же их?

— Эх, — только и смог выдохнуть сержант. — Так любили друг друга.

— Мигель? — похолодело сердце Павлито. — Франческа?

Сержант рассказал о случившемся.

Когда республиканские войска с боем ворвались в здание телеграфа, разведчики, хорошо знавшие дорогу, бросились искать Мигеля, который минувшей ночью прикрывал их отход. Впереди всех бежала Франческа. Ее сердце словно подсказывало, что Мигель должен быть здесь, обязательно здесь. Ничто не брало ее: ни пуля, ни мина. Ворвавшись в здание, Франческа и ее друзья бросились осматривать закоулки огромного здания. Они переходили с этажа на этаж, выкуривая гранатами державшихся еще кое-где фашистов. Но поиски были безрезультатными, Мигеля нигде не было. Тогда сержант, увидев забившегося в углу фашистского солдата, поднес к его испуганной физиономии огромный кулак:

— Говори, собачья твоя душа. Только правду говори. Дружка

тут нашего не видел, не мучили здесь твои начальники нашего разведчика?

Солдат слезливо заморгал глазами:

— Я все скажу, все, что знаю, но я человек маленький, я человек маленький, но я его не пытал.

— Пытал, — простонала за спиной сержанта Франческа. — Он где-то здесь.

— Ну, говори, — повторил свое требование разведчик.

— Он жив, — заискивающе улыбался фашист. — Его не успели расстрелять. Поздно ночью его отвели в подвал. Он был без сознания, но жив. Честное слово, я не виноват, я не пытал его.

Но фашиста уже никто не слушал. Разведчики бросились во двор разыскивать своего друга. Бежавшая впереди всех Франческа в дальнем углу двора, в полуподвальном помещении, закрытом решетчатой дверью, увидела растерзанного Мигеля. Он лежал на каменном полу в полубессознательном состоянии, в луже крови. Когда Франческа подскочила ближе, то от ужаса на мгновение закрыла глаза: фашисты отрубили пулеметчику ступни ног и кисти рук. Но он еще был жив. Громко закричав, девушка в отчаянии бросилась вперед. Но тут столб дыма и огня поглотил девушку. Когда подбежали разведчики, они уже ничем не могли помочь возлюбленным. В нескольких метрах от подвала нашли пудреницу Франчески и маленькие часы с выбитым стеклом. Стрелки часов показывали полдень.

— Ровно полдень, — зачем-то ни к месту сказал молодой боец.

— Помолчи, — шикнули на него.

Кто-то из разведчиков, осматривая помятую, пробитую осколком пудреницу, нашел в ней короткую записку. Сержант взял небольшой листок бумаги, медленно развернул и прочел вслух: «Я поняла, что мое место с коммунистами. Раньше я ошибалась. Ты был прав, Мигель. Зачем мы так часто ссорились…»

Молча стоял Павлито.

Похоронили Мигеля и Франческу вместе, в одной могиле. Над скромным холмиком раздались залпы из боевого оружия.

14

Последняя неделя боев была удачной для республиканских войск. На многих участках наступление франкистов удалось приостановить. А кое-где республиканцы решительным контрударом отбросили мятежников на несколько километров от предместий Мадрида.

Бок о бок с первой бригадой теперь действовали добровольцы 12-й интернациональной, которой командовал легендарный генерал Лукач.

Венгерский писатель Мате Залка, которого в Испании знали как генерала Лукача, прибыл в Мадрид в самые тяжелые, критические для столицы часы. Ему поручили сформировать интернациональную бригаду из неорганизованных разношерстных отрядов. Бойцы более десяти национальностей, самых различных политических и религиозных убеждений, выстроившиеся на площади в Альбасете, с интересом ожидали — на каком языке обратится к ним генерал Лукач — темноволосый, подтянутый человек в коричневой замшевой куртке без знаков различия. Каждому хотелось, чтобы командир бригады оказался его земляком.

— Товарищи! Чтобы никого не обидеть, я буду говорить на языке Великой Октябрьской социалистической революции, — начал свою речь командир интернациональной бригады…

Площадь ахнула и разразилась громом аплодисментов.

Газета интербригадцев «Вооруженный народ» поместила на следующий день воззвание 12-й интернациональной бригады, написанное Лукачем:

«Народ Мадрида!

Мы извещаем тебя о твоем новом друге — о 12-й интернациональной бригаде.

…Мы пришли из всех стран Европы, часто против желания наших правительств, но всегда с одобрения рабочих. В качестве их представителей мы приветствуем испанский народ из наших окопов, держа руки на пулеметах… Вперед за свободу испанского народа! 12-я интернациональная бригада рапортует о своем прибытии. Она сплочена и защитит ваш город так, как если бы это был родной город каждого из нас. Ваша честь — наша честь. Ваша борьба — наша борьба.

Салют, камарада!»

Мужество и самопожертвование интернационалистов добавили сил испанцам. Они давали клятву стоять насмерть, сражаться так же бесстрашно, как их братья по оружию —

добровольцы.

Несколько месяцев бойцы Листера вели бои с мятежниками в тесном взаимодействии с добровольцами генерала Лукача. Особенно это братство окрепло в сражении под Гвадалахарой против итальянского экспедиционного корпуса. Иитербригадцы и испанцы всегда приходили на выручку друг другу. Бойцы-республиканцы, обретая боевой опыт, стали более умело использовать современное оружие. И пример в этом им подавали советские добровольцы.

Однажды Павлито и Коля Гурьев сидели вместе на наблюдательном пункте. Из-за сильного тумана намечавшуюся атаку отложили на полчаса. Коля пристроился у бруствера и, пользуясь заминкой, писал письмо домой, в Москву. Павлито листал словарь — пытался выучить еще несколько испанских слов. Неожиданно началась беспорядочная стрельба перед фронтом, где должна была наступать бригада. Била республиканская артиллерия.

— Что они делают? — кинулся Павлито к Коле.

— Ничего не понимаю, — пожал тот плечами. — Смотри, смотри, бьют по пустому мосту, там ведь и противника нет. Может, Листер приказал?

— Не может быть. По нашему приказу артиллеристы должны начать стрелять только через десять минут и по конкретным целям.

— Ничего не понимаю, — разводил руками Коля. — У нас снарядов с гулькин нос.

— Ты можешь приостановить огонь? — спросил Павлито.

— Это не в моей власти, но попробую уговорить.

Он вызвал по телефону командира батареи капитана Переса и стал уговаривать его прекратить бесцельный огонь. Но Перес стоял на своем:

— У меня приказ высшего командования.

Тогда Павлито решил рискнуть. Выхватив у Коли трубку, как можно строже, крикнул Пересу:

— Говорит капитан Павлито. Листер приказывает прекратить стрельбу.

Пальба по пустому месту прекратилась. Коля вызвал по телефону Листера и рассказал о случившемся. Тот выслушал и лаконично произнес: «Правильно сделали, сейчас приеду».

Через несколько минут командир бригады уже был на наблюдательном пункте и приказал Коле подготовить данные для артдивизиона. Снарядов было мало. Коля это понимал и поэтому особенно тщательно готовил данные для стрельбы. И когда артиллеристы вновь получили приказ открыть огонь, снаряды

пошли точно в цель. Разрыв — замолкла пулеметная точка. Несколько залпов — и затихла вражеская батарея. Меткость Коли поразила испанских артиллеристов. А упрямый капитан Перес уверял, что «камарада Коле просто везет».

— Держу пари, — рассердился Коля, — каждый снаряд будет рваться в радиусе не далее ста метров от цели.

— По рукам. За каждый разрыв плачу лучшую сигару, — согласился командир дивизиона.

Пари состоялось. В самом большом проигрыше от него оказались франкисты. Они никуда не могли спрятаться от точного огня советского добровольца. Все цели были поражены.

На следующее утро на КП солдаты доставили небольшой ящик сигар. В нем лежала короткая записка: «Признаюсь, пари проиграл. Преклоняюсь перед вашим мастерством. Если б разыгрывалось первенство мира по стрельбе из артиллерийских орудий, вы бы стали абсолютным чемпионом. С искренним уважением, капитан Перес».

Павлито ходил довольный и все повторял: «Пусть знают наших, шайтан побери». Он всегда с радостью слушал сообщения о мужестве своих товарищей, переживал за них так, как будто находился вместе с ними. Узнав о дерзком рейде по тылам врага советского танкиста Поля Армана, он то и дело подходил к своим испанским друзьям и спрашивал: «Слыхал, как Поль страху на фашистов нагнал?» И в который раз принимался рассказывать историю, как советский доброволец, командуя пятнадцатью танками, прорвал франкистскую оборону, уничтожил несколько сотен врагов, подавил много пулеметов, орудий, расстрелял несколько неприятельских танков. Фашисты вынуждены были даже приостановить наступление. А Поль Арман с открытым люком подъехал к штабу противника и с нарочитым акцентом, мешая французские и испанские слова, стал переругиваться с подполковником фалангистов, чтобы выиграть время, пока подтянутся остальные боевые машины. Потом подал водителю сигнал: «Вперед!» — и танки принялись гусеницами утюжить фашистский штаб.

До Павлито не раз доходили рассказы о мужестве и находчивости его земляков. Он гордился ими, стремился не отстать от них. Они сражались в разных частях, но незримо чувствовали локоть друг друга.

15

Вскоре после завершения Гвадалахарской операции Павлито вызвали в штаб армии. Когда он вошел в скромный кабинет, то увидел за столом плотного, невысокого человека, склонившегося над оперативной картой. Время от времени он делал пометки в толстой тетради. Оторвавшись от работы, Малино повернулся к вошедшему:

— Входи, входи, Павлито. Небось уже забыл, как мать тебя в детстве звала.

— Сашок, — выпалил Павлито неожиданно.

— Да, конспиратор из тебя неважнецкий, но вояка отличный. Могу тебя обрадовать, за умелые боевые действия ты награжден орденом Красного Знамени.

Александр не знал, что перед ним сидит военный советник фронта Родион Яковлевич Малиновский.

Малино вздохнул, посетовал, что не может пока отпустить Александра домой, а потом решительно перешел к делу:

— Предстоит серьезная операция.

— Какая?

— Всему свой срок, — стал серьезным Малино. — Работа предстоит большая, ответственная и сложная. Надо заново формировать и обучать военному делу только что сколоченные соединения. А делать это сложно по той простой причине, что Ларго Кабальеро проводит нерешительную политику. Кое-кто тормозит формирование и организацию новой армии.

Малино минутку помолчал, привычно провел большой ладонью по ежику волос и неожиданно широко улыбнулся:

— Ну, ничего, кое-чего мы все же добились. Вновь избранный премьер-министр Негрин ускорил формирование и перестройку республиканской армии.

— Есть новые части?

— Да. На базе пятого полка и интернациональных соединений закончилось формирование пятого корпуса республиканской армии. Так что за дело, Павлито, — подбодрил Малино.

После встречи с Малино Павлито тотчас же отправился к Листеру и доложил о приказе командования. Здесь уже было известно о предстоящей Брунетской операции.

Командование центральным фронтом приняло решение силами двух корпусов нанести главный удар с фронта Вальдемарильо — Мадропаль в направлении Брунете. Воинам Листера было приказано сосредоточиться в районе Каса-дель-

Пино и штурмом овладеть городом Брунете, а затем переправой через Гвадарраму в пяти километрах южнее города. Весь день готовились к ночным действиям. Выдавали боеприпасы, приводили в порядок оружие, проверяли экипировку солдат.

Ночью бригады дивизии, артиллерийский дивизион 76-миллиметровых орудий и танковая рота организованно и скрытно от противника совершили марш и сосредоточились в районе высоты Каса-дель-Пино. И если раньше противник через своих лазутчиков почти всегда знал о предстоящих маневрах республиканцев, то на этот раз он оказался в полном неведении.

Когда начальник штаба доложил Листеру о готовности атаковать Брунете, Энрике взглянул на часы:

— Добро. Ровно через час.

Ровно в десять вечера дивизия начала Брунетскую операцию. Все шло вначале по плану. Но вскоре жизнь внесла свои коррективы. Не успели республиканцы продвинуться на два километра, как справа вспыхнула перестрелка. Прискакавший офицер связи сообщил, что сто первая бригада вынуждена раньше предусмотренного срока начать атаку. Сейчас она штурмует высоту Льянос.

Стрельба на правом фланге нарастала. Стало слышно, как на стороне противника вступили в бой пулеметы и артиллерия. Листер приказал ускорить движение. Приближался самый ответственный момент. Подразделения бригад проходили трехкилометровый промежуток между опорными пунктами противника Вильянуэва-де-ла-Кальяда и Кихорна. Все обошлось благополучно. Передовые отряды 1-й и 100-й бригад уже миновали дорогу. Впереди них метров на двести двигалась разведка. Она приближалась к опушке рощи. Отделение, действующее в авангарде передового отряда 1-й бригады, уже почти достигло намеченного пункта. Но тут из-за кустов вышли трое рослых испанцев. Это был полевой караул мятежников.

— Чего, ребята, по ночам бродите? — осклабился начальник караула. — К девочкам, наверное, распутники, таскались?

Они приняли республиканцев за своих.

— Да вот, заблудились, — не растерялся Павлито.

— Ты нам адресочек красотки скажи, а мы дорогу покажем, — загоготали фашисты.

— Бросай оружие, стрелять буду, — спокойно сказал Павлито.

— Кончай махать оружием, мы не из пугливых, — продолжал хохотать начальник караула.

Один из фашистов побледнел и потянулся за гранатой. Республиканцы выхватили кинжалы. Теперь и начальник караула

понял, что попал в ловушку. Дозор разоружили без единого выстрела. Путь бригаде был открыт.

В темноте передовые отряды подошли вплотную к окопам противника, а основные силы замаскировались в оливковой роще. Пленные показали, что гарнизон Брунете малочислен и мятежники не ждут атаки республиканцев.

Выслушав пленного, взвесив данные разведчиков, Листер решил не дожидаться, когда авиация нанесет бомбовый удар по Брунете, а начинать атаку немедленно. В пять часов утра дивизия пошла на штурм. Все делалось тихо, почти бесшумно. Ничего не понимающие, ошеломленные франкисты без выстрелов бросали оружие и бежали. Ну а тот, кто был не силен в беге, поднимал руки вверх.

Атака длилась тридцать минут. На правом фланге, где наступала 100-я бригада, слышны были артиллерийские разрывы и пулеметная стрельба. Противник на этом участке оказывал упорное сопротивление.

1-я бригада, захватив первые траншеи, не останавливаясь, обошла Брунете с восточной стороны и повела наступление на близлежащие селения, где окопался сильный гарнизон мятежников.

Не выдержав натиска республиканцев, противник вскоре был выбит отсюда и отошел в город. Завязался тяжелый бой за центр Брунете. Неожиданно послышался нарастающий гул моторов. Республиканским летчикам приказали сбросить бомбы точно в центр Брунете, там, где окопались мятежники. Сделав круг, летчики с небольшой высоты стали сбрасывать свой груз. За какие-нибудь пять-шесть минут двадцать пять самолетов сбросили до семидесяти бомб. В стане мятежников началась страшная паника. Враг метался от здания к зданию, как зверь в загоне, и не находил выхода. Бойцы дивизии все крепче сжимали кольцо окружения. Франкисты сдавались в плен. Стрельба стала потихоньку затихать.

На фронте выдалось короткое затишье, Павлито снова вызвали в Мадрид к Малино. Родион Яковлевич уже ждал его.

— Принято решение направить тебя домой, Павлито. Готовься к отъезду. Привыкай, что теперь ты снова будешь Александром, майором Родимцевым.

— Старший лейтенант.

— Да нет, уже майор, — улыбнулся Родион Яковлевич. — Могу по секрету добавить, что за образцовое выполнение интернационального долга ты представлен к званию Героя Советского Союза.

Осенью Александр возвращался на Родину. Уезжая из

Мадрида, долго смотрел в окно уходящего поезда. На перроне оставались фронтовые друзья — однополчане, с которыми делили и радость боевых побед, и горечь неудач. Прямо с вокзала они снова шли в бой.

После Испании Александр вместе с другими бойцами интербригады поступил в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Учились, работали. После окончания академии каждый из них получил назначение. Александра направили в воздушно-десантные войска. Колю Гурьева — в артиллерийскую часть, Митю Погодина — в танковую, Ваню Татаринова — в стрелковую дивизию. Это было перед самым началом Отечественной войны.

Она застала многих на передовых позициях. Бывшим бойцам интербригады пришлось принять на этот раз бой с фашистами на родной земле.

Часть третья
ЗАРЕВО НАД БУГОМ

1

За окном вагона мелькали весенние проталины, робко пробивавшаяся ранняя зелень, одинокие аккуратно покрашенные будочки стрелочников. Монотонно постукивали на стыках колеса вагонов, таяли седые облака паровозного дыма. Пассажиры поезда Москва — Одесса занимались привычным для путешественников делом. Кто звенел подстаканником, допивая утренний чай с ванильными сухарями, кто уже раскладывал шахматную доску, незлобиво подтрунивая над соперником, которому собирался поставить мат на шестнадцатом ходу, кто читал свежую газету, добытую на последней короткой остановке, кто деловито обсуждал сложную международную обстановку, покачивая головой при слове «мюнхенский сговор».

В коридоре, у приспущенного наполовину окна стоял коренастый русоволосый полковник в ладно пригнанной шерстяной гимнастерке. Задумчиво глядя на проносившиеся перелески, просыпавшиеся после зимней спячки, молодой военный время от времени поправлял буйную непослушную шевелюру, не спеша дымил «Казбеком». На груди у военного поблескивала Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина и два ордена Красного Знамени. Каждый, кто проходил мимо по узкому коридорчику, непроизвольно замедлял шаг, стремясь поближе рассмотреть попутчика.

Полный сил и энергии ехал в мае сорок первого года полковник Родимцев на Украину, куда был назначен командиром воздушно-десантной бригады, дислоцировавшейся в Первомайске, маленьком степном городке на берегу Южного Буга.

Украинская весна поразила обилием красок, буйной растительностью и каким-то необычно синим весенним небом. Над цветущими садами, над раздольной степью и быстрой рекой чуть не до рассвета звенели песни, стоял крикливый птичий гомон. На полях деловито гудели трактора, покачивали солнечными шапками подрастающие подсолнухи, в воздухе стоял тугой пчелиный гул.

Знакомство с бригадой было коротким и деловым. Первая встреча со штабом оставила у командира хорошее впечатление. Расположил к себе малоразговорчивый, неторопливый, деловитый начальник оперативного отделения Иван Самчук, аккуратный, во всем пунктуальный. Понравились немного застенчивый заместитель по тылу — капитан Юрий Андриец и степенный начальник политотдела — старший политрук

Григорий Марченко.

Офицерам штаба новый командир тоже пришелся по душе. Энергичный, волевой, справедливый и, несмотря на свою громкую славу Героя, до удивления прост. Они еще и не подозревали, что через месяц война даст им всем фронтовую прописку, с которой пройдут горящими дорогами по Украине, что всех их, рядовых, старших политруков, капитанов, полковников, война навечно запишет в дружное фронтовое братство, братство, которое давало однополчанам лишь одну привилегию — сражаться за Родину, умереть за Отчизну.

А пока все они осваивали новую военную профессию десантника. Прыгали с парашютами с неуклюжего ТБ-3, учились владеть холодным оружием, метко стрелять на ходу, умело использовать окружающую местность.

Прыгать с ТБ-3 десантники вообще-то не любили. Многие считали ее громоздкой и неуклюжей машиной и даже побаивались. Остряки ее окрестили даже «братской могилой». И поэтому, когда комбриг вместе с другими командирами поднялся в воздух, чтобы совершить свой тринадцатый прыжок, кто-то пошутил: «Несчастливое число, товарищ комбриг». — «Наоборот, — ответил полковник, — мне тринадцатое число счастье приносит».

Война в Первомайск пришла неожиданно. Нельзя сказать, чтобы десантники Родимцева не чувствовали ее приближения, и все же явилась она нежданно-негаданно.

2

Рано утром 22 июня, когда комбриг появился в штабе бригады, оперативный дежурный по-уставному доложил: «За время моего дежурства в бригаде никаких происшествий не произошло. — И немного приглушенно добавил: — Сегодня в четыре часа утра немецко-фашистские войска нарушили границу СССР. Из штаба округа никаких приказов не поступало».

Комбриг молча, изучающе посмотрел в глаза молодому дежурному, словно хотел в них прочесть ответ на волновавший его, опытного командира, видевшего фашизм не в кино, а глаза в глаза, вопрос: как могло случиться, что за какие-то десять лет фашизм набрал такую силу?..

Значит, война. Что она сулит ему, молодому комбригу, совсем недавно вступившему в командование крупной частью? И самое главное — что несет она его стране, соотечественникам?

По сравнению с другими командирами у Родимцева было некоторое преимущество. Он уже успел понюхать пороху, увидеть смерть, познал горечь поражений и радость побед. Он уже встречался с врагом не за учебным ящиком с песком, а на поле боя, узнал его коварство, его силу, приемы, его мощь и слабость. Но ведь это было в Испании, четыре года назад. А теперь враг здесь, в центре России. И тогда в его подчинении были десятки людей, а теперь он комбриг.

Справится ли? Не только за себя теперь держать ответ, а за сотни людей. Тяжелая ноша, да пасовать не время — враг на пороге родного дома.

3

Гитлеровская армия наступала нахрапом. Враг огнем расписывался в русских селах, сжигал белорусские деревни, угонял украинских парубков и девчат в неметчину, рвался к жизненно важным центрам страны. А бригада Родимцева стояла на месте, в своем гарнизоне в Первомайске. Приказ оставался один — готовиться к предстоящим боям, совершенствовать воинское мастерство. Это были томительные, терзающие сердца дни как для бойцов, так и для командиров. Десантникам казалось преступлением сидеть в такое время сложа руки, заниматься мирной учебой. Уже совсем рядом движутся танковые армады гитлеровцев, льется кровь боевых товарищей, а они прохлаждаются на учебных полигонах.

Зачастили к комбригу офицеры, прося, умоляя отправить на фронт, перевести в действующую часть. И ни на одного полковник не прикрикнул. Только желваки начинали двигаться на скуластом лице да все чаще вырывалась привычная для командира присказка: «Шайтан побери!»

— Да погоди, навоюемся еще, — охлаждал он пришедшего нетерпеливца.

— Мочи нет ждать, — смягчаясь, продолжал десантник.

— Вот это плохо, что сил нет. Копи их, — лукаво улыбался полковник. — Пойди попрыгай с парашютной вышки, вот и успокоишься.

Только дома, оставаясь один на один, он вспоминал о любимой жене Катерине, оставшейся в Москве с двумя дочурками Ирой и Наташей, и так же, как все, мучился оттого, что уже больше двух недель бригада сидит без дела. «Что они там, забыли, что ли, о нас?» Только воинская дисциплина, натренированная выдержка давали силы оставаться спокойным, держать себя в руках, молчать, хоть и хотелось кричать.

И когда в начале июля бригаде приказали в составе 3-го воздушно-десантного корпуса занять боевые позиции под Киевом, десантники ходили счастливые, деятельные, словно и не под пули им идти, а на военный смотр. Фронт дал о себе знать еще в пути. Эшелон, в котором переправлялась бригада, должен был прибыть в Киев через десять часов. А фашисты опрокинули эти расчеты. Немецкие юнкерсы, охотившиеся за каждым поездом, не давали покоя ни днем ни ночью. Трое суток под непрерывной бомбежкой бригада добиралась до Киева. Ей поручили прикрывать подступы к столице Украины со стороны Иванкова и Остера. С горечью думали десантники, что напрасно они тренировались прыгать с

парашютом для того, чтобы в нужный момент оказаться в тылу врага. Теперь туда можно попасть и без парашюта. По-военному, строго выглядел Киев. На мостовых дыбились грозные баррикады, на перекрестках чернели стальные «ежи», мостовые безжалостно располосовали противотанковые рвы. Но несмотря на стойкость воинов, на мощные оборонительные рубежи, армейский корпус гитлеровцев прорвал киевский укрепленный район. Его моторизованные части овладели поселками Мышеловка, Жуляны и вышли на окраины Киева. Положение стало критическим.

Воздушно-десантную бригаду полковника Родимцева подняли по тревоге. Приказ один — контратаковать противника и выбросить его передовые части из Голосеевского леса, пригорода Киева.

Тяжелая ноша легла на плечи комбрига. Ведь это был экзамен для его подчиненных, подавляющее большинство которых впервые в жизни с оружием в руках шли в атаку. И какую атаку! Ночную! В лесу, в незнакомом районе. Смогут ли молодые, еще не обстрелянные воины выдержать все это?

Впрочем, испытание держал и Родимцев, за пять лет прошедший долгий путь от командира взвода до комбрига, от лейтенанта до полковника. Да, он уже понюхал пороха, но самому ему впервые в жизни приходилось вести в атаку бригаду.

Взглянув на сосредоточенные лица своих подчиненных, начальника штаба Борисова и комиссара Чернышева, деловито изучавших карту предстоящих действий, полковник успокоился: «Не подведут!»

Даже совсем еще молодой начальник школы младших командиров старший лейтенант Михайлов, сидевший здесь же, в штабе, был невозмутим и спокоен. Так, словно через несколько часов ему не в ночную атаку идти, а в учебный класс на очередное занятие. Он и сейчас, как всегда, был подтянут и несколько даже щеголеват. Неслучайно друзья подшучивали над ним, что для Михайлова самое важное — перед атакой знать, подшиты ли у бойцов белоснежные воротнички и начищены ли до блеска пуговицы. Сам показывая пример подтянутости, собранности, Михайлов требовал того же от своих курсантов. Его бодрость, веселое настроение даже в самых тяжелых боевых условиях передавались подчиненным, вселяли в них уверенность. Но как поведут они себя в бою, не растеряются ли?

4

Последние часы перед наступлением прошли в напряженной подготовке. Теплый таинственный летний вечер растаял в городе, повис над Голосеевкой. Гитлеровцы поутихли. Лениво, все реже вспарывали ночное небо пулеметные и автоматные очереди, угомонились артиллерийские батареи. Судя по всему, уверенные в своем успехе, оккупанты готовились к ночному отдыху, рассчитывая утром возобновить наступление, ворваться в город.

Ночной штурм десантников Родимцева ошеломил гитлеровцев, привел их в панику. Громогласное «ура» тысячным эхом покатилось по лесу. Батальоны первого эшелона в едином порыве бросились в атаку. Ошарашенные гитлеровцы открыли беспорядочную стрельбу, в панике принимая свои подразделения за атакующих десантников. К утру фашисты оказались отброшенными километра на три.

Гитлеровское командование вынуждено было временно отказаться от попыток нанести удар по Киеву на этом участке фронта. Пленные рассказывали, что внезапная ночная атака русских солдат с голубыми петличками на гимнастерках вызвала у них панику. Десантники дрались не только ожесточенно, но и искусно. Ночью в лесу они стреляли так метко, словно в тире. Если кончались патроны, брались за холодное оружие. Однако не все бойцы и командиры встретили рассвет. Многие пали, свято выполняя долг перед Родиной. Хоронили их здесь же, на окраине Голосеевского леса. Командир бригады, твердый, решительный, слушал у кромки могилы короткую речь комиссара. Но вот вырос свежий холм и прозвучала твердая команда Родимцева:

— Всем по местам!

Бой продолжался. Придя в себя, противник предпринял несколько контратак. Десантники стойко оборонялись. А когда их поддержали артиллерийским огнем корабли Днепровской флотилии и минометчики соседней бригады, снова бросились в атаку. И здесь произошло непредвиденное, произошло то, над чем потом долго мучительно размышлял командир бригады, переживая гибель многих бойцов. Когда бригада перешла в очередную атаку, противник стал демонстративно отступать перед вторым батальоном. Разгоряченный боем, командир одной из рот по своей инициативе, без приказа, поднял бойцов в атаку и сам бросился впереди цепи. Никто не обратил внимания на хитрость врага, оставившего в окопах хорошо замаскированные тяжелые пулеметы, автоматчиков. Фашисты подпустили наших бойцов почти вплотную и в упор расстреляли за несколько минут

более половины роты. Этот случай напомнил всем, к чему может привести недооценка сил врага.

На следующий день десантники не остались в долгу перед фрицами. Молодые разведчики Подкопай и Попов-Печер доставили важного «языка». Да и как лихо взяли! При отступлении наших бойцов среди погибших остался один из разведчиков — притворился раненым. Несколько его товарищей укрылись в ближайшей воронке. Едва стало светлеть, как «раненому стало хуже», и он начал стонать. Не так уж громко, но достаточно для того, чтобы в передних немецких окопах было слышно. И враг клюнул. Трое фашистов поползли к «раненому». Оглянувшись, осмелели и даже встали в рост. Высокий фельдфебель ткнул «раненого» сапогом в бок:

— Рус, вставайт!

— Пособите, братишки, — словно в забытьи послышалось в ответ.

И не успели немцы охнуть, как двое десантников, словно стальные пружины, вылетели из соседней воронки и натренированным приемом сбили фашистов с ног. Не растерялся оживший «раненый», ударив сапогом в пах фельдфебеля. При сопротивлении двое гитлеровцев были уничтожены, а фельдфебель, который быстро понял, чего от него хотят, пополз вместе с десантниками. На допросе немец рассказал, что утром гитлеровцы нанесут мощный артиллерийский удар по переднему краю бригады, а затем перейдут в наступление. Полковник Родимцев приказал командиру батальона капитану Никифорову вывести за час до артналета бойцов из окопов и надежно укрыть. Одновременно с окончанием артналета десантники должны были снова занять боевые позиции. На этот раз точный расчет комбрига, четкость и самообладание десантников были противопоставлены фашистским планам.

Когда немецкие артиллеристы открыли утром огонь, в передних окопах уже никого не было. Сотни гитлеровских снарядов перепахивали окопы десантников, подымали в воздух огромные бревна; с наблюдательного пункта можно было видеть только столбы дыма, огня, земли и песка. Но едва артналет закончился, еще не успели опуститься на землю клубы пыли и дыма, как батальон Никифорова занял развороченные позиции.

Гитлеровцы были уверены, что теперь пройдут по вычищенной земле без потерь. Но едва горланящие цепи фашистов приблизились к окопам, их неожиданно встретил прицельный огонь автоматов, пулеметов, минометов. Так десантники отомстили врагу за погибших накануне товарищей. И многие из них в это утро поняли, что война предстоит долгая, что

перед ними хитрый, хорошо обученный враг. С кондачка его не возьмешь. В этой войне победит тот, кто кого передумает, кто кого перехитрит. Победит тот, у кого окажется больше не только танков, самолетов, снарядов, но и моральных, и духовных сил.

Даже здесь, на небольшом участке под Киевом, советским бойцам приходилось активно маневрировать, путать врага, выигрывать драгоценное время, чтобы громить фашистов.

Все чаще и чаще задумывался Родимцев, изучая карту боев. За последнее время он похудел, осунулся, почти не переставая, курил одну папиросу за другой. Как рачительный хозяин, приберегал свои силы, высчитывал запас прочности противника. Внимательно выслушивал молодых и безусых, но уже понюхавших пороху комбатов. Ценил мнение своего боевого друга комиссара Чернышева, умел и любил слушать людей. Молча, не перебивая. Другой раз кое-кто подумывал, что выдержанный, молчаливый комбриг расспрашивал подолгу подчиненных из-за приличия. И приятно удивлялись, когда их планы, предложения отражались в очередных боевых действиях бригады. Так было и вчера, когда десантники перехитрили врага, выиграли бой не числом, а умением. «Теперь не дать им опомниться, не позволить перестроить свои силы, — размышлял Родимцев. — Надо им постоянно навязывать свою волю».

Но комбриг понимал, что люди держатся на пределе человеческих сил. Изнурительные, кровопролитные бои измотали и рядовых, и командиров. Велики оказались потери. Учитывая сложившуюся обстановку, Родимцев приказал выдвинуть на главное направление курсантскую школу. Первому батальону предоставлялась короткая передышка.

Отдав приказ, комбриг вместе с начальником штаба стали выкраивать из своих резервов последние «запасы», которые поддержали бы курсантов. Но что они могли дать? Последний резерв — взвод 45-миллиметровых противотанковых пушек.

— Продержись, сынок, денек, — связавшись с командиром курсантов, старшим лейтенантом Михайловым, по-отечески попросил полковник. Немного помолчав, как-то виновато добавил: — Да, вас будут поддерживать артиллеристы соседней дивизии и моряки Днепровской речной флотилии.

— Постараемся, товарищ полковник, сейчас норок себе нароем и встретим фрица.

И действительно, за короткий срок курсанты откопали для себя столько «норок», поставили столько противотанковых мин, так замаскировали свои «пушечки», что даже видавшие виды воины диву давались, где эти желторотики опыта нахватались.

«Ну, если они так грамотно воевать будут, — подумал

довольный комбриг, — то всыпят фрицу по первое число».

Враг времени на раскачку не давал, он торопился рассчитаться с насолившими ему десантниками. Прежние неудачи вражеское командование считало нелепым недоразумением и спешило взять реванш.

Курящийся туман, нехотя отлипавший от продрогшей утренней сырости, внезапно разорвал рычащий гул фашистских танков. Из хищных жерл орудий вырывались огненные всплески. Родимцев, находившийся на наблюдательном пункте, видел, как вражеские танки приближались к окопам курсантов. «На шахматную доску походит», — почему-то подумалось комбригу. Действительно, издали боевой порядок бронированной армады был похож на причудливые шахматные фигурки, хитро расставленные на гигантской доске. Только передвигались они не по очереди, а шли все одновременно, как бы нарушая устоявшиеся правила древней игры.

«Ну, ничего, — прошептал про себя полковник, — у нас в окопах хоть не гроссмейстеры, но по зубам дать могут».

— Многовато гадюк ползет, — перебил его мысли подошедший начальник штаба. — Лишь бы не сдрейфили от этих поганок с крестами.

— Не должны, — стараясь быть спокойным, ответил полковник.

И каждый из них стал про себя считать минуты: раз, два, три… Танки уже подошли почти вплотную к нашим окопам, а курсанты молчали.

— Михайлова на провод, — сердито бросил телефонисту Родимцев. — Повымерли, что ли, они?

Телефонист, надрываясь до хрипоты, стал кричать в телефонную трубку, условным паролем вызывая пропавшего командира курсантов.

— Ну что там? — нетерпеливо подгонял телефониста Родимцев.

— Молчат, — виновато отвечал тот.

— Ты пароль-то не забыл, правильно вызываешь?

— А как же — «Волна».

И в этот момент все увидели, что лезшие нахрапом фашистские танки словно неожиданно наскочили на непреодолимое препятствие. Огнедышащий вал покатился из окопов курсантов в сторону противника. Упрятанные в землю «сорокапятки» в упор расстреливали танки, бронетранспортеры. Их резкие, звонкие выстрелы-хлопки хорошо были слышны даже на наблюдательном пункте комбрига. Говорливое эхо разносило по округе устойчивые пулеметные и автоматные выстрелы. И

было видно, как с брони танков замертво скатывались, словно горох, фигурки фрицевского десанта. Немцы не успели опомниться, как на поле дымным смрадом зачадило больше десятка танков и бронетранспортеров. «Так их, ребятушки, — довольно потирал руки Родимцев. — Здесь вам не в шахматы играть, шайтан побери».

Уцелевшие танки, пятясь, поползли восвояси, бросив на поле боя незадачливый десант.

Все находившиеся на наблюдательном пункте с облегчением вздохнули, словно вместе с курсантами только что вышли из огня.

Как теперь поведут себя фрицы? Полезут снова на рожон или перейдут к обороне? Большие ли потери у нас? Успел ли пополниться личным составом первый батальон? Ведь больше суток отдыху им дать невозможно. Эти и многие другие вопросы волновали Родимцева, вместе со всеми радовавшегося успеху молодых воинов. Наряду со множеством проблем его словно червь точил и еще один вопрос: «Почему замешкались вначале курсанты, что там произошло?»

Загудел зуммер полевого телефона.

— «Волна» вызывает, — возбужденно доложил связист.

— Ваше приказание выполнено, — с трудом сдерживая волнение, еще горячий от прошедшего боя, докладывал Михайлов.

— Что выполнил приказание, молодец, но ты мне скажи, Михайлов, почему поздно открыли огонь по танкам, душа, что ли, в пятки ушла?

— Никак нет, товарищ полковник, выдержку проявляли.

— Какую еще выдержку, у вас что, учебное занятие было?

— Чтобы наверняка получилось, ведь боеприпасов в обрез. — Михайлов почувствовал по тону комбрига, что тот доволен курсантами.

— Ну, как, у всех нервы оказались крепкими?

— Трусов не объявилось.

Полковник действительно был доволен курсантами. Мысленно подумал, что и он на месте старшего лейтенанта поступил бы точно так же. Справился о потерях. И хотя по масштабам войны, развернувшейся на полях нашей страны, они оказались сравнительно небольшие, но каждое слово доклада Михайлова болью отдавалось в сердце посуровевшего комбрига. Приказав отличившихся представить к наградам, выяснил наличие боеприпасов и надолго задумался.

Теперь многое зависело от него, от его решения. Он понимал, что силы бригады на исходе, люди измучены. А что за душой

фрицев, на что решится немецкое командование?

Словно в ответ на его размышления, со стороны противника послышалась беспорядочная артиллерийская стрельба по позициям курсантов, в небе появились небольшие группы «юнкерсов».

«Это агония, — улыбнулся про себя комбриг, — злобу вымещают, но проверить их планы надо». Он вызвал к себе начальника разведки капитана Питерских и поручил ему «прощупать фрица, узнать, чем он дышит».

Артиллерийская пальба и налеты бомбардировщиков продолжались недолго. Вскоре в полосе действия бригады воцарилось зловещее затишье. А уже ночью разведчики доложили, что гитлеровцы производят спешные инженерные работы, подводят к переднему краю колючую проволоку, большое количество противотанковых и противопехотных мин.

Сомневаться не приходилось — враг переходит к обороне. А это значит, бригада Родимцева выполнила свою задачу, остановила гитлеровцев у самого Киева.

Дорогой ценой досталась победа. Бойцы были измучены беспрерывными боями, бессонницей, батальон понес большие потери. Десантники заслужили передышку. Но по-иному решил комбриг Родимцев, когда узнал, что немцы спешно закапываются в землю, готовясь к обороне. «Атака, только атака, ее внезапность должна ошеломить гитлеровцев», — приказав разработать план операции, объяснял он начальнику штаба и комиссару. И они поняли командира. Необходимо было помешать врагу возвести оборонительные редуты, не дать ему отдышаться. Ведь фашисты сейчас и подумать не могут, что после таких тяжелых, изматывающих оборонительных боев десантники решатся наступать.

И они пошли в атаку. Пошли уже на следующий день. Комбриг в трудной ситуации принял единственно правильное решение. Стремительный удар десантников обескуражил врага, обратил его в паническое бегство. Десантники Родимцева наступали в августе сорок первого!

По пятьсот, шестьсот метров в день, но шли, шли вперед! Июнь, июль, август сорок первого!

5

Напористость и непреклонность десантников заставили гитлеровцев умерить свой наступательный пыл. На участке бригады установилось короткое затишье. Противоборствующие стороны готовились к новым схваткам: оборудовали дополнительные огневые позиции, пополняли боеприпасы, принимали пополнение, ремонтировали технику. После непрерывных разрывов бомб и воя артиллерийских снарядов, треска пулеметных очередей и уханья минометов небольшое украинское село, где разместился штаб бригады, показалось шикарным санаторием. Раскидистая зелень буйных садов, в которых, словно хохлатки на гнездах, белели аккуратные хатки-мазанки, источала дурманящие настои спелых яблок, свежескошенного потравья, сушеного тютюнника и других запахов рачительного села.

Совсем рядом гремела коваными сапогами фашистских солдат страшная война, на полях горели подбитые танки, орудия, пулеметы, на жниве чернели трупы, а сюда, казалось, кровавая бойня и не собиралась заглядывать. По вечерам в подойнике звенело парное молоко возвращавшихся с пастбища коров, беспечно блея и толкаясь, торопились в сараи овцы, переваливаясь с бока на бок и сердито шипя, шерengами двигались тяжелые гусыни. Да и крестьяне вели себя спокойно, радушно. Говорливые хозяйки наперебой зазывали к себе в гости, потчевали горячим борщом с чесноком, похвалялись домашним сальцем, малосольными огурчиками, сметанкой, правда не забывая за разговорами справиться о том, когда погонят супостата. А что могли бойцы ответить на этот вопрос? Они и сами ничего не знали. Говорили уклончиво, давая понять бабкам, что, мол, тайна здесь военная и обязаны молчать. А вот что касалось деревенской работы, то тут уж солдаты отводили душу. Их не надо было упрашивать покосить траву, приглянуть за скотиной, поправить крышу, слазить в погреб, наладить плетень. Работа кипела. И только черные ракушки громкоговорителей напоминали, что враг рядом, что фашистская свора прет по украинской земле.

Ее силу десантники уже испытали на себе. И в короткое затишье Родимцев ни на минуту не забывал об этом. Возвращаясь из подразделений к себе в штаб, он не замечал ни душистых садов, ни белизны мазанок, ни сельских колодцев, ни прогибающихся под тяжестью сочных яблок веток. А они манили к себе яркими красками осени.

— Ох и яблочки, прямо напоказ, — отвлек от тяжелых дум комбрига шофер Миша Косолапов.

На просьбу шофера притормозить — попросить на дорогу яблок — полковник вначале отнекивался, ссылаясь на занятость, а затем сдался. Приказал остановить у ближайшей хаты машину, дал денег, попросил купить яблок и вишен. Миша не заставил себя долго ждать. Проворно выпрыгнул из «эмки», захватил лежавший на заднем сиденье вещмешок и, посвистывая, вошел в сад. Родимцев достал пачку «Казбека», вытащил папиросу, постучал обратным концом по коробке, прижал двумя пальцами конец бумажного мундштука, с наслаждением затянулся, ожидая возвращения Миши. Но, к его удивлению, тот, не успев еще зайти в хату, уже возвращался к машине. Был он чем-то рассержен. Тяжело плюхнулся на сиденье, молча возвратил деньги, рывком, что с ним никогда не бывало, тронул «эмку».

— Ты чего, белены, что ли, в саду объелся? — стараясь понять поведение Миши, спросил полковник.

— У этого старого хрена, хозяина, снега зимой не выпросишь, не только белены, — буркнул шофер.

— Это что же, дед за деньги не хочет яблок дать?

— Смотря какие деньги. Для нас рубли деньги, а для него вроде как бумажки для сортира.

— Какую-то ты околесицу несешь, — начал сердиться Родимцев. — А какие же деньги ему нужны?

— Марки, немецкие марки.

От неожиданности полковник вначале замолк, потом, нервно прикусив папироску, выбросил ее на дорогу.

— Ты не завираешь? — помолчав, переспросил Родимцев шофера.

— Сами можете убедиться, товарищ полковник, чего этой гадине сподручнее брать.

— А что, и проверю, давай назад.

Миша нехотя развернул на узкой улочке машину, не торопясь подкатил к злополучной хате. Еще издали Родимцев увидел опершегося на калитку кряжистого деда в красной косоворотке и широкополой шляпе, деловито пускавшего перед собой из крючковатой трубки седые облака тяжелого самосада.

Стараясь быть спокойным, Родимцев одернул гимнастерку, поправил ремень, не торопясь подошел к старику.

— Бог в помощь, — почему-то пришло на ум почти забытое крестьянское приветствие.

— Бог-то он бог, да не будь сам плох, — недружелюбно отвечал колючий дед.

Поняв, что дипломатничать сейчас — лишний труд, да и не

привык он к этому делу, Родимцев напрямик спросил:

— Ты что же, отец, рублями брезгуешь?

— Так тож вы, славные защитники, нам такой ориентир даете, — съехидничал старик.

— Это какой же такой ориентир? — опешил полковник.

— А такой, родименький, что немчуру, словно гостя красного, до нас допускаете. Ну, а немец не рубли, марки, сказывают, больше пользует.

— Ну, хрыч ты старый, — не выдержал Родимцев, — фрицы еще не пришли, а ты уже марки для них готовишь?

— Ишь, раскипятился, как самовар, — ничуть не испугавшись, остановил его дед. — Раз балакаю с тобой так, — значит, право такое имею.

И он выложил накипевшую на душе боль. Оказывается, в Красной Армии воюют два его сына, а зять, муж дочери Оксаны, — комиссар. Сам дед в первую мировую изрядно, по его словам, «поколошматил немчуру».

— И теперь, на старости лет, — злился старик, — стыдобу такую терпеть должны: сынки наши вражью силу сдержать не могут, драпают без оглядки, еле портки поддерживают.

— Да погоди, — остановил не на шутку разошедшегося деда Родимцев.

— Чего погоди, пока погодь будем делать, фашист вместо тебя эти яблоки есть станет да салом нашим обжираться.

— Ну ладно, шайтан с тобой, — вконец расстроенный, чертыхнулся Родимцев. — Только ты зря рублями брезгуешь. Они тебе еще пригодятся, помяни мое слово, — и он тяжело зашагал к машине.

— Хлопцы, погодите, — неожиданно заставил полковника остановиться звонкий девичий голос.

Из боковой калитки с ведром, наполненным ядреными яблоками, бежала красавица Оксана.

— Не поглядайте сердито на деда. Лютует на фрица, вот и серчает на всех, за ружье сам собирается браться. Вот, возьмите на дорожку, будьте ласковы.

— Спасибо, дочка, — отводя взгляд в сторону, хрипло проговорил полковник.

6

Через несколько дней бригада Родимцева в соответствии с новым приказом сосредоточилась в нескольких километрах севернее Конотопа. Комбриг выбрал для штаба село Поповку. Он рассчитывал, что здесь десантники отдохнут, восстановят силы, примут пополнение, займутся боевой подготовкой. Но все планы были сорваны. Не успели десантники обосноваться на новом месте, как в небе показалась армада фашистских самолетов. Удар был такой мощный, что даже понюхавшие пороху десантники удивленно разводили руками. Было ясно одно: у фрицев был хороший наводчик на штабы.

Едва воздушные пираты улетели, в Поповке появился командир корпуса Затевахин. Хотя он пытался выглядеть спокойным, все почувствовали его волнение и большую озабоченность.

— Родимцев, карту на стол.

Бегло взглянув на расстеленную штабную карту, которую уже знал назубок, и, разбуди его ночью, мог бы сразу объяснить позиции своих войск, комкор ткнул в нее пальцем:

— Теперь наша оборона будет здесь, на южном берегу реки Сейм. Несомненно, немцы попытаются оседлать дорогу Кролевец — Конотоп. Не дать им этого сделать — твоя задача, комбриг. Понял? — Немного помолчав, добавил: — Разведчики докладывают, что гитлеровцы форсировали Десну в районе Каропа. А это значит, что не сегодня-завтра их танки будут здесь и могут появиться на Сейме.

Трудно понять, как за такой короткий срок бригада снова оказалась в полосе обороны. Десантники, наученные горьким опытом, без промедления начали рыть окопы, по всей науке конструировали системы противотанкового и противовоздушного огня.

Бойцы устали от постоянных переходов, внезапных вражеских налетов, кровопролитных боев, но каждый понимал, что от того, как они приготовятся к встрече врага, зависит успех боя, да и их жизнь. Рыли вначале молча, неторопливо. Потом, чтобы как-то снять напряженность, стали в шутку подтрунивать друг над другом.

— Доброе село было под Киевом, — мечтательно произнес вслух рыжеватый солдат, — жаль только борща наваристого не доел — пришлось по тревоге собираться.

— Да, сальца с картошечкой отварной неплохо бы надернуть, — поддержал его напарник, волоча толстенное

бревно.

— Не до жиру, быть бы живу, — угрюмо бросил коренастый сержант.

— Ты, Иван, не сумлевайся, жиру у тебя не будет, — продолжая рыть окопчик, степенно заметил ему пожилой боец, которого уважительно величали Федот Евграфиевич, самый старший, прошедший Халхин-Гол, имевший на своем счету около пятидесяти прыжков с парашютом.

— Нет, ребята, жрать-то все же хочется, — не сдавался сержант.

— И пожрешь, и жив будешь, — напутствовал его Федот. — Ты только не торопись, поспешность, она только при ловле блох нужна. А здесь не блохи — саранча…

До седьмого пота трудились десантники. К утру командиры доложили о выполнении приказа. Задерганный многочисленными заботами, немыслимыми физическими испытаниями, комбриг, получив последнее донесение о готовности бригады к бою, прилег отдохнуть. Но не прошло и пяти минут, как дежурный телефонист разбудил его. Докладывал командир батальона капитан Пастушенко. Он сообщал, что к нему пришли местные крестьяне и утверждают, что немцы захватили соседнее село Алтыновку.

— Ты документы проверил? — устало спросил комбриг.

— У кого?

— Ну, не у немцев, которые в Алтыновке.

— Проверил, товарищ полковник. У обоих партийные билеты при себе.

— Добро! Только не паникуй!

Не успел полковник положить трубку, как на пороге, тяжело отдуваясь, появился его адъютант.

— Пленных разведчики приволокли, — не по-уставному доложил он.

— Где? — в тяжелом предчувствии спросил комбриг.

— В Озаринке.

— Шайтан побери.

— Не понял, товарищ полковник, — растерялся молодой адъютант.

— Доставить пленных.

Отдав команду, комбриг задумался над создавшимся положением. Если адъютант говорит верно, то это значит, что немцы уже на северном берегу Сейма.

Перепуганные, в разорванных комбинезонах гитлеровцы боязливо вошли в хату, подталкиваемые сзади рослым разведчиком в маскхалате. И только длинный, как жердь, офицер напыщенно хлопал белесыми ресницами.

— Переводчику остаться, остальные свободны.

Когда все удалились и комбриг с молодым переводчиком остались вдвоем с тремя завоевателями, те даже растерялись. Они ждали худшего.

— Спроси имя, фамилию, номер части, задание, — обратился полковник к переводчику.

И не успел молодой офицер перевести вопрос пленным, как фашистский офицер, выпучив грудь вперед, затараторил:

— Это первое настоящее сопротивление, которое оказали нам русские. Мы прошли Европу, пол-России и только здесь произошла непредвиденная осечка.

— Придурок стоеросовый, да ты еще не знаешь, как защищает родину русский солдат. Скоро покажем… Тогда увидишь, и не только на Сейме, на всех наших реках, больших и малых, в каждом селе, в каждом городе, на каждой пяди земли…

Комбриг обернулся к переводчику:

— Переведи дословно и повтори вопрос: фамилия, номер части, цель…

Пожалуй, переводчику и не надо было переводить слова комбрига. По испуганным глазам пленного офицера было ясно, что он хорошо понял, что перед ним сидит человек, с которым шутки плохи, что он и допрашивать, видно, умеет, но еще лучше, судя по всему, драться. Когда переводчик повторил вопрос, пленный офицер перестал ломаться. Он сообщил, что его дивизия находится в составе моторизованного корпуса, которому приказано выступать на Конотоп. Конечная задача корпуса — замкнуть окружение советских войск под Киевом. И, словно забывшись, фашист снова запел свою песню:

— О, мы прошли тысячи километров. Мы имели много успеха. Вы понимаете, что на войне действуют свои законы. Но нас в Озаричах встретили не по законам войны, — и он указал на одного из солдат с опухшим, посиневшим носом.

— Кто брал? — спросил полковник переводчика.

— Красноармеец Козлов, — четко ответил тот.

— Вызвать!

Двухметрового роста, русоволосый, виновато моргая голубыми глазами, Козлов предстал перед полковником.

— Ты что же это волю рукам даешь? — без злобы спросил комбриг.

— Да я ни при чем, товарищ полковник. Бычка молоденького на ферме словить этот обормот хотел. Гонялся, гонялся, а тому надоело, он его и боднул сгоряча, — начал хитрить разведчик.

— Корриду, говоришь, немец устроил на ферме, — лукаво улыбнулся Родимцев. — Видывал я ее в Мадриде, как быки

матадоров на рога подымали. А что же этот обормот от тебя шарахается, как от того бычка?

Разведчик развел руками:

— Душа не вынесла, товарищ полковник.

— Хватит, иди к ляду, — приказал Родимцев и непонятно, то ли осуждая, то ли подбадривая разведчика, добавил: — Ты особенно не балуй, ишь, лапищи отрастил.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — лихо козырнул Козлов.

Пленные, у которых оказалась карта боевых действий, дали сведения, нужные не только для десантников, но и для всей армии.

Родимцев был доволен. Отпустив переводчика и пленных, он вызвал шифровальщика, приказал ему быстро оформить разведданные и передать в вышестоящий штаб.

В последнее время фашисты по пятам преследовали десантников, загоняя их в ловушку. С тяжелыми боями отходили, петляя на небольшом участке, десантные бригады, дивизии, полки. Каждый день писаря отправляли в тыл множество похоронок. Полученные сейчас разведданные могли помочь советским войскам лучше разобраться в запутанной ситуации, сбросить с себя наседавшего врага, разомкнуть его стальные щупальца, перейти к активным действиям.

Широкими, тяжелыми шагами мерил штабную комнату Родимцев, не спеша диктуя шифровальщику донесение чрезвычайной важности. Время от времени он останавливался у стола, заглядывал через плечо шифровальщика в бумагу, пытаясь разобраться в замысловатых хитросплетениях цифр, но, так и не поняв их, хмыкал что-то себе под нос и продолжал диктовать.

Наконец работа была закончена.

— Когда передадите в штаб армии? — пытливо глядя в глаза шифровальщика, спросил Родимцев.

— Через тридцать минут шифровка будет на месте.

7

Разведданные передали в армию. Родимцев ждал нового приказа, а его не поступало. Передовые окопы десантников проходили в двухстах метрах от Сейма вдоль железной дороги Кроловец — Конотоп. Отдыха, даже короткого, после боев в Голосеевском лесу, под Киевом, у десантников не получилось. Спозаранку над передовой линией бригады на большой высоте показалась «рама». Воздушный разведчик безнаказанно трижды прошелся над расположением десантников и удалился восвояси. По опыту все знали, что после появления «рамы» обязательно следовал налет бомбардировщиков. Так оно получилось и на этот раз. Не прошло и часа, как над головами десантников появились зловещие юнкерсы. Фашисты построили круг и начали свою карусель, обрушив на позиции бригады тонны бомб. Надсадно залились крупнокалиберные пулеметы, пытаясь защитить позиции десантников. Но подошедшая вторая шестерка юнкерсов тоже обрушилась всей своей мощью на десантников. Гитлеровские самолеты были словно заколдованные. Они бомбили и вновь бомбили. Когда, казалось, налет закончился, из общего строя отвалил самолет и с воем стал пикировать на штабной домик. «Там же комиссар», — тревожно обожгла мысль Родимцева. Он увидел, как из брюха юнкерса вывалилась бомба. От мощного взрыва заложило уши. Когда дым рассеялся, все увидели изуродованный домик. Комбриг вместе с адъютантом бросились к тому месту, где только что взорвалась бомба. Возле дома, из которого валил сизый, удушающий дым, зияла огромная дымящаяся воронка. Вбежав в полуразрушенный штаб, они увидели разбросанные вещи, разрушенную мебель, шелестящие листки бумаги. Под грудой досок развалившегося старого шкафа что-то зашуршало, закряхтело, и наконец показалась фигура перепачканного в саже и известке комиссара. На почерневшем лице весело сверкали глаза.

— Здорово, комбриг!

— Командира слушаться надо, хотя ты и комиссар, — еще не веря в счастливый исход, ответил комбриг. — Я же приказывал, при налетах находиться всем в укрытиях. А что остался жив, спасибо.

— Что же ты своего шайтана не поминаешь? — улыбнулся Чернышев.

— Шайтан шайтаном, а фашистов знать надо. Попомни меня, сейчас опять пожалуют. Ну, я пошел.

Не успел комбриг вернуться на КП, как услышал осатанело

надрывающийся зуммер полевого телефона. Из батальонов докладывали, что в полосе обороны бригады немцы готовятся форсировать Сейм.

Только комбриг положил телефонную трубку, как немцы начали артиллерийский обстрел позиций бригады. Он продолжался двадцать минут. А едва успела ухнуть последняя пушка, как гитлеровцы принялись спускать на воду плоты и отобранные у местного населения рыбацкие лодки. Артиллеристы бригады открыли огонь по переправлявшимся через реку фашистам. Сейм кипел. Сероватогрязные фонтаны с шумом взметались вверх, вой снарядов заглушал стоны раненых. По реке плыли искореженные доски, весла, щепки, раненые. Экономя патроны, десантники прицельно стреляли по врагу, стараясь попасть в брюхо надувных лодок. Но силы были неравны. Фашисты, невзирая на потери, настойчиво продолжали переправу. Вот уже первые гитлеровцы выпрыгнули на берег и с ходу пошли в атаку. И когда показалось, что вот-вот последний десантник навечно ляжет в родную землю, неожиданно справа с надрывающимся криком «ура» бросилась в смертельную контратаку труппа храбрецов. Забросав высадившихся с надувных лодок фашистов гранатами, они вступили в рукопашный бой. В ход пошли приклады, десантные ножи, увесистые кулаки. С высокого берега эту дерзкую вылазку неожиданно поддержал пулемет. Стрелял он экономно, аккуратно, видно было, что сидел пулеметчик на голодном пайке по части боеприпасов. Но хитрил. Меткими очередями не подпускал высадившихся к берегу. Бил по тем, кто был на плаву. И вскоре все переплывшие через Сейм гитлеровцы были уничтожены.

Воцарилась тишина. Надолго ли? Вряд ли. Так думали все — от солдата до командира. И действительно, через несколько часов в воздухе появились вражеские самолеты. Тяжелые бомбардировщики под прикрытием истребителей, словно стая хищников, набросились на передний край десантников. Сбросив часть груза, самолеты резко развернулись и устремились на командный пункт. «Хорошо, что я успел перенести свой КП», — подумал в эту минуту Родимцев. Он наблюдал за самолетами, остервенело бомбившими его прежний командный пункт, а сам мучительно пытался понять, как удается немцам уже не в первый раз выходить так точно на его командный и наблюдательный пункты. Где здесь разгадка? Между тем, понимая, что у обороняющихся не хватает зенитной артиллерии, крупнокалиберных пулеметов, фашисты продолжали бомбежку. Действовали они не спеша, расчетливо, методично, словно по расписанию.

Комбриг ждал, что после такой мощной авиационной обработки фашисты снова попытаются форсировать Сейм, но гитлеровцы, отбомбившись, улетели восвояси, а противоположный берег молчал. Прошел час, второй, третий. Ползучий туман липкой промозглой сыростью подталкивал на позиции оробевший вечер. Комбриг приказал немедленно выслать разведгруппу, потребовав от нее выяснить намерения врага. Разведчики ушли, а комиссар и комбриг снова, в который раз, склонились над картой. Но сколько бы ни бросали они свои тревожные взгляды на разрисованные позиции, замысловатые топографические обозначения, красные и синие ломаные линии, перед ними снова и снова выплывала специфическая черная полоса, обозначавшая железную дорогу.

— И чего она им далась, — в сердцах ударил ребром ладони по столу комиссар, — липнут, как мухи на мед, ну обошли бы стороной — и дело с концом.

— Ты бы тоже ее, милую, эту железку захотел бы, оказавшись на их месте, — горестно улыбнулся комбриг. — Конотоп им нужен, вот и прут, обалдевши.

— Да ведь ребят всех положим.

— Допустим, не положим, не такие мы дураки стоеросовые, как немцы о нас, наверное, думают, а пощипать их здесь пощипаем.

На самой заре вернулись разведчики. Они доложили, что немцы производят перегруппировку, подтягивают новые части, потрепанные убирают в тыл, заметно большое скопление танков и бронетранспортеров. Закончив доклад, из которого комбриг сделал вывод, что фашисты не отказались от своей цели форсировать Сейм именно на его участке, командир разведгруппы доложил о своих встречах с местными жителями.

— Ну-ну, — заинтересовался комбриг.

— Да, житуха под немцем, знаете сами, товарищ полковник, не сахар, но крепятся, чем могут, стараются нам помочь.

И он рассказал, что один колхозник дал ценные сведения, сообщив, что к фашистам перебежал какой-то офицер с картой и, как выразился крестьянин, «усе супостату-антихристу про большевиков поведал». «Так вот почему немец с такой точностью выходит на наши позиции, КП, огневые точки», — понял теперь поразительную осведомленность противника Родимцев. Но времени на эмоции не было. Надо было готовиться к очередной встрече непрошеных гостей.

— Да, теплые объятия двух сторон предстоят, — словно разгадав мысли комбрига, произнес вслух комиссар. — Дело, конечно, твое командирское первое, — продолжил он, — но

сдается мне, попрут они чуть правее, на михайловский батальон, может быть, предупредить его лишний раз? — спросил комиссар.

Комбриг возражать не стал, он и сам понимал, что фашист сейчас в лоб не полезет, а попытается обойти его с фланга, рассечь на куски. И он уже было собрался вызвать по телефону командира первого батальона старшего лейтенанта Михайлова, как раздался звонок. Телефонист передал трубку комбригу. Тот слушал молча, а комиссар видел, как побелели, сжались его губы.

— Работайте, как полагается десантникам, что-нибудь придумаем!

— Ну что, прав я был? — едва полковник положил трубку, нетерпеливо спросил комиссар.

— Объегорил нас фашист, как цуциков объегорил, — расстроенно опустился на топчан Родимцев. — На участке четвертого батальона форсировали Сейм.

Почувствовав превосходство в технике, противник стремительно активизировал свои действия. Гитлеровцы рвались вдоль железной дороги на Конотоп, со стороны четвертого батальона, с левого фланга бригады. Не успел Родимцев отдать необходимые распоряжения, как к нему в блиндаж адъютант ввел санитарку Елизавету Мухину. Девушка с трудом переводила дыхание. Щеки ее подергивались, пальцы нервно перебирали перепачканный ремень, на одной ноге сапога не было.

— Товарищ полковник, там батальон погибает.

— Без паники, — строго, но как можно спокойнее привел ее в чувство комбриг, — и конкретнее.

Только после этих слов девушка, словно вспомнив, зачем она оказалась в командирском блиндаже, торопливо протянула грязный клочок синей бумаги. Командир четвертого батальона доносил: «Немецкая пехота и танки форсировали Сейм. Батальон несет большие потери. Прошу подкрепления. Кроме Мухиной послать некого».

Чем мог помочь батальону комбриг? Все, что оставалось у него в резерве, в том числе и танковую роту, он уже бросил в бой. Понимал, что силы неравны. На участке прорыва гитлеровцы имели десятикратное преимущество.

— Товарищ полковник, у комбата тяжелое ранение в живот, — услышал Родимцев всплакнувшую санитарку.

— Вы свободны, — сурово ответил полковник. И обратился к адъютанту: — Накормите, успокойте.

Целый день держался батальон. Свой последний резерв — взвод охраны полковник отдал обороняющимся, сам оставшись со штабом «гол как сокол». Но сдержать фашистов десантники не смогли. Слишком неравны были силы.

С наступлением сумерек наша оборона на этом участке была окончательно смята и враг беспрепятственно, расширяя прорыв, двинулся на Конотоп. Теперь они наступали и с фронта, и с тыла.

— Через несколько минут они будут здесь, — высказал предположение комиссар. И не успел он закончить фразу, как раздался пронзительный голос часового:

— Танки!

Устрашающе лязгая перепачканными в глине гусеницами, фашистские танки, беспрестанно стреляя, надвигались на КП бригады. Штаб, застигнутый врасплох, оказался в западне. Комбриг вместе с комиссаром и дежурным телефонистом плотнее прижались ко дну пахнувшего сырой землей узкого окопчика. В ближайшем укрытии затаились другие командиры. Передний танк отделился от группы и медленно вполз на покинутый несколько минут назад блиндаж связистов. Бронированная громадина, въехав на перекрытие, стала медленно кружиться на месте. Наконец, закончив пляску и решив, что все живое под ним сгинуло, танк двинулся дальше, лениво постреливая на ходу из орудия. Как только бронированные машины скрылись за перелеском, комбриг, комиссар и адъютант стали осторожно отходить к берегу Сейма, намереваясь вдоль берега пробиться в батальон Наумова.

По пути им попадались отходящие группы четвертого батальона, другие подразделения. Отстреливаясь, обливаясь кровью, отходили бойцы, уступая натиску врага, имевшего десятикратное превосходство. Стонали раненые, санитары не в силах были всем помочь. Надо было выиграть время, перегруппироваться, наладить четкое управление бригады — только эта мысль сейчас владела комбригом. Попытаться осуществить ее можно только с КП батальона Наумова. До батальона оставалось совсем немного, когда неожиданно наскочили на стремительно вынырнувший из-за пригорка фашистский танк. Комбриг, комиссар и еще несколько десантников залегли прямо на краю болота. Тяжелая махина, самоуверенно двигавшаяся по заболоченному перелеску, вдруг плюхнулась в трясину. Грязная башня незадачливого завоевателя воровато стала вращаться, как будто гитлеровцы этим собирались напугать притаившихся десантников.

— Без команды не стрелять, — приказал Родимцев.

Наконец башня остановилась, лязгнул затвор открываемого люка и из чрева попавшейся в ловушку бронированной машины показалась голова в шлеме. Раздался короткий выстрел, и голова медленно поползла обратно. И не успели гитлеровцы захлопнуть люк, как кто-то метко метнул внутрь танка гранату. На болоте

вспыхнул огромный чадящий костер. Лишь когда из-за рваных бегущих туч осторожно выглянула золотолобая луна, Родимцев и его попутчики добрались до командного пункта капитана Наумова.

8

Часы показывали полночь. Комбриг сидел с комиссаром в промозглой землянке и они искали ответа на вопрос, как спасти бригаду. В дальнем уголке, примостившись на коротких полатях, похрапывал комбат, получивший от комбрига разрешение на три часа отдыха. Воцарившаяся тишина действовала гнетуще. Даже немцы, обычно для острастки постреливающие по ночам из пулеметов да развешивающие ракетные фонари, угомонились. В узкий просвет входа в землянку заглядывала любопытная луна. Положение бригады было критическим. Связь оборвалась. Обстановка не ясна. Оставаться на месте — окончательно погубить бригаду. Уйти на новые, выгодные рубежи — значит нарушить приказ. А откуда его можно получить? Надо принимать решение на свой страх и риск. Катастрофически быстро таяла ночь, ночь, которая могла бы спасти десантников, если командир примет правильное решение.

— Думай, командир, — прервал молчание комиссар, — в тылу врага бригада. Это — к чему мы готовились в мирное время, это наша, так сказать, профессия.

«Как же поступить?» Комбриг продолжал молчать. Оборона рубежей в таких условиях уже не имела первоначального значения. В блиндаж вошел начальник штаба Борисов. Присел рядом.

— Надо воспользоваться ночью, вывести бригаду из ловушки, — не унимался комиссар. — Завтрашнее утро может нам в противном случае подписать смертный приговор.

— Без приказа уйти — самим себе подписать смертный приговор, нас расстреляют, — возразил начальник штаба.

«Оба правы, — рассуждал Родимцев. — Но если действовать по плану комиссара, рискуем только мы трое, если все соблюдать, как говорит начальник штаба, — значит погубить всю бригаду».

Не привык Родимцев отступать, да еще без приказа, но сейчас чувствовал, что сделать это надо.

— Так что решил, комбриг? — торопил Чернышев.

— Все верно, комиссар, приказываю отходить, пусть лучше расстреляют нас троих, чем дать немцам уничтожить всю бригаду.

Он все взвесил, выбирая направление отхода. Единственно правильным было прорваться в Лизогубовский лес и соединиться там с 6-й воздушно-десантной бригадой. Прорваться ночью, через болота, другого пути нет.

Возражавший было вначале начальник штаба тоже

согласился, понимая, что это единственно правильный выход.

Ночной марш оказался для бригады тяжелым испытанием на выносливость, мужество, отвагу. Колонна двигалась в гнетущей тьме, раскисшая после дождей дорога хватала за ноги, конные повозки то и дело застревали в колее, люди от усталости валились с ног. Да и подвод не хватало. Ящики с патронами и снарядами, артиллерийские орудия тащили на плечах. Дороге, казалось, не будет конца, но десантники понимали, что надо идти не останавливаясь, идти ради жизни, ради будущей победы.

И вот он — спасительный Лизогубовский лес. Вместе с утренним туманом главные силы бригады уже втянулись в него, когда в небе появились первые фашистские бомбардировщики. Они принялись усердно перепахивать прежние позиции десантников. Исполинскими столбами дыбилась земля, взрывные волны швыряли к небу огромные бревна, словно спички. Горела земля. Немцы и не подозревали, что там, где еще вчера им преградила путь бригада Родимцева, где они оставили подбитыми не один десяток танков и бронетранспортеров, огромное число убитых, уже никого нет. Десантники исчезли у них из-под носа как тени.

— Ишь, как стараются, ханурики, — довольный, потирал руки комиссар.

— Пускай порезвятся, — в тон ему ответил усталый и измученный комбриг.

И от сознания, что они сумели перехитрить, переиграть врага, на душе у каждого стало светлее.

— А вообще-то рано радуемся, как бы плакать не пришлось, приедет начальство, оно разъяснит, кто кого перехитрил, — сумрачно пробасил начальник штаба.

И как бы в подтверждение его слов на проселочную дорогу выскочила легковая машина.

— Ну вот, дождались гостей, комиссар корпуса с начальником особого отдела пожаловали, — продолжил свои нерадостные мысли начальник штаба.

Поздоровавшись со всеми, комиссар корпуса увлек Чернышева в сторону, а начальник особого отдела, сурово поправив фуражку, подступил к Родимцеву:

— Отход без приказа по законам военного времени…

— Законы военного времени знаю и за свои действия готов нести личную ответственность.

— Я вас арестую…

В это время из-за поворота на ту же проселочную дорогу выскочила еще одна «эмка». Это был комкор Затевахин.

— Докладывайте, — едва выйдя из машины, потребовал он.

Родимцев четко изложил положение десантников.

9

Бригада вышла из боев обескровленная, с большими потерями. Но времени на переформирование, на отдых не было. Гитлеровцы продолжали рваться вперед. Десантники Родимцева торопливо занимали новые оборонительные позиции. Свой штаб комбриг приказал оборудовать в селе Казацкое, которое находилось на пересечении проселочных дорог, надежно связывавших бригаду с другими частями корпуса. Да и штаб корпуса находился рядом, о ним была налажена связь.

Как-то под вечер, после совещания, комбриг вместе с командиром разведки Аракеляном возвращались из штаба корпуса. За рулем все той же видавшей виды «эмки» сидел Миша Косолапов. Старенькая машина, натужно урча мотором, нехотя катила по выбитой щербатой дороге. Кругом стояла блаженная, затаенная осенняя тишина, готовая вот-вот разразиться эхом артиллерийских снарядов, разрывами бомб, треском пулеметных очередей. Где-то там, за лесом, притаились фашистские танки, спрятались в земле минометные батареи, пехотные дивизии, готовые по первому приказу рвануться вперед, обрушиться всей мощью и на этот притихший осенний лес, и на приютившиеся возле него украинские деревушки. Родимцев на минуту-другую отрешился от дел, думая о чем-то своем, личном. Он не заметил, как они проскочили небольшую деревушку Сосенки, не придал значения странному беспорядочному движению автомобильного и гужевого транспорта. Сейчас он мысленно был далеко отсюда, там у себя в Москве на Кропоткинской улице, в кругу семьи.

По резким толчкам и усилившейся болтанке понял, что шофер прибавил скорость, когда они выскочили на околицу. «Правильно, — подумал полковник, — этот лысый участок надо проскочить попроворнее, а то, не ровен час, фашистские минометчики обстреляют». И как ни старался Миша аккуратнее вести машину, объезжая рытвины, колдобины, ничего из этого не получалось. Машина стонала, хрипела, потрескивала всеми своими суставами и, казалось, вот-вот развалится на этой разбитой распроклятущей дороге. Комбриг видел старания парня, понимал, что нелегко ему, но тем не менее непроизвольно чертыхался при каждом резком ударе.

— Ну вот, фрицы нас не шлепнули, так ты нас угробишь на этом драндулете, — ворчал он.

— Старуха, а не машина, отжила свой срок, — оправдывался водитель.

Проскочив опасный участок, все вздохнули с облегчением.

Вот и околица села Казацкое. И вдруг у всех троих неожиданно побелели лица. Их старенькая «эмка» беззаботно катила навстречу немецким танкам и бронетранспортерам, прямо в толпу гитлеровцев. Миша нервно заерзал на сиденье; «Вот это встреча». Он вопросительно посмотрел на Родимцева, и комбриг, не мешкая, приказал:

— Прямо на площадь, попытаемся под носом у немцев развернуться, иного выхода у нас нет.

— Есть, — хрипло ответил Миша, — я постараюсь.

И, пригнувшись к баранке, он пустил машину на полной скорости, выжимая из старенького двигателя все, на что он способен. А тот рычал натужно, надрывно, готовый вот-вот захлебнуться. Стрелка спидометра продолжала ползти вверх. Гогочущая толпа фрицев в предчувствии легкой добычи медленно наплывала на ветровое стекло. Уже можно было различить вражеские лица. Немцы не стреляли. Они понимали, что русская «эмка» находится в капкане. Родимцев и Аракелян достали пистолеты. Но что они сейчас могли сделать против вооруженных до зубов гитлеровцев?! Ну пристрелят одного, второго, и все. Комок подскочил к горлу Родимцева. У него остались счеты с фашистами еще по испанской эпопее, а он не мог сейчас ничего сделать.

Скрипучий визг тормозов бросил «эмку» набок под самым носом у немцев. На двух колесах, едва удержав машину, Миша с трудом развернул ее, и она, шлепнувшись в проторенную колею, понеслась в обратном направлении. Произошло это так быстро и неожиданно, что на мгновение гитлеровцы опешили, растерялись. Когда, опомнившись, они открыли огонь, машина была уже в конце улицы.

— Видно, в рубашке мы родились, — нервно заулыбался Миша.

— Ты просто ас, Миша, — похвалил комбриг. — Если бы не ты, каюк нам пришел бы.

— Ну вот еще, каюк, — расхрабрился парень, — у нас еще долгов невпроворот.

Вскоре комбриг был у себя в штабе. Комиссар Чернышев долго ходил вокруг полковника, словно не веря своим глазам, что видит живым и невредимым командира. «Ну и ну, — только и повторял комиссар, — за какой-то час и в плен попались, и из плена удрали. Вот уж действительно везенье».

— А ты что думал? — лукаво улыбался Родимцев. — У немцев мозги, а у нас вместо них балалайка? Нет, нас голыми руками, шайтан побери, не возьмешь.

10

Осень в здешних местах выдалась промозглая, с непрекращающимися дождями, липкими туманами. Почти весь сентябрь сорок первого года тяжелые тучи держали на замке уснувшее небо. С одной стороны, это было на руку. Вражеские танки вязли в грязи, их маневры были сильно ограничены. Но и десантникам дождливое сито не доставляло большой радости. И в этот день, когда все с нетерпением ждали возвращения разведчиков, занудливая сырость только портила настроение, мешала сосредоточиться.

В наскоро оборудованной штабной землянке, вход в которую был завешен плащ-палаткой, резко заверещал зуммер полевого телефона. Бритоголовый, усыпанный рыжими веснушками молодой телефонист, походивший скорее на подростка-практиканта, чем на кадрового связиста, расторопно подхватил трубку, хрипловато закричал: «Первый слушает!» Капитан Наумов докладывал, что немцы, прикрываясь утренним туманом, начали наступление. Но донесение оказалось запоздалым. Не успел комбриг принять решение, как над ними появились, «фоккевульфы». На бреющем полете они открыли огонь из пулеметов и пушек. Вспыхнула соседняя изба, тяжело упал на телефон веснушчатый паренек-связист. По боковой дороге, изрыгая едкие клубы дыма, ползли немецкие танки. Наступление гитлеровцев застало десантников врасплох. Теперь вся надежда на проворство артиллеристов, позиции которых были совсем рядом.

— К бою! — раздался твердый голос командира артиллерийского дивизиона капитана Кужеля. Медленно потекли секунды. Наконец раздался первый выстрел. Родимцев видел, как у головного танка, проскочившего небольшой бревенчатый мосток, отбросило назад башню. Запылавшая стальная громадина еще на несколько метров продвинулась вперед и застыла на месте, загородив дорогу следовавшей за ней колонне. Метким выстрелом был подбит второй танк. Теперь, словно в капкане, оказались несколько гитлеровских бронетранспортеров и автомашин. Над дорогой искрились пунктиры трассирующих пуль, задыхались длинными очередями пулеметы, надсадно ухали пушки. Неожиданный для десантников бой затянулся до поздней ночи. Силы были явно неравны. С рассветом танки противника и мотопехота заняли соседние населенные пункты Кузьки и Бондарки. Подтянув свежие силы, гитлеровцы попытались окружить бригаду. Сутки отбивались изнуренные и

малочисленные десантники от озверевшего врага, но, не имея приказа отступать, оставались на месте. Только на исходе вторых суток, едва темнота опустилась на землю, бригаде удалось отбросить фрицев и организовать более жесткую оборону. Когда от командиров поступили донесения о положении на местах, бойцам разрешили отдохнуть. Значительная часть десантников расположилась на ночлег в теплых хатах. Комбриг тоже позволил себе короткий отдых. Усталость валила с ног, слипались от бессонницы глаза. И он приказал себе два часа поспать. Но сразу уснуть не мог. Разноликие мысли лезли в голову. И красивая, с каштановыми косами санитарка, шептавшая перед смертью последние слова: «Хлопцы, отомстите, отомстите…» Потом грязная раскисшая дорога, словно в калейдоскопе, уступила место мосту возле университетского городка в Мадриде, а серые каски фрицев высоким колпакам марокканцев, потом Шарлык, холодный Салмыш, ночное, и стук копыт стреноженных лошадей в ночи: бум, бум, бум… Сон внезапно оборвался. Родимцев лежал с открытыми глазами и сразу не мог сообразить, что это за звуки: то ли во сне он слышит, то ли это наяву? Окончательно проснувшись, напряг слух. Опять те же звуки: бум, бум, бум. Резко сбросив сон, понял, что где-то рядом стреляла пушка. Он быстро вскочил с кровати, схватил телефонную трубку. На улице вслед за пушкой затрещали пулеметы, затарахтели автоматные очереди. Ответивший по телефону начальник штаба доложил, что в селе какое-то подразделение ведет бой. И вдруг артиллерийская канонада, сопровождаемая пулеметной и автоматной стрельбой, так же неожиданно затихла, как и началась. Появившийся начальник штаба привел с собой рослого горбоносого сержанта, от смущения то и дело запускавшего огромную ручищу в русые волосы.

— Вот, виновник, — кивнул на сержанта начальник штаба.

— Докладывайте, — сердито приказал сержанту полковник.

— Да мы все по приказу делали, товарищ командир. Как было велено, выкатили свою пушку на прямую наводку, здесь, за углом вдоль дороги. А тьма кругом, сами видите какая. Хоть так смотри, хоть зажмурься — лишь чёрту и баловать. Только заприметил я, что у одной хаты торчит что-то высокое. То ли стог сена, то ли поленница сложена…

— Говор у вас уральский, — остановил его комбриг.

— Вообще-то предки наши донские казаки. Но еще при царе Горохе бежали наши дедки да бабки на вольные земли, на Урал, значит. С тех пор и обретает наш род под Кыштымом. Говорят, прабабка была наша говорлива. Вот и зовемся мы теперь Сорокины.

— Ну что же ты, земляк, увидел в кромешной тьме у хаты?

— Увидел и глазам своим не поверил — танки. Для верности подполз, пригляделся: точно, кресты на башнях. Ну, я опять ползком назад, к своим пушкарям, шепотом объяснил, что к чему, приказал заряжать, ну а потом прямой наводкой и ахнули. Соседские батарейцы поддержали. А когда фрицы в подштанниках из хаты повыскакивали, автоматчики подсобили. Ну, а остальное вы слышали, извините, если что не так.

— Да, негостеприимно ты обошелся с фрицами.

Полковник приказал представить сержанта к награде, а сам, быстро шагнув к столу, стал внимательно изучать карту: «Как здесь могли оказаться гитлеровские танки?» Для выяснения обстановки в штаб корпуса, который находился под хутором Волчик, был послан капитан Аракелян.

За окном нехотя забрезжил рассвет.

— Перекусить бы, Александр Ильич, — предложил начальник штаба Борисов.

— Успеем, ты лучше думай, что делать будем, а то немцы такой завтрак устроят, что переварить не сумеешь.

— А черт их знает, проклятущих. Одно чувствую, от нас они не отстанут. Да и Казацкое им во как нужно, — и он провел ребром ладони по горлу.

Неожиданно резко, со стуком отворилась дверь. На пороге стоял взволнованный капитан Аракелян:

— Немцы. Несколько десятков танков. Двигаются на Казацкое со стороны Нечаево-Гвинтовое. Из близлежащего леса цепью на село наступает пехота.

— Сколько?

— До полка.

Одновременно с последними словами капитана на село обрушился шквал артиллерийского огня. Казацкое вспыхнуло одновременно.

— Вот и позавтракали, — иронически улыбнулся комбриг, беря в руки автомат.

Быстро оценив ситуацию, он выбрал единственно правильный путь — прорваться в Лизогубовский лес, собрать там в единый кулак разобщенную бригаду. Отдав приказ, прильнул к окну хаты. Комбриг увидел, что три тяжелых немецких танка прорвались к площади, пролязгали мимо штабной хаты. Оставаться здесь было бесполезно.

Комбриг в сопровождении начальника штаба, капитана Аракеляна и бойцов взвода охраны бросились на западную границу села. Стремясь быстрее выйти из опасной зоны, перемещались то короткими перебежками, то по-пластунски. До

леса осталось несколько десятков метров. Кое-кто из офицеров уже поднялся в полный рост. Но спереди хлестнули автоматные очереди. Наступала гитлеровская пехота. Патронов фашисты не жалели. Офицеры штаба оказались в западне. Бойцы взвода охраны, установив пулемет, открыли огонь, прикрывая отход штаба бригады. Единственным спасением была неубранная высокая конопля на огородах. Но едва десантники бросились туда, как, отсекая им отход к огородам, вышло три фашистских танка. Оставался один путь — придорожная канава. Наполненная наполовину хлюпающей водой, мерзкой грязью, она вызывала отвращение. Но другого пути отхода сейчас не было. Выбиваясь из сил, отплевываясь от раздражающей, липкой грязи, ползли десантники. Передышки быть не могло. Каждый понимал, что остановишься ты, остановятся все. А это гибель.

Издалека десантники видели, как танки старательно проутюживают огородную коноплю; затем остановились, словно передыхая после тяжелой работы, а потом, потом… Что это? Гитлеровские танки вернулись на дорогу и пошли назад, вдоль канавы, где ползли десантники.

Надо было мгновенно принимать решение.

— Прекратить движение, — приказал Родимцев.

Уткнувшись в грязную, прокисшую канаву, комбриг поймал себя на мысли, что вспомнил сейчас Мадрид, тяжелые бои в университетском городке, потом под Гвадалахарой. Тогда они тоже попали в такое же положение. Но танки там были не немецкие, а итальянские, какой-то дивизии «Черные перья». Да и канава там была сухая, каменистая. Тяжело было тогда ползти по сухой, взлохмаченной взрывами земле. От пота намокли волосы и прилипла к спине майка. Острые камни больно резали колени. Злющие коричневые колючки цеплялись за френч, за брюки. Как и сейчас, ныли ноги, хотелось подняться, размять суставы. Но пулеметные очереди вражеских танкистов прижимали к земле. А она была какая-то красная, сухая, потрескавшаяся от жары. Родимцеву показалось, что он тогда даже почувствовал ее запах. Нет, она пахла не так, как его родная оренбургская степь. Свою шарлыкскую землю он всегда учует по запаху душистой полыни. Он запомнил ее духовитость еще с малолетства, когда гонял в ночное лошадей, бегал по борозде за плугом. Давно это было. А сейчас… Сейчас все ждут его решения, верят, что он выйдет из этого, почти безвыходного, нелепого положения.

— Затаиться, притвориться убитыми, — прошла по цепочке команда полковника.

Растянувшись, разбросав в сторону руки, приняв неестественные позы, десантники притворились убитыми. «Ну и

нелепость, — злился на себя комбриг. — Словно болотная тварь лежишь и ждешь: придавят тебя или не придавят». К счастью, танки прогрохотали рядом, не обратив внимания на валявшихся в грязной канаве людей.

Усталые, в липкой грязи, голодные десантники только к вечеру пробрались в Лизогубовский лес. Выучка, готовность воевать в любых условиях, умение ориентироваться на местности в любую погоду, в любое время суток дала себя знать. Все, кто мог двигаться, точно выполнили приказ, соединились с другими частями корпуса.

Бригада к этому времени насчитывала около семисот человек и снова оказалась в тылу противника. Оторванные длительное время от основных сил, они не имели точных данных об обстановке на фронте. Не мог и сам Родимцев знать, что к середине сентября, когда они оказались в окружении, в районе Лохвиц соединились две танковые группы немецких войск — Клейста и Гудериана. Более того, в оперативном окружении восточнее Киева оказалась киевская группировка войск Юго-Западного фронта. В Лизогубовском лесу фашисты заперли многие наши части. Фашистское командование хорошо понимало, что вырваться из этой ловушки почти невозможно.

11

Задумчивым, неторопливым выглядел на коротком совещании командир воздушно-десантного корпуса полковник Затевахин. Он пристально всматривался в лица подчиненных. Давно командиры бригад не собирались все вместе. И вот они перед ним. Подтянутый майор Шафаренко — командир 6-й бригады, энергичный, с затаенным прищуром карих глаз крепыш Родимцев — командир 5-й бригады, основательный, несколько медлительный полковник Жолудев — командир 212-й.

Командиру корпуса не в чем было упрекнуть своих подчиненных. Даже в том, что они были вынуждены отступить, попали в окружение. Опытный десантник, сам совершивший свыше трехсот прыжков, побывавший в разных сложных переделках, Затевахин знал цену выдержки, мужества, воинской смекалки. Он мог положиться на своих комбригов. И жесткий, непреклонный «испанец» Родимцев, и смекалистый Жолудев, участник боев на озере Хасан и финской кампании, и еще совсем молодой командир майор Шафаренко выполнят свой долг до конца.

Затевахин понимал, что должен был бы сейчас предоставить бойцам отдых, накормить их, подсушить, оказать посильную помощь раненым в нормальных условиях, но сделать этого комкор не мог. Вздохнув, он отдал приказ о выходе корпуса из окружения. По замыслу командира, возглавить колонну должны были менее потрепанные в боях десантники Шафаренко, за ними следовала 212-я бригада и замыкала 5-я.

Невеселые возвращались с совещания комиссар Чернышев и комбриг Родимцев. Шли молча, каждый по-своему думая об одном и том же — о завтрашнем марше. Вот уже несколько дней бригада практически без отдыха кружит на одном месте, петляя по хорошо изученной дороге, дороге, где, кажется, близкими, знакомыми стали каждое деревце, каждое болотце, каждый овраг, каждая балка, каждая деревушка с сиротливыми избенками. Десантники движутся без паники, без стонов, без малодушничества и отчаяния, отражая яростные атаки врага и отступая. Отбивая населенные пункты и снова оставляя их. По нескольку раз села переходят из рук в руки. В последнее время стало трудно определять, кто в данный момент владеет тем или иным населенным пунктом. Старший по возрасту комиссар Чернышев заметно осунулся за последние дни, глаза впали, резче обозначились скулы. Вот и сейчас шагает он тяжело, хрипло дышит. Но не только физическая усталость угнетает комиссара.

Он устал видеть страдания мирного населения и отводить взор, когда старики, осуждающе глядя ему в глаза, повторяют один и тот же вопрос: «Сколько же будем отступать?» Десантники, молодые бойцы — народ выдержанный, дисциплинированный, — опаленные первыми боями, тоже нуждались в добром слове. Правда, никаких панических разговоров, заунывных дискуссий в бригаде не отмечалось. Но все чаще и чаще бойцы размышляли о сроках перехода в наступление.

— Да, тяжеловата будет наша прогулка, — прервал свои думы комиссар. — С почетным караулом провожать будут. В Казацком — немцы. В Нечаевке — немцы. На всем пути следования фашисты.

— Будем надеяться на фрицевскую пунктуальность и аккуратность, — невесело откликнулся комбриг. — Они по расписанию ночью спят. А нам негоже быть невоспитанными. Спят и хорошо, будить не надо.

Около десяти вечера были уже у себя. Короткое совещание с комбатами, с командирами других служб. Приказ командира бригады звучит четко, ясно, требовательно — в три часа ночи выступаем. Бригаде выделены дополнительные грузовики. На них необходимо проскочить ночью между Казацким и Нечаевкой.

— Командирам, всему личному составу на вопросы немецких патрулей не отвечать, — чеканил слова комбриг. — Если будут препятствовать движению, убрать бесшумно, холодным оружием. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось, и командиры молча разошлись по своим подразделениям готовить бойцов к походу.

12

В расчетное время корпусная колонна двинулась в путь. Вслед за головным отрядом 6-й бригады шли тылы, штаб, а затем и другие подразделения. Машины двигались с потушенными фарами. Десантники сидели притихшие, настороженные, в любую минуту готовые вступить в смертельную схватку. Первый населенный пункт прошли спокойно. Настороженное село спало. Возле хат темными громадами возвышались бронетранспортеры, грузовики, мотоциклы. Продрогшие, одинокие патрули жались под навесом. При въезде в деревню стоял, весь съежившись, немецкий постовой, его лицо было едва видно под капюшоном прорезиненной накидки. Судя по всему, ему было одиноко и страшно. И когда постовой, не подозревавший такой дерзости от десантников, услышал рычание моторов, увидел силуэты походных кухонь, орудий, он даже приободрился. Гитлеровец принял колонну советских войск за свою. В приливе радостных чувств он даже помахал рукой, одобрительно что-то прокричал. Когда село миновали, у всех на душе стало веселее, появилась уверенность в успехе.

На востоке небо из черного постепенно превращалось в темно-серое. Наплывал рассвет. Зловеще, словно волшебное гигантское покрывало, дрожал утренний туман. Когда колонна десантников втянулась на узкую улочку села Духановка, один из прытких немецких патрульных бодро вскочил на подножку головной машины. И не успел он еще погасить дурашливую улыбку, как стальные руки десантника, сидевшего рядом с водителем, цепко схватили его за отворот, прижали к дверце кабины. Черное дуло пистолета подсказало гитлеровцу, что в этой ситуации лучше помолчать. Впрочем, если бы он и захотел крикнуть, то не смог бы. Крепкие руки так сдавили ворот, что бравый вояка, выкатив глаза, стал задыхаться. Его напарник, ничего не понимая, смотрел на удалявшуюся машину и прилипшего к ее подножке ефрейтора. Со стороны можно было подумать, что ефрейтор на фронтовой дороге встретил знакомого и, разговорившись с ним, не замечал, что машина все дальше увозит его из Духановки. Наконец, когда колонна прошла, второй патрульный, почувствовав что-то неладное, дал несколько выстрелов в воздух. По тревоге был поднят гитлеровский гарнизон. Но он оказался малочисленным, десантники быстро уничтожили его. И, словно в награду за этот скоротечный победный бой, получили добрые трофеи — немецкие грузовики с полными баками бензина.

— Вот видишь, бог-бог, а сам не будь плох, — шутили бойцы.

— Потрудились — премия.

По приказу комкора немецкие грузовики теперь шли впереди колонны, вводя в заблуждение немецкие патрули. Только в конце пути, когда передовой отряд майора Шафаренко, уверившись в полном успехе, с зажженными фарами проехал по центральной улице села Грузское, фашисты поняли, что их водят за нос. Едва хвост колонны стал медленно выползать из деревни, ночную тишину расколол треск пулеметов, ударили противотанковые пушки. Противник бросил в бой танки, бронетранспортеры. Но десантники не растерялись. Колонна продолжала движение, а ударные силы 212-й и 5-й бригад завязали бой. Они стойко удерживали натиск фашистов. Основная нагрузка выпала на артиллеристов комбата Ивана Быкова, которые заняли позиции прямо на дороге. Били они метко. Вот вспыхнула одна машина, медленным волчком закрутилась вторая.

Рослый, плечистый Иван Быков с трудом умещался за щитом орудия у панорамы.

— Заряжай, — разгоряченный боем, кричит комбат. — Сейчас мы тебя встретим. — И он наводит перекрестие на прыгающую на ухабах стальную машину. Выстрел — бронетранспортер перевернулся в кювет.

Справа раздался еще выстрел. Второй бронетранспортер опрокинулся.

— Тут только не зевай, — весело крикнул Иван Быков. — Смотри, как соседи лупят. Так и нам ничего не останется.

— Слева танк, — расколол воздух тревожный голос.

Приземистый, густо размалеванный танк мчался с фланга на десантников. Из жерла его орудия периодически выплескивалось смертоносное пламя. Крупнокалиберный пулемет, словно заводной, поливал свинцом позиции. Уходившая по шоссе машина неожиданно остановилась, расчет быстро отцепил орудие, развернул его в сторону мчавшегося танка. И не успел Иван Быков отдать команду, как грянул выстрел. Тяжелая гусеница змеей поползла по дороге. Второй выстрел — машина загорелась.

Когда Быков подбежал к стрелявшему орудию, из-за него, счищая с колеса грязь, поднялся под стать ему, Быкову, широкоплечий рослый полковник.

— Здорово я его хватил? — улыбнулся полковник. — Значит, есть еще порох в пороховницах. Я ведь тоже когда-то был артиллеристом.

Быков узнал ветерана корпуса, командира 212-й бригады Жолудева.

— Лихо вы его, — восхищенно откликнулся он. — Но мы не в обиде. Нам еще такие экземпляры достанутся.

— Достанется, парень. Ну ладно, поехали, — улыбнулся комбриг.

Вскоре корпус, без значительных потерь, разгромив противника в районе Грузское, вышел к своим. В районе Бурыни он соединился с войсками сороковой армии.

Бригаде Родимцева было приказано занять оборону в районе города Ворожба. Километрах в двадцати в сторону, в районе города Глухова, действовала группа генерала Ермакова. На поиск соседей ушло несколько разведгрупп, но ни одна не вернулась. Посылал Родимцев ударную боевую группу, но и ей не удалось войти в контакт с бойцами, оборонявшими Глухов. Действовавший здесь 46-й механизированный полк гитлеровцев крепко замкнул кольцо окружения. А через несколько дней десантники получили удручающее сообщение, что город Глухов пал. Теперь мотоколоннам фашистов была открыта дорога на Курск.

13

Длительное отступление, бешеный натиск врага, быстро меняющаяся обстановка, расправы фашистов над мирным населением угнетающе действовали на бойцов, особенно молодых, сеяли порой панику.

Возвратившиеся как-то с задания разведчики рассказывали, что в деревнях поговаривают о каких-то специальных отрядах белоэмигрантов, которые идут вместе с фашистами. Бывшие «графы», «князья» якобы захватывают отобранные у них после революции земли, воцаряются в своих бывших поместьях. Вместе с ними орудуют бывшие уголовники под видом служителей культа. Спекулируя религией, гитлеровские идеологи запугивают людей, расправляются с теми, кто не верит в бога. Обычно спокойный комиссар, выслушав это донесение разведчиков, расстроился больше всех.

— Ах, что делают негодяи, изнутри червоточину пускают.

Комбриг пытался успокоить:

— Да не сокрушайся ты, не это самое страшное, танки их да самолеты пострашнее будут, на своей шкуре небось испытал.

— Не скажи, — возражал Чернышев, — замаскированная ползучая гадина иногда и похлеще будет.

— Ну, нам-то такие гадины еще не попадались, может быть, как говорится, у страха глаза велики.

Но комиссар не успокаивался:

— Вот ты, Александр Ильич, говорил мне, что отец твой батрак, сапожничать был мастер. Стало быть, ты это ремесло тоже должен знать. А у нас в роду все столяры, с деревом большие мастера обращаться были. Да еще с каким — с красным деревом. Так вот, ты знаешь, красное дерево крепкое, изделия из него стоят годами. Но заведется в нем такой маленький-маленький жучок, козявка, еле глазами усмотришь. Так он в короткий срок дерево изъест в труху.

Прошло несколько дней после этого разговора. Комбриг даже забыл о нем, как однажды Чернышев, зайдя к Родимцеву, тяжело опустился на лавку.

— Ну вот, ты говорил, что у стража глаза велики, а разведчики тебя опровергли.

— Ты о чем это, Федор?

— Рядовой Климов, волоки сюда этого священнослужителя! — вместо ответа крикнул комиссар.

Подталкиваемый в спину разведчиком, с мешком в руке, в штаб ввалился толстомордый детина в поповской рясе. Озираясь

по сторонам, будто ища икону, но не найдя ее, тяжело, наигранно вздохнул и на всякий случай перекрестился.

— Хватит ваньку валять, — осек его комиссар.

— Все мы под богом ходим, и грех бога гневить.

— И давно вы? — Родимцев лукаво показал рукой вверх.

— Чего? — посмотрев тоже в потолок, переспросил задержанный.

— Божий наместник?

— Я закончил духовную семинарию…

— Врет он, — сердито перебил Климов, — вышибалой, видать, работал, ишь ряшку какую отожрал.

Родимцев сердито посмотрел на горячего разведчика, попросил его держать себя в руках.

— Ну а что там, в мешке? Чего вы в него так вцепились, что аж пальцы побелели? — спросил он «святого отца».

— Мирские вещи. — Глазки священнослужителя воровски забегали.

— А ну, покажи, что миряне в мешках носят? — приказал комбриг.

В нем оказались коверкотовый отрез, две старинные серебряные чаши, видавший виды бронзовый подсвечник, несколько золотых крестов, женская бархатная жакетка, лакированные полуботинки, соломенная шляпа, несколько галстуков, женская ночная рубашка, набор серебряных ложек.

— Откуда столько? — спросил полковник.

— Приношение христиан.

— Ах, приношение, — иронически повторил Родимцев. — Добровольно, значит, подносили? Это что же, вроде гонорара за вранье, предательство? По перечислению или наличными поступало вознаграждение? Мародер ты ползучий.

Пленный не стал запираться. Он рассказал, что незадолго перед началом войны их, белоэмигрантов, собрали в одном из маленьких городков, провели с ними трехмесячную подготовку и распределили по воинским частям, с которыми им предстояло следовать. За определенную мзду «божий десант» обязан был вести антисоветскую пропаганду, выявлять советских активистов, вербовать предателей. Видно было, что этот божий наместник не только выполнял возложенные на него фашистами обязанности, но еще и по собственной инициативе занимался примитивным грабежом.

Родимцев приказал увести пленного. Оставшись один, он долго сидел задумчивый, озадаченный. Допрос пленного «священнослужителя» всколыхнул в его памяти недавние бои. Оборону Киева и Мадрида, окружение и отступление. Все

перемешалось, и фронт, и тыл. Где сейчас проходит между ними граница? На огромных территориях рычат гитлеровские танковые полчища, по тылам рыскают фашистские прихвостни, вроде этого попа. Сотни километров прошла с тяжелыми боями бригада за полмесяца. Сражалась и отступала. Сколько же у людей должно быть веры в победу, думал комбриг, если они, несмотря на отступление наших войск, на увещевание гитлеровских приспешников, умом и сердцем с нами, верят, надеятся на нас. Комбриг тяжело вздохнул. Он устал уже отдавать приказы об очередном отступлении. Но сегодня опять предстояло это сделать. Теперь десантникам предстояло быстро отойти к городу Тим. Комбриг вызвал начальника штаба, приказал подготовить приказ. И уже утром бригада снова находилась на марше и вновь с кровопролитными боями прорывалась через фашистские кордоны. В Тим пришли с большими потерями. Во всех трех воздушно-десантных батальонах, в артиллерийском дивизионе, саперном взводе осталось меньше половины людей. Но уставшие, обескровленные батальоны снова готовились к тяжелым боям.

14

Выбитая из Тима пехота противника окопалась на его ближайших подступах, а танки пока активных действий не предпринимали. Разведчики доносили, что фашисты подтягивают свежие пополнения. Десантники тоже не дремали. Они укрепляли свой оборонительный рубеж, минировали отдельные участки дорог. Короткое затишье, установившееся после оглушительных сражений, по-своему было дорого и для офицеров, и для рядовых. На передовой все замерло: ни выстрела, ни рева разорвавшейся бомбы, ни вспышки ракеты.

Незаметно надвинулся вечер, ночь, судя по всему, обещала быть спокойной.

Только поздним вечером, побывав почти во всех подразделениях бригады, Родимцев и комиссар Чернышев подумали о ночлеге. Расторопный комендант штаба лейтенант Бирюков доложил, что для них приготовлено хорошее место, и повел к небольшому чистенькому домику, от которого еще пахло свежим тесом. Гостей встречала стеснительная молодая хозяйка.

— Милости просим, — будто пропела она.

Высокое крыльцо вело в просторные сени. На полу аккуратно выстроились подойник, горшки, грабли, какие-то совки, небольшое корыто и прочая крестьянская утварь. Знакомый запах деревенской хаты напомнил комбригу его домик в Шарлыке. За стеной сонно захрюкал боров.

— Прямо как у себя дома, — улыбнулся полковник.

— Вот и хорошо, покойно вам тут будет, родные, — проворковала хозяйка.

— Говор у вас не местный, — радуясь домашнему уюту, поддержал разговор Родимцев.

— А я и взаправду не тутошняя, из Каргополя муж вывез. «Срочную» у нас на Севере служил, вот там и повстречались. Уговорил к нему сюда ехать. Мои-то старики просили остаться, рыбалкой его сманивали. Да никак моего Николая не переупрямили. Увез сюда, вот дом построили, Володя, сынок, растет, а бати нашего нет, как ушел на фронт, так ни весточки, — и щебетавшая хозяйка как-то сразу пригорюнилась.

— Объявится твой Николай, обязательно объявится, — успокоил ее комбриг, по-домашнему устраиваясь за столом, где уже дымилась горка душистых блинов и посапывал надраенный до блеска старинный самовар.

В горнице было чисто, уютно. На тумбочке, прикрытый кружевной накидкой, по-хозяйски расположился патефон, рядом

с ним, на небольшом табурете, степенно томился солидный баян. Чуть поодаль, на хрупкой этажерке, теснились книги и тетради. Видно, в этом доме уважали и ценили музыку, любили почитать.

— Это кто же у вас музыкальничает? — наслаждаясь горячим чаем, спросил хозяйку Родимцев.

— Да Николай мой, он и Володеньку нашего к музыке приучил, тоже, коли надо, не оплошает.

Комбриг посмотрел на сидевшего в стороне притихшего подростка. Голубые глаза мальчугана, словно зачарованные, остановились на автоматах и пистолетах, лежавших у входа на лавке. Парнишка уже мысленно шел с этим оружием в атаку.

— Что, в десантники хочешь? — спросил полковник.

— Ага, можно потрогать?

— Но-но, будет баловать, — любовно заворчала на него мать. — Ишь невидаль — автомат. Принеси лучше огурцов из кадки.

Парнишка стремглав бросился в чулан.

Тоскливо проводив взглядом сына, мать стала сокрушаться:

— Беда прямо с ним. Каждый день талдычит: отпусти да отпусти к бате на фронт. А какой из него вояка, мал еще. Возьмите моего Вовку с собой, а то ведь, чует мое сердце, убежит на фронт, а то и того хуже — придут немцы, он и выбросит что-нибудь такое, за что с головой расстаться придется.

— Да маловат он еще воевать, — возразил Родимцев.

— А вы не смотрите, что он ростом маловат, зато смышленый, работящий, обузой не будет.

Она с такой мольбой уговаривала комбрига и комиссара, что те не смогли отказать матери.

— Ну ладно, добро.

Вызванный в избу политрук Савелий Ржечук получил задание пристроить мальчишку к делу, подобрать ему обмундирование, поставить на довольствие. Отдав распоряжение, комбриг собирался поспать хотя бы часика два, но сделать этого ему не удалось. Где-то совсем рядом заухали разрывы артиллерийских снарядов, по дороге мимо дома потянулись подводы, забегали люди.

Родимцев и комиссар выскочили на улицу и чуть не попали под конную упряжку артиллеристов. Молодой лейтенант едва остановил лошадей, торопливо спрыгнул с седла.

— Ты что, обалдел? — отряхнувшись, сердито выругал его Родимцев.

— Никак нет, дислокацию меняю, — еле переводя дух, затараторил молодой лейтенант.

— Какую еще дислокацию, кто приказал?

— Проявляю инициативу, товарищ полковник, в город ворвались немецкие танки, прут напропалую, а у нас снарядов мало.

— И много их? — переспросил Родимцев.

— Наверное, дивизия, не меньше.

— А ты что, считал?

Переминавшийся от нетерпения с ноги на ногу лейтенант еще сильнее заморгал белесыми глазами, зачем-то стал дергать рукой козырек заляпанной фуражки. Комиссар взял его под руку чуть повыше локтя и спокойным, отеческим тоном произнес:

— Возьми себя в руки, сынок. Ты ведь командир, паниковать тебе негоже…

— Приготовиться к бою, оборудовать позиции, — резко отдал команду Родимцев.

— Есть, приготовиться к бою, — приходя в себя, ответил молодой лейтенант.

— И ни шагу назад, — добавил Родимцев, — стоять насмерть.

Не успели артиллеристы развернуть орудия, как впереди послышался натужный гул моторов.

— Не стрелять, подпустить ближе, — приказал комбриг, — на узких улочках они не разгуляются.

Закусив губу, напряженно всматривался вперед комиссар. Все сильнее и отчетливее рычали моторы приближающихся гитлеровских танков. Ведя огонь на ходу, они уже подошли совсем близко. Снаряды стали перелетать через головы обороняющихся.

— По фашистам огонь! — раздалась команда.

Огненный снаряд метнулся навстречу бронированным машинам. Затем последовал второй залп. Третий… А когда дым рассеялся, все увидели пять подбитых танков. Первая атака гитлеровцев была отбита.

— Ну что, лейтенант? — улыбнулся комиссар. — Значит, можно их бить.

Воспользовавшись затишьем, Родимцев стал пробираться задворками в штаб.

— Совсем как в детстве, — пошутил он, перелезая через забор сада.

— А моего сада нет, — помогая подняться комиссару, сквозь зубы проговорил автоматчик из взвода охраны. — Сожгли, сволочи.

Наконец добрались до штаба. Начальник штаба доложил обстановку, сообщил, что принял меры к жестокой обороне. Судя по всему, фрицы собрали на этом участке немалые силы и любыми средствами решили выбить десантников из Тима.

Начальник штаба высказал свои соображения, что прорвавшиеся танки — это разведка боем. Он считал, что с часу на час последует наступление гитлеровцев, которые попытаются запереть десантников на городских улицах.

— Что предлагаешь? — спросил Родимцев.

Начальник штаба с болью посмотрел в глаза комбрига, не решаясь сказать того, что конечно же уже понимал сам полковник. Он только добавил:

— У немцев десятикратное превосходство. У них танки, авиация.

— Что ты меня как невесту к алтарю подводишь, — тяжело вздохнул Родимцев. — Конечно же бригаду надо выводить из города. Командуй. Соберем силы — вернем город.

Во второй половине дня немецкая авиация совершила два массированных налета на Тим. Фашисты сбросили сотни тонн смертоносного груза на головы мирных жителей и после короткого боя с прикрывавшими отход основных сил частями вошли в город.

15

Основательно готовилось наше командование к контрнаступлению. Подтягивались свежие силы, доукомплектовывались потрепанные в боях части. Зима сорок второго наступила быстро и неожиданно. Сразу, без раскачки, она вступила в свои права: сковала сырую землю крепкими морозами, засвистела колючими метелями. Одиннадцать суток лежали в глубоком снегу десантники Родимцева, сдерживая натиск 9-й танковой и 16-й моторизованной дивизий фашистов. Ни холод, ни лишения не могли остановить наших бойцов от стремления вернуть внезапно захваченный немцами город.

К этому времени из сороковой армии пришел приказ, в котором говорилось, что 3-й воздушно-десантный корпус преобразуется в 87-ю стрелковую дивизию. Ее командиром назначался комбриг Родимцев. Новому командиру дивизии предстояло ближайшей ночью взять город Тим. И именно ночной атакой! Надолго склонился над картой молодой комдив. Как выполнить приказ? Сменилось название, но корпус от этого не стал еще стрелковой дивизией. Не хватает боеприпасов, вооружения. Комдив понимал, что неподготовленная атака принесет только ненужные жертвы. Просить отложить атаку? Поймут ли в армии? Только назначен командиром и трусит, не может выполнить приказа.

Неожиданно в штабе появился член Военного совета армии генерал Грушецкий. Он поздравил Родимцева с назначением на пост комдива, пожелал успеха и деловито спросил:

— Как думаете брать Тим?

— Да вот, посоветовались с начальником штаба Борисовым и думаем… Впрочем, он сейчас доложит.

Борисов, небольшого роста, спокойный, невозмутимый человек, неторопливо стал докладывать члену Военного совета. Он объяснил, что вновь созданная дивизия не успела даже собрать воедино все свои части. После тяжелых кровопролитных боев только налаживается связь, управление войсками. С армейских складов еще не полностью получено оружие, боеприпасы. Обещанное пополнение не подошло. Говорил Борисов не спеша, уверенно, словно чувствовал, что доводы, которые он приводит, трудно опровергнуть.

— Словом, считаем, что ночную атаку по взятию Тима дивизия ближайшей ночью осуществить не может. Потери будут велики, а успеха — ноль.

— Вы не можете выполнить приказа? — растерянно спросил

Грушецкий.

— Я высказал свою точку зрения.

— Но я не могу отменить приказа командира. Если с вашим мнением согласен Родимцев, то пусть сам говорит с командармом.

— Начальника штаба поддерживаю. — И Родимцев приказал связать его с командармом.

На другом конце провода отозвался знакомый голос командующего сороковой армией генерала Подласа. Они познакомились еще в первые дни войны, при обороне Киева. Генерал часто бывал в бригаде, чем мог, помогал десантникам, высоко ценил полковника Родимцева. И сейчас, когда услышал знакомый неторопливый голос комдива, не перебивал его. Генерал не удивился, что Родимцев просит отложить ночную атаку. Он не кричал, не увещевал. Молча выслушав, коротко ответил:

— Добре. Учтем ваше мнение.

Положив трубку, комдив так и не понял, как ему поступать: то ли отменять атаку, то ли наоборот, форсировать. На всякий случай, он не стал отменять ранее отданный приказ о подготовке к наступлению. Только через час из штаба армии сообщили, что через несколько часов в дивизию прибудет пополнение — свыше пятисот бойцов. Все в штабе с облегчением вздохнули: за сутки, да с пополнением, можно хорошо приготовиться к ночной атаке. В полночь, когда фрицы по точно заведенному графику стали располагаться на отдых, в небо ушли цветные хвосты сигнальных ракет. Почти одновременно свой басовитый голос подала артиллерия. Дивизия Родимцева пошла в ночную атаку и вскоре стремительно ворвалась в Тим. Победа досталась нелегко. Немало воинов полегло на подступах к городу. Тяжело переживали однополчане гибель боевых друзей, с которыми шли фронтовыми дорогами с первого дня войны.

Суровый, похудевший сидел в штабе Родимцев. Вошел адъютант, доложил, что его хочет видеть какая-то местная женщина.

— Говорит, что знакома с вами, товарищ полковник.

— Пропусти.

В вошедшей женщине Родимцев с трудом узнал хозяйку уютного домика, где несколько дней назад они с комиссаром квартировали.

— Не узнаете, Александр Ильич, — голос женщины дрожал. — Что, постарела?

Комдив с растерянным удивлением смотрел на гостью. За несколько дней молодая, симпатичная женщина превратилась в

старуху, из-под черного платка выползла седая прядь волос. Какое-то тяжелое предчувствие удерживало комдива от расспросов.

— Нет больше моего сыночка. — Слезы потекли по впалым щекам рано постаревшей женщины.

Родимцев долго сидел молча. Потом привстал и с силой ударил кулаком по столу.

— Они заплатят за все сполна. А вы знаете что, идите к нам санитаркой. Вместе за Володю мстить будем.

— А справлюсь? — растерянно подняла заплаканные глаза убитая горем женщина.

— Душа у вас русская, а значит, добрая — это как раз то, что больше всего надо раненому.

— Согласная я, сейчас могу и приступать.

Отдав необходимые распоряжения и проводив женщину, Родимцев опустился на лавку, задумался. Сколько же хороших, добрых людей полегло в землю за этот безжалостный год? Молодые веселые парни и девчата, которые и жизни-то еще не видели, ушли из нее навек. Были среди тех, на кого отправили похоронки, и пожилые рабочие с заводов и фабрик, и степенные крестьяне, не переставшие тосковать по пахотному делу. Полковник вспомнил, что вчера похоронили его земляка-уральца Ивана Ивановича Известного. И перед глазами сразу встал пожилой, усталый, но никогда не унывавший человек. В памяти уральца держалось множество нескончаемых веселых историй, присказок, солдатских прибауток. Родимцев припомнил, как встретился с земляком за два дня до его гибели. Это было накануне тяжелого боя. В тесной, холодной землянке, покуривая солдатскую махру, комбриг слушал немудреные разговоры бойцов. Каждый занимался своим делом. Кто писал письмо домой, кто перебирал нехитрые солдатские пожитки в вещмешке, кто, прикрывшись шинелью, пытался уснуть. А неунывающий солдат Известный, как всегда, был в центре внимания, вел разудалые разговоры с однополчанами.

— Ты вот посоветуй, Иван Иванович, — просил Известного рыжеволосый здоровяк, весь в отметинах-веснушках.

— Ума хватит, посоветую. А какая беда с тобой стряслась?

— Да беда не беда, а вроде как умом моя баба тронулась. Как-то, еще до войны, спрашивает меня ехидно: «Что же ты, Петюнчик, такой умный, способный, даже на ветеринара учишься, а известность тебя стороной обходит? Талант, по всему, есть, а сколько времени ждать, когда известным станешь?» Я и ответить моей дуре тогда толком не смог, смолчал. Может быть, письмо написать? Подскажи, Иваныч.

— Да я даже не знаю, что сказать, — хитро заулыбался тот. — Мне легче, у меня фамилия сразу обо всем говорит.

— Да ведь надо же что-то бабе отписать, война идет, надеждой она должна проживать сейчас.

— Ты вот что скажи, — начал издалека Известный. — Приходилось ли тебе ходить за грибами?

— За какими грибами? — растерянно заморгал рыжими ресницами молодой боец.

— Разными: лисичками, белыми, свинушками, гаркушками, опятами.

— А, это было, — заулыбался кандидат в «известные».

— Ну и находил?

— Находил.

— А белых много?

— Когда как. Поменьше будет, чем других.

— То-то и оно. Я тоже не всегда боровики брал. А видел, как они растут… День ходишь — нет их. Второй — нет. И все по одному месту промышляешь. Наконец, когда совсем уж уморился, — вдруг видишь: стоит крепыш темноголовый. А как в рост поднялся! Трава его сначала сдерживала густая. Вот он под ней, родимый, и сил набирался, тепла ждал, а когда сподобился, то предстал перед народом во всей своей силе и красе. Дождался, когда созрел. Так и человек, как созреет, так и талант его заговорит, людям объявится его известность. Ты так своей жене и напиши.

— Да что же я ей про грибы, что ли, царапать буду?

— Так это уж как знаешь. Ты же не какое-нибудь лесное растение, а человек, соображать должен.

Полковник вспомнил этот недавний разговор десантников в солдатской землянке и посуровел. Тяжелые потери понесла бригада за последние дни. С воинскими почестями похоронили уральского хлебороба Ивана Ивановича Известного. Не успел написать домой жене и рыжий боец, собеседник уральца. Он сложил голову через день. Но полковник знал, что не зря стояли под Тимом десантники. Советские воины остановили здесь большую танковую группировку фрицев, которую Гитлер специально готовил для взятия Москвы. Своим подвигом десантники ослабили удар фашистов, помогли войскам, оборонявшим столицу. Стойкость, мужество бойцов Родимцева стали известны во всей сороковой армии. Получая газеты, где публиковались указы о присвоении воинским частям звания гвардейских, они с тайной надеждой искали себя.

— Как думаешь, комдив, — обратился однажды к Родимцеву комиссар, — будем принимать гвардейское знамя?

— Да кто его знает. Может быть, и рановато нам в гвардию подаваться — маловато фашистских гадов укокошили, шайтан их побери.

— Ой, лукавишь, комдив. С такими орлами, как наши, только в гвардии и ходить. Ты только вспомни — Питерских, Симкин, Ржечук, Кокушкин, Цыбулев, Болотов, Сурначев, Быков…

— Не перечисляй, не хуже тебя всех знаю. Эти-то истинные гвардейцы. Потерпи, комиссар, придет время — и мы с тобой в гвардейский строй встанем. А пока бить надо нечисть фашистскую, бить, чтобы перевелась эта лихоманка.

16

Вечером комдив, выполняя боевое распоряжение командующего армией генерала Подласа, выехал к своему соседу — комдиву 1-й гвардейской генералу Руссиянову. Иван Никитич встретил Родимцева как радушный хозяин. В просторной рубленой хате было тепло, уютно, на столе, где лежала карта боевых действий, примостился чугунок с картошкой и крынка парного молока.

— Здорово, здорово, сосед, — протянул левую руку Руссиянов. — Давно хотел познакомиться, да вот не сподобился раньше…

— Зацепило? — показал глазами на забинтованную правую руку Руссиянова комдив.

— Заживет.

Плотный, широколобый Руссиянов широкими шагами мерил просторную хату.

— Боевое распоряжение командарма знаешь?

— Наступать в направлении Крюково — Русаново.

— Разнести в пух и прах противника, ворваться в город Щигры, — улыбаясь, закончил Руссиянов. — Это я тоже помню. Ну, а как выполнять будем, ведь доложить об исполнении приказано в ближайшее время?

— У нас две дивизии, — и Родимцев как-то по-юношески выбросил перед собой два пальца правой руки.

— Две-то оно две, да вот немцев побольше. Притом одна дивизия у них танковая. Голыми руками не возьмешь.

Оба комдива задумчиво склонились над картой. Год тяжелой, кровавой войны многому научил их. И особенно ценить каждого солдата. Потрясенные зверствами фашистов, они рвались в бой, бесстрашно, не щадя жизней. Да и чего греха таить, другой раз гибли безрассудно. Большие потери понесли обе дивизии. А сколько еще впереди? Кто ответит? Может быть, они, генерал Руссиянов и полковник Родимцев — дети батраков, пришедшие в армию, как говорится, от сохи? Поймут ли их потом те, кто вырастет после войны без отцов? Да, огромные потери понесли дивизии, но война есть война. И пусть не думают, что у закаленных в тяжелых боях генералов очерствело сердце, что они не помнят оставленные братские могилы. Нет, у них, как и у всех, разрываются сердца, когда над свежезасыпанными могильными холмами гремят прощальные выстрелы однополчан. Может быть, генералы просто научились сдерживать свои чувства. Сдерживать до поры до времени. Вот и сейчас, разрабатывая операцию по

взятию Щигров, они непроизвольно думали о том, как обойтись малой кровью, сделать все, чтобы уберечь личный состав от тяжелых потерь. Впрочем, разве пуля выбирает, кто перед ней, генерал или рядовой? И кого завтра боевые друзья будут опускать на плащпалатке в братскую могилу: взводного или командира дивизии?

— Ну, так что делать будем? — торопил Руссиянов.

— Да был у меня один случай, Иван Никитич, — улыбнулся Родимцев.

— Ты меня случаями не корми, сыт я ими по горло.

— Да, может, такого не было. Приказали нашей дивизии высоту одну взять, шайтан ее побери. Несколько дней бились, сам начальник штаба в атаку водил. Почти целый полк полег. Обойти бы ее, а начальство настаивает.

— Было и у меня такое, — мрачно покосился на карту Руссиянов.

— И вдруг нежданно-негаданно, — спокойно продолжал Родимцев, — звонят мне из штаба армии и поздравляют со взятием высоты, ставят новую задачу.

— Как же ты высоту эту взял? — заинтересовался Руссиянов.

— В том-то и дело, что у немцев она была. Ретивый командир поторопился перед начальством выслужиться. А мне каково? Сообщаю, что ошибка произошла, высота не наша, а меня обвиняют в незнании обстановки.

— Вывернулся? — заинтересовался Иван Никитич.

— Кое-как выехал на место, вызвал к себе ретивого командира. Тот на вороном жеребце примчался, на затылке кубанка заломлена, вороной чуб.

И Родимцев стал рассказывать, как проучил не в меру ретивого командира.

— Бери бинокль, — говорю ему.

Тот взял, подвел к глазам.

— Что видишь?

— Высоту.

— Ну и как она поживает?

— Тихо…

— Говоришь, тихо. Наша, значит, высота. Так вот, давай в седло и галопом туда. А я посмотрю, как ты проскачешь.

Побледнел завравшийся кавалерист от такого приказа, но все же пошел к своему жеребцу. Поправил удила, достал пистолет из кобуры.

— Отставить, — остудил я его пыл. — Но запомни на всю жизнь: каждое лживое слово на войне, торопливость — человеческие жизни.

Рассказал свою историю комдив и предложил Руссиянову план взятия Щигров. Комдивы сошлись на том, что соединят вместе оставшиеся у них расчеты «катюш» и врежут по скоплению частей гитлеровской танковой дивизии.

— Снарядов ухлопаем, правда, немало, — задумчиво подытожил беседу Иван Никитич.

— И влететь может по первое число за «узкое» использование «катюш».

Они посмотрели друг на друга молча, словно подбадривая друг друга известной присказкой: «Семь бед — один ответ».

— Чего это ты сейчас свою историю приплел?

— Да так, вспомнилось почему-то, когда вы сказали, что «приказано доложить об исполнении в ближайшее время».

— Приказы на то и даются, чтобы об исполнении их докладывать.

— Ну так вот, выполним, Иван Никитич, тогда и доложим, ни часом раньше, ни часом позже.

— Ладно, я не твой кавалерист-выскочка, давай лучше думать, что делать станем.

Еще долго сидели, колдуя над картой, комдивы, прикидывая свои силы, взвешивая возможности врага. Они сошлись.

17

Утром, в точно назначенное время, загудели «катюши» — с подвыванием срывались с рельсов реактивные снаряды и, оставляя огненные хвосты, уходили за горизонт, поднимая у гитлеровцев грязно-серые грибы дыма, швыряя в небеса бревна, искореженную технику, растерзанные тела.

Расчет комдивов был точен. Обнаглевшие фрицы, сбрасывавшие накануне с самолетов тысячи листовок с угрозой уничтожить дивизии Руссиянова и Родимцева, были застигнуты врасплох. Бросившиеся в атаку наши войска освободили села Удерево, Крюково, стремительно рванулись к Щиграм. Именно в эти первые зимние месяцы сурового сорок второго года и родилась 13-я гвардейская дивизия. В перерыве между тяжелыми боями десантники провели в поле митинг. Целуя алое знамя, комдив за всех однополчан дал клятву до последнего дыхания бить заклятого врага.

И кто бы мог подумать в эти минуты, что через несколько месяцев гвардейцам Родимцева придется пережить один из самых тяжелых для себя дней, более того, встанет вопрос: быть дивизии или нет. Даже неслыханно тяжкие первые месяцы войны покажутся им легкими по сравнению с тем, что придется претерпеть. Пережить страшное отступление, когда ударная группировка противника ворвется в тыл советским войскам.

Произошло это летом сорок второго, когда захлебнулось наступление советских войск на Харьковском направлении. Итог оказался удручающим. Целые армии попали в окружение. И причина этой неудачи крылась в недооценке серьезной опасности, которую таило в себе Юго-Западное направление, где не было почти никаких крупных резервов.

Лето в этот тяжелый сорок второй год выдалось суховейное, без дождей. Когда доводилось рыть окопы, многие солдаты, истосковавшиеся по пахотной работе, тяжело вздыхали, то и дело поглядывая на безоблачное ласковое небо: «Суховата земля, недороду бы не быть». Они неодобрительно смотрели на погоревшую траву, поглядывали на высокое голубое небо, щурились от припекающих солнечных лучей.

Дивизия после тяжелых боев прибыла эшелоном на станцию Великий Бурлук. Ей предстояло переправиться через Северский Донец и сменить в районе Старого Салтаво стрелковую дивизию. Не успели гвардейцы занять боевые позиции, как над их головами в первое же утро закружил фашистский самолет.

— Воздух, — разнеслась по траншеям предупреждающая

команда.

Бойцы плотнее прижались к земле. Но вместо ожидаемых бомб гитлеровский стервятник выпустил белое облако.

— Листовки, — зашумели вокруг.

Осведомленности противника можно было только удивляться. Дивизия Родимцева едва заняла боевые позиции, а гитлеровское командование уже знало, с кем ему придется воевать. В разбросанных листовках фашисты хвастливо сообщали, что на этом месте они уже разгромили несколько дивизий и теперь такая же участь ожидает и гвардейцев.

Свои угрозы немцы подкрепили «делом». Через несколько часов они начали наступление в полосе обороны дивизии. Превосходство у врага было многократное. Недалеко от наблюдательного пункта комдива, на опушке леса, закрепилась группа бойцов под командованием молодого солдата Николая Деревянкина. Спокойный, рассудительный не по возрасту, он четко определил задачу каждому бойцу, проверил оружие. Особенно тщательно приготовил огневую позицию для своего пулемета, подтащил поближе дополнительные ленты, выверил сектор обстрела и, закончив «инспекторскую проверку» своему гарнизону, по-хозяйски обтер руки о чистую тряпочку, достал кисет, свернул «козью ножку». Удовлетворенный проделанной работой, закурил. Но не успел он выпустить и первое кольцо дыма, как услышал полушепот своего второго номера Сашки-цыгана.

— Смотри, Коля, фрицев тьма-тьмущая, — он ткнул пальцем чуть правее.

— Мать честная, — только выдохнул Деревянкин, взглянув на наступающего врага.

Прибежал боец с левого фланга. Доложил, что гитлеровцы пошли в атаку батальоном. Поступили сведения от других наблюдателей. Деревянкин со своими помощниками прикинул, что против их группы немцы бросили целый полк. Через посыльных отдал команду огня не открывать, подпустить фашистов на сто метров. Затаились в томительном ожидании гвардейцы. А немцы идут в рост, уверенные в себе, горланят пьяные песни. Видать, солидная доза шнапса придала им смелости. Патронов не жалели. Прямо на ходу, словно бравируя своей безнаказанностью, поливали из автоматов свинцовым дождем лесную опушку. Гвардейцы молчали. Сигнал подал сам Деревянкин. Когда до ближайших цепей осталось метров сто, он, сдвинув на затылок полинявшую пилотку, поплевал, словно перед колкой дров, на руки, взялся за ручки пулемета и двумя пальцами плавно нажал на гашетку. «Нате, получайте, ядрена-вошь». Вслед

за ним «заговорил» весь небольшой гарнизон. Николай стрелял не торопясь, расчетливо, он видел, что пули летят в цель. «Ну ты даешь, — громко кричал ему Сашка-цыган, — словно траву косишь». Но тот не слышал. Он только видел перед собой падающие фигуры гитлеровцев и бегущие чуть ли не по трупам все новые и новые цепи.

Комдив со своего наблюдательного пункта наблюдал этот бой, и хоть и понимал, что силы неравны, но помочь ничем не мог. По всей линии обороны гитлеровцы бросили в несколько раз превосходящие силы. «Надо продержаться, надо продержаться», — говорил комдив то ли себе, то ли своим гвардейцам, словно они могли услышать его заклинания. Раздался зуммер полевого телефона.

— Вас «Резеда» вызывает, — протянул трубку пожилой телефонист.

— Товарищ комдив, немцы на участке шестой роты бросили в наступление танки.

— Много?

— Около двадцати. Жаль, нет артиллерии.

Родимцев понял, что командир полка Иван Самчук «дипломатничает». Ведь он знает, что артиллерии сейчас нет не только у него в полку, но и у комдива.

— Танки уничтожить, — коротко бросил в трубку Родимцев. — Разве твои бронебойщики разучились стрелять из противотанковых ружей?

— Есть, — твердо ответил молодой командир полка.

Генерал положил трубку, тяжело вздохнул: «Нелегко тебе будет, Иван». И он представил молодого крепыша из Кировограда. Небольшого роста, плотный, подвижный. Под кустистыми бровями прищур пристальных, умных, с украинской лукавинкой глаз. Самчук умел терпеливо, не перебивая, слушать собеседника. И только если ему покажется, что тот начинает «привирать», в карих глазах вспыхивали хитроватые, с ехидцей огоньки — дескать, давай, мели языком, меня-то ты все равно не проведешь. Уже многие после преобразования воздушно-десантной бригады в стрелковую дивизию носили знаки отличия, соответствующие этому роду войск. А Самчук по-прежнему щеголял в летной форме с голубыми петличками — как-никак сто пятьдесят прыжков с парашютом. Человек волевой, с характером, командир полка из разговора с Родимцевым понял, что дела на всех участках обороны дивизии идут тяжелейшие, а ждать подмоги неоткуда. Он хорошо научился различать по интонации голоса настроение комдива. Вот и сейчас тот говорил спокойно, без надрыва, словно объяснял, как у них, в Шарлыке, кашу сливную

варят. Самчук знал, что чем труднее становилось положение, тем тверже и спокойнее бывал комдив, расчетливее его действия, лаконичнее команды. Эта спокойная, по-хозяйски разумная расстановка сил, уверенность в себе немедленно передавались от комдива к солдатам и офицерам. Они любили, верили и доверяли ему как старшему брату, как отцу, хотя многим в дивизии по возрасту он сам годился в сыновья. Разве можно такого подвести? Самчук по телефону вызвал командира 6-й роты Петра Мощенко.

— Как у тебя там, земляк?

— Лезут, гады.

— Бронебойщики не дрейфят?

— Дрейфить не дрейфить, но мало их.

— Добро, сейчас подброшу огня.

Командир полка действовал четко, быстро, каждая секунда была на счету: танки ждать не станут. Он связался с лейтенантом Мошковым, командовавшим взводом противотанковых ружей, и приказал все силы бросить на поддержку 6-й роты.

Лейтенант хотел что-то сказать, но Самчук остановил его:

— Все, дорогой, сейчас судьба полка решается на участке шестой роты, действуй!

Имея большое число танков, немцы тем не менее не лезли в лоб, прибегали к различным маневрам, пытались перехитрить гвардейцев. Когда из-за леса показались шесть танков, за броней которых маячили фигурки в грязно-серых френчах, гвардейцы приготовились подпустить их поближе и бить наверняка. А немцы вдруг остановились и начали вести огонь. Бронебойщики понимали, что стрелять из противотанковых ружей на таком расстоянии было бессмысленно, а подойти ближе мешали вражеские автоматчики, укрывшиеся за броней танков. Комроты Петр Мощенко быстро оценил создавшуюся обстановку. С находившимся здесь же командиром бронебойщиков они решили перехитрить фрицев. «Я беру на себя гитлеровских автоматчиков, сейчас мы им заткнем пасть, — втолковывал он бронебойщику, — а ты в это время, пока они землю будут нюхать, мигом к танкам со своими орлами». Так и порешили. Лейтенант ушел, а Мощенко по телефону, через связных, отдал приказ открыть огонь по немецкой пехоте, спрятавшейся за броней, из всех видов оружия. Через несколько минут стрелки 6-й роты открыли уничтожающий огонь. Немцы вынуждены были нырнуть за гребень высоты. Мощенко видел, как бронебойщики, воспользовавшись замешательством немцев, короткими перебежками бросились к танкам.

Вместе со своими подчиненными пошел вперед и командир взвода лейтенант Мошков. Пробежав метров триста со своим

вторым номером, красноармейцем Вилковым, они укрылись в большой воронке из-под снаряда. Левее, метрах в ста и немного впереди командир взвода успел заметить еще один свой расчет.

— Кто это? — спросил он Вилкова.

— Рыбкин. Мужик дельный, говорят, охотник-таежник.

— Оно и видно, что охотник, подполз так близко, будто собрался ружьем броню сбивать.

Не успел лейтенант договорить, как прозвучал короткий выстрел-хлопок. Рыбкин поджег ближайший танк. Второй, который находился рядом, стал разворачиваться к роще. «Да бей же его», — закричал Мошков. А Рыбкин, словно выжидая зверя на таежной тропе, прикидывал, как его взять наверняка. И выстрел противотанкового ружья, и огненный всполох на бронированной машине, и радостный крик гвардейцев слились воедино. Но ликовать было преждевременно. Опомнившись, немцы пошли в атаку. С фланга, вынырнув из-за холма, прямо на командира взвода двинулось три танка. «Ну держись, Вилков», — только и успел хрипло проговорить лейтенант. Тот стрелял быстро, расчетливо, хладнокровно. Пожалуй, ни немцы, ни лейтенант Мошков и его помощник Вилков не могли понять, как это произошло. За короткое время на поле полыхало три факела, три подбитых машины горели как скирды высохшего сена. Командир полка был доволен исходом боя. За день на его участке гвардейцы подбили двенадцать танков.

— Дали мы по мордасам фашистам, — радостно сообщил Самчук в штаб дивизии.

— Ты не очень петушись, — охладил его пыл Родимцев. — Готовься лучше, подумай, взвесь все. Сейчас нам бы инициативу перехватить. Не ждать, когда они снова пойдут в атаку, а самим. К вечеру доложишь свои соображения.

— Будет сделано, — весело отозвался Самчук.

Он был доволен исходом сегодняшнего дня и еще жил впечатлениями и переживаниями последнего боя. Ординарец принес котелок с борщом. Самчук взял ложку, покрутил котелок, потом поднял голову и пристально, выжидающе посмотрел на ординарца.

— Чого вы, товарищ командир, чи ни бачили меня?

— Бачил, только какой-то ты недогадливый, Иван, стал.

— А що?

— Що, що, с победы-то такой да перед борщом причитается для аппетита?..

— Нема, — отвел в сторону глаза ординарец. — Горилка вышла. А спирт, где его взять? Медицина еще не подошла.

— Ты мне медицину не хай, скажи — скупердяем стал.

Ординарец, молодой краснощекий парень, под два метра роста, кряхтя и охая, полез куда-то под лавку, вытащил помятую флягу, налил в алюминиевую кружку спирта и, сделав обиженное лицо, сел в сторонке.

— Ну чего надулся, — с аппетитом черпая ложкой горячий борщ, улыбнулся Самчук.

— Да ни сколечки, — и сам заулыбался. — Я так, вас подзадорить решил.

— Нашелся задорщик, — хмыкнул Самчук. — Да я тебя как облупленного знаю. Чем дышишь, что под лавкой прячешь. И с этой флягой меня не проведешь, ведь у тебя в машине, под брезентом, целая канистра про запас спрятана.

— А откуда вы бачили?

— Ну ладно, ладно, хватит о пустяках, пошутили, и ладно. Что там у нас?

— Пополнение прибыло.

Неожиданно со стороны немцев что-то громко хрюкнуло, кашлянуло, прохрипело.

— Опять свою шарманку налаживают, — улыбнулся ординарец. — Уговаривать сейчас будут, потом музыку сыграют.

Немцы наконец отладили свою аппаратуру и, вопреки предсказаниям Ивана, сразу включили музыку. С фашистской стороны полилась мелодия любимой всеми песни. «Выходила на берег Катюша», — выводила грудным голосом певица. «Выходила на берег крутой», — поддержал ее Самчук. На полуслове трансляция музыки оборвалась. И из репродуктора, коверкая русский язык, послышался хриплый голос:

— Русский зольдат, твой песня спета. Переходи немецкая армия. Твой командир, Иван Самчук, уже сидит у нас. Ест белый хлеб, курит кароший сигарет, рассказывает анекдот.

— Ах, подлецы, — бледный от ярости, поднялся командир полка. — Я тебе, гаду, покажу анекдот, такой анекдот, что все хохотать будут, а ты — рыдать в сопливый платок.

18

Родимцев, изучив сообщения командиров частей, принял решение на следующий день атаковать гитлеровцев силами одного из полков. В случае успеха дивизия заняла бы более выгодное тактическое положение, укрепила бы оборону.

В целях сохранения тайны приказ комдива до рядового состава решили довести за час до наступления, то есть завтра с утра. Самчук отдал необходимые распоряжения командирам батальонов, начальнику штаба, вызвал к себе командира разведвзвода младшего лейтенанта Подкопая. По выработанной тактике разведчикам было приказано в период артподготовки ворваться в первые траншеи гитлеровцев и, как объяснил Самчук, «хорошенько пошуметь, пощипать связь, добыть «языка». Подкопаю, прирожденному разведчику, два раза повторять такие вещи надобности не было. Он четко козырнул командиру и отправился готовить свою разведгруппу.

Все шло по плану. С утра приказ был доведен до личного состава. А уже через час артиллерия, неизвестно откуда добытая комдивом, начала артподготовку, нанося мощный удар на участке перед линией обороны противника.

Подкопай и его разведчики словно только и ждали «такого подходящего случая». Не обращая внимания на шквал огня, на столбы земли, бревен, выбрасываемых взрывной волной, они бросились к окопам врага. В разведвзводе все считали, что артподготовка, загонявшая в земляные норы фрицев, для разведчиков добрая помощница, «свой» снаряд только для фашистов приготовлен. Вооруженные автоматами, противотанковыми гранатами и ножами, разведчики ворвались в первую траншею, двинулись по ходам сообщения. На одной из площадок, укрытых лесистым холмом, разведчики неожиданно стали свидетелями страшной сцены.

Пятеро гитлеровцев железными прутьями избивали трех красноармейцев. Двое на глазах разведчиков без сознания рухнули на землю, и фрицы топтали их ногами. Третьему немцы что-то кричали в лицо, зло жестикулируя, показывали в нашу сторону. Потом рыжий ефрейтор схватил саперную лопату, отчеркнул ею на земле прямоугольник, сунул лопатку в руки пленного. «Могилу заставляют рыть самому себе, сволочи», — процедил сквозь зубы Подкопай.

Быстро созрело решение. Брать «языка» здесь, вот того горбоносого фельдфебеля. Пленных отбить. Разведчики понимали командира с полуслова. Они стремительно бросились из-за

укрытия. Троих Подкопай скосил автоматной очередью, четвертого уничтожил рядовой Пяткин. Уральцу Сорокину, парню недюжей силы, предстояло самое трудное — взять рыжего горбоносого детину в форме фельдфебеля. Не успел фашист выхватить пистолет, как получил удар по голове противотанковой гранатой. Да такой удар, что немец долго не мог прийти в себя. «Перестарался ты, Костя, — ворчал Подкопай, — вот теперь и тащи его на себе». Медлить было нельзя. Впереди пошел Подкопай, следом три освобожденных военнопленных, за ними Пяткин со своим другом Фокеевым, затем Сорокин, волочивший бесчувственного немца, и замыкал, как всегда, группу юркий, смышленый рязанец Алексей Туркин.

После боя, завершившегося успехом, стали разбираться с освобожденными военнопленными. Оказалось, что это солдаты из прибывшего несколько дней назад пополнения. Молодые ребята, ни разу не нюхавшие пороху. Рассказы в разношерстной маршевой роте, немецкие листовки и радиопередачи на переднем крае толкнули их на измену. Как признались они сами, последней каплей в их душевной сумятице была гитлеровская брехня о мнимой сдаче в плен командира полка и о якобы хорошем с ним обращении в плену.

Самчук, присутствовавший при этом разговоре, только поднял усталые глаза: «А вы поверили брехне, глупцы», И обратился к своему комиссару:

— Говорил же я, что эту брехню надо немедленно пресекать. В следующий раз фашистский радиоматюгальник приказываю уничтожить немедленно, как огневую точку.

19

Десять дней оборонялась дивизия в районе Комиссарово — Рубленное — Озерное. Натиск врага неожиданно ослаб. Атаки прекратились. После длительного, изнурительного напряжения можно было немного передохнуть, почистить оружие, привести в нормальный вид обмундирование. Солдаты радовались короткой передышке, а командиры ходили мрачные, задумчивые. «Не иначе фриц что-то задумал». В конце июля разведчики принесли неожиданные сведения. Противник отводил в тыл основные силы, оставляя перед фронтом обороны дивизии небольшое прикрытие. Тревожно было на душе у комдива. По опыту он знал, что неспроста враг, имея и численное превосходство, и неплохую позицию, вдруг отходит. «Задумал какую-то каверзу фашист», — изучая карту, размышлял Родимцев. Он знал ее наизусть, помнил каждый населенный пункт, каждую высоту, каждую ложбинку, каждый лесок. Карта снилась ему по ночам. И сейчас, глядя на потертый, испещренный цветным карандашом лист, генерал хотел понять замысел врага, разгадать его будущий шаг. А может быть, дело не только в его дивизии, и даже не в армии, в подчинении которой они находились? Быть может, здесь масштабы покрупнее? Но что он мог понять по своей карте? Как ни разглядывал ее Родимцев, дальше позиции своей дивизии ничего определить не мог.

Он, боевой офицер, имевший опыт боев в Испании, труднейших первых месяцев войны, вынужден был полагаться только на свою интуицию. По его расчету выходило, что фрицы замышляют какую-то далеко идущую игру. Иначе зачем им отводить войска. Ведь они знали, что у дивизии Родимцева фланги оголены, ни справа, ни слева у гвардейцев соседей нет.

Неожиданно на пороге штаба появился командующий тридцать восьмой армией генерал-лейтенант Рябышев, в подчинение которого была передана дивизия Родимцева. Комдив поднялся из-за стола:

— Здравия желаю, товарищ…

— Ладно, ладно, садись, — остановил его командарм. — Расскажи лучше, что ты в этой карте вычитал.

— Непонятно ведут себя фрицы.

— Это нам с тобой непонятно. А они все рассчитали. По всему видно — в котел нас заманивают. А размеры этого котла я и сам не знаю, но чувствую, что не картошку они в нем варить собираются.

Командарм рассказал, что получен приказ об отходе их

армии и соседней.

— Что же это, обеим армиям отступать?

— Война, дорогой комдив, идет такая, что одна, две армии в такой бойне — песчинка.

— Смотря какая песчинка, иная глаза выест.

— Не рыпайся, сейчас не до философии, готовь дивизию к отходу. Завтра получишь распоряжение штаба.

Распоряжение пришло раньше, чем обещал командующий. Уже к исходу дня Родимцев собрал штабных офицеров, ознакомил с приказом, распорядился разработать план отхода. Дело было не из легких. Пойдут тысячи людей, машины, артиллерия, танки, конный обоз. Все это немедленно засекут фашисты, и уж бомб они, конечно, не пожалеют, а чем отвечать стервятникам? Счетверенные станковые пулеметы — вот и весь набор зенитных средств. Да и танки встречать, по существу, нечем. Противотанковые ружья можно по пальцам пересчитать. Горючего и боеприпасов в обрез.

После короткого совещания был принят план отвода дивизии с занимаемого рубежа. С большим трудом в каждом полку создали по усиленному батальону, доукомплектовали их наиболее подготовленными бойцами, снабдили боеприпасами, придали по три танка КВ, по нескольку орудий. Чтобы обеспечить бойцов боеприпасами, у тяжелораненых отобрали патроны, а легкораненым оставили по пяти — десяти.

Рано утром дивизия снялась с занимаемых рубежей. Созданный боевой порядок дивизии не подходил ни под какие уставы и наставления. Впереди шла небольшая разведгруппа, которую возглавлял начальник дивизионной разведки Бакай. За ней — полковые тылы и повозки с ранеными. Далее шли сильно поредевшие остатки боевых частей. Штаб со знаменем дивизии двигался с 42-м гвардейским стрелковым полком. В арьергарде, прикрывая колонну, находился полк Самчука. Два усиленных батальона следовали параллельно колонне слева и справа.

На позициях осталось лишь небольшое прикрытие, которое должно было обеспечить отход основных сил. Комдив ехал в своей потрепанной, видавшей виды «эмке» и в который раз пытался более четко осмыслить боевое распоряжение штаба армии. Для обычного отвода войск слова этого распоряжения звучали более чем странно: «Ударом по тылам противника разгромить его наступающие части». Как ни пытался успокоить себя Родимцев, но тревога за судьбы людей не покидала его: уж он-то, кадровый военный, понимал, что означал и этот отход, и этот «удар по тылам противника». Пока они обороняли свои позиции, немец зашел в тыл, взял в клещи. За спиной их армии, а

не исключено, что и других, оказались вражеские танки. Гитлеровцы спешили захлопнуть образовавшийся котел. Первый день отхода прошел более-менее спокойно, если не считать облета колонны воздушным разведчиком да короткой бомбардировки арьергарда. Только поздней ночью походная застава передового батальона достигла большого села Ульяновка. Едва задремавший комдив был разбужен адъютантом, который бережно и с сожалением тряс его за плечо.

— Товарищ полковник, хлопцы тут объявились.

— Накорми ребят, — ответил машинально спросонья комдив.

— Дело у них, — продолжал настаивать адъютант.

Полковник стряхнул сон, поправил съехавшую набекрень фуражку, вышел из машины. Метрах в двух увидел едва различимые силуэты людей. Кто-то огромный, в наброшенной плащ-палатке, украдкой потягивал цигарку. Малиновый огонек коротко вспыхивал при затяжке курильщика, подсвечивая крупные, широкие скулы, и так же кротко угасал. Он походил на крохотный маяк, подававший в безбрежном ночном океане короткие сигналы. «Отставить курить», — услышал Родимцев хриплый полушепот, когда подошел с адъютантом к стоящей невдалеке группе. Приблизившись, он узнал командира разведвзвода дивизии Подкопая. Тот, словно курица-несушка, бережно прикрывал плащ-палаткой щупленьких мальчуганов, продрогших на ночной измороси. Узнав комдива, он вскинул руку к пилотке.

— Товарищ полковник…

— Ребят в машину — пусть согреются, — мягко остановил его полковник. — А ты, Подкопай, попросту расскажи, что случилось?

Из рассказа Подкопая комдив узнал, что в Ульяновке, перед которой остановилась походная колонна дивизии, находятся фашисты. Сведения, которые дали два мальчугана, разведчики уже перепроверили. Ребята оказались наблюдательными: немцы приехали в Ульяновку на двенадцати грузовиках, солдаты сидят в машинах, офицеры в школе. По прикидке разведчиков получалось, что в селе ночует около трехсот фрицев.

— Машины новенькие, товарищ полковник, — закончил доклад Подкопай, — хорошо бы нам их того…

— Чего того?

— Приспособить для нашего передвижения.

— Вы свободны, — уже приняв решение, коротко бросил Родимцев. — Комбата Харитонова ко мне.

— Есть, — весело отозвался Подкопай.

По тону комдива он понял, что этим фашистам уже не уйти из деревушки.

Провести операцию по уничтожению обнаруженного немецкого отряда Родимцев поручил батальону Харитонова. В помощь ему придавался разведвзвод.

— Шуму поменьше, — напутствовал гвардейцев комдив, — дела побольше. Машины зря не жгите, они и нам сгодятся.

Харитонов, комбат опытный и смекалистый, разбил своих людей на небольшие штурмовые группы, в каждую из которых входили и разведчики Подкопая. По условленному сигналу Харитонова, без шума, гвардейцы окружили машины, школу. И точно в назначенное время началась короткая стремительная атака. Главный объект — школа, где ночевали фашистские офицеры. Окружив здание, бойцы почти одновременно бросили гранаты в окно и, не ожидая, пока гитлеровцы очухаются, открыли огонь по входным дверям, по проемам окон. Неожиданно где-то сбоку вспыхнул огромный чадящий костер. Огнем была подожжена цистерна с бензином. «Неаккуратно работают, — с досадой чертыхнулся комбат Харитонов. — Машины и бензин нам нужны до зарезу». И, словно в ответ на недовольство командира, гвардейцы на сельской улочке завели мотор тяжелого грузовика с бензином. Потом на этот шум откликнулся двигатель второй машины.

— Взяли, товарищ комбат, — радостно закричал адъютант. — Наша берет.

— Не ори, немцев расстроишь.

А бой возле школы разгорался не на шутку. Видно, у фрицев было организовано надежное охранение. Да и наступающие не все предусмотрели. Через задний ход в школьный двор вырвалась группа гитлеровцев и, отстреливаясь, бросилась к ближайшим машинам. Даже в этом паническом бегстве враг сумел оставить небольшое прикрытие.

— Уходят, гады, — стиснув зубы, шептал комбат.

Небольшой группе гитлеровцев удалось завести несколько машин и вырваться из села. Гвардейцам достались три исправных грузовика с горючим.

— Могли бы и побольше прихватить при нашем бедственном положении, — подытожил Родимцев, когда ему доложили о результатах боя.

— На безрыбье и рак рыба, — пошутил комбат Харитонов. Он был доволен, что в скоротечном ночном бою гвардейцы не имели потерь, а фрицы не досчитались несколько десятков.

Трофейным бензином дозаправили машины артиллерийского полка и противотанкового артиллерийского дивизиона.

Это была последняя атака воинов дивизии в Харьковской операции. Мощное давление гитлеровских войск, стремительно

окруживших значительные части советских армий, поставило батальоны, полки, дивизии в критическое положение. Потерял направление и всю ночь проплутал 34-й гвардейский полк. Связь с ним на некоторое время была потеряна.

20

Утром 1 июля на разрозненные группы выходящих из окружения солдат и офицеров неожиданно обрушилась танковая колонна гитлеровцев. Неподготовленные к бою, уставшие бойцы не смогли отразить бешеного натиска. Беспомощно стояли с опущенными стволами орудий и с пустыми баками наши танки. В бой вступили лишь бойцы-истребители. Они прикрыли отход разрозненных групп полка Самчука. В тяжелейших условиях выходил из окружения полк, прикрывавший тылы дивизий. В одном из боев был ранен командир полка Иван Самчук.

В населенном пункте Средний собрались остатки дивизии. Здесь штаб догнал начальник тыла Юрий Андриец. К радости командования, с ним оказалось более тридцати исправных автомобилей, около сорока бойцов, а также дивизионный ансамбль. В машинах были продукты, скромный запас снарядов и патронов.

1, 2, 3 июля дивизия продолжала отступать. И отходила не одна. Рядом двигались соединения двадцать восьмой и тридцать восьмой армий Юго-Западного фронта, встречались отдельные подразделения других фронтов. Это были мрачные дни. Отступление порой носило беспорядочный характер. В одних колоннах шли подразделения различных полков, дивизий. Многие потеряли связь со своими штабами. Не все выдерживали напряжение трагических дней. На переправах возникали словесные перебранки, иной раз переходившие в потасовки. Командиры, политработники и просто более сильные духом солдаты пытались успокоить слабых, одернуть паникеров. Каждый, кто попал в поток общего отступления, искал свою дивизию, свой полк.

— Куда путь держите, защитники? — ехидно подтрунивал возле одной из переправ чернявый здоровяк в вылинявшей, разорванной гимнастерке.

— Тебя ищем, соскучились, — огрызались те.

— Сосунки, танки побросали — пешим легче драпать, что ли?

— Прикуси язык, а то по салазкам съезжу, — нервно закричал один из танкистов.

— А ты меня на горло не бери. Я ведь не посмотрю, что вас трое против одного.

— Отставить разговоры, — резко оборвал их подошедший офицер. — Из какой части?

Быстро проверив документы у присмиревших забияк, указал возможное направление, по которому должны отходить их части.

Разрозненными подразделениями отходила и дивизия Родимцева. Немцы часто вклинивались танковыми колоннами в ее боевые порядки, отрезали полки, батальоны, навязывали изматывающие кровопролитные бои. Штабу дивизии с большими трудностями удавалось поддерживать связь с подразделениями, иногда она совсем терялась.

В этот отчаянный период дивизию выручал кавалерийский эскадрон, в котором насчитывалось до ста активных сабель. Штаб дивизии рассылал конников по различным направлениям, чтобы найти затерявшиеся подразделения, установить связь с командирами полков, батальонов. Штаб дивизии отходил самостоятельной колонной. Здесь были начальники служб, родов войск, политотдел, разведрота, взвод охраны. Боевую силу колонны составляли четыре счетверенных станковых пулемета и крупнокалиберный зенитный пулемет, смонтированные на автомашинах. Мрачный, чернее тучи, сидел в штабной машине Родимцев. Не было твердой связи с полками. Он не имел точных данных о численном составе своих войск, о их месторасположении. «Выйдут или не выйдут?» — в который раз переспрашивал себя комдив. И, успокаивая, подбадривал себя: «Десантники ведь они, должны точно пройти по тылам, выйти к месту сбора. Ведь если они не выйдут, то — позор». Он, Герой Советского Союза, прошедший Испанию, отличившийся под Киевом, получивший звание гвардейца в самые тяжелые дни войны, растерял дивизию. Это уже не как отступление расценят, а как бегство. Но виноват ли он в этом? Комдив сделал все, что от него требовали. Его гвардейцы были чисты сердцем, долг свой они выполнили до конца. Видно, где-то в высших планах что-то не сработало, если такие значительные воинские формирования попали в окружение под Харьковом и теперь вынуждены с огромными потерями отходить за Дон.

За окном мелькали выжженные поля, перепаханная гусеницами седая земля. Показалась маленькая деревушка с покосившимися домами. «Неплохо бы хоть часок передохнуть», — подумал комдив. Но он даже не успел еще отмахнуться от не ко времени пришедшей мысли, как его размышления прервал тревожный голос начальника штаба Борисова.

— Немцы, товарищ командир.

С противоположной стороны в село входила колонна крытых немецких машин. Есть ли в них пехота, определить было невозможно.

— Развернуть машины с пулеметными установками, ударить вдоль улиц, — отдал команду комдив, — разведроте прикрыть отход штаба. Все!

Гвардейцам снова пришлось вступать в бой. А потом отходить. Мелкими группами. В первой — автомашины. Во второй — пешие и повозочные. В третьей — конные. Надо было любыми средствами сохранить людей, знамя дивизии, боеприпасы, продукты. Впереди еще предстояли трудные годы войны. Сколько их будет? Разве мог на этот вопрос сейчас ответить кто-либо из гвардейцев. Даже комдив, на долю которого выпало возглавить группу конников и пробиваться с нею на Дон.

21

Оторвавшись от наседавшего противника, конная группа Родимцева упорно шла к ближайшей излучине Дона, не встречая на пути ни гитлеровцев, ни наших войск. И вдруг при подходе к деревне Венделевки гвардейцы почти лоб в лоб столкнулись с гитлеровскими танками. Их было три. Три запыленные бронированные громадины. По выхлопам все поняли, что танки на ходу. И немцы не растерялись. Они молниеносно двинулись на конную колонну. «Вот подлецы, как уверены в себе, даже не стреляют», — сплюнул комдив. А всадники, получив команду, рассыпались на мелкие группы и стали уходить от танков по рвам и оврагам. Наконец поняв, что «легкая» добыча уходит из-под носа, фашисты открыли огонь из бортовых пулеметов. Комдив видел, как, словно споткнувшись о невидимый барьер, упали несколько коней вместе со всадниками. До ближайшего оврага оставалось рукой подать. Вечерело. Метрах в тридцати справа, неуклюже подпрыгивая в седле, скакал комиссар дивизии Зубков, который сменил Чернышева, отозванного в Москву. «Отступаем, бежим, — горько скрипел зубами комдив. — Гонят нас, как табун сайгаков». Но он понимал, что нельзя распускать нервы. Главное — собрать дивизию, наладить управление. «Ничего, я вам еще, гадам, покажу, шайтан побери». И вдруг он увидел, как завалился на скаку конь под комиссаром. «Молодец, успел соскочить», — подумал комдив и резко повернул к боевому другу.

— Жив, комиссар?

— Даже не ранен.

— Вставай на стремя, берись за луку, и побыстрей.

Так они и дотянули последние двести метров до оврага. И то ли наступившая неожиданно тишина отпугнула немцев, то ли они поняли, что ловить одиночных конников по оврагам бесполезная затея, но они наконец отказались от преследования и повернули назад. Собравшись в овраге, конники отдали последние воинские почести боевым товарищам. Как положено, встали, дали залп погибшим, а расходиться было стыдно.

— Товарищ комдив, — каким-то простуженным в этот летний день голосом прохрипел командир разведчиков Подкопай, — что же мы их так, ни имени, ни фамилии? Хоть бы дощечку поставить.

— А ты не стони, найди в этой лысой степи дощечку, я подожду, сам надпишу, хоть химическим карандашом, а надпишу.

— Да где я…

— Ищи, десять минут тебе.

Группа слышала этот разговор, и все как стояли вокруг могил, так и остались стоять. Они знали друг друга давно. И Подкопая, этого лихого разведчика с лихим чубом, с веселыми, хитрыми и добрыми глазами, бесстрашного, не знающего слово «страх», и мудрого, которого вокруг пальца не проведешь, быстрого на дело и на выдумку. На выдумку он был мастак. Это ребята еще под Киевом, в Голосеевском лесу поняли, когда Подкопай «языка» брал. Но где сейчас в этой задонской степи найти ему хоть какое-то деревцо. Под ноги Подкопаю попалась поломанная оглобля. Он ее поднял, посмотрел и отбросил в сторону. Постоял минуту, подумал, подумал, поднял оглоблю и бегом побежал назад.

— Вот, товарищ полковник, больше нет.

— Коли давай. Отруби и зачисть.

Когда все было сделано, комдив достал карандаш и на вырезанном квадрате написал фамилии погибших, посмотрел вокруг, протянул руку с карандашом к гвардейцам, словно предлагал подписаться под его словами. Подошел комиссар, взял карандаш и твердо вывел: «Не зря мы воюем, воюем, чтобы победить». И снова гвардейцы выстроились возле могилы своих однополчан.

Постояли склонив головы, помолчали. Им, живым, еще предстояло сделать многое. Отомстить за своих ребят. Освободить тысячи деревень. Выстоять и победить. И они верили, что сделают все, что все выдержат. И еще верили в своего комдива. А тот, худой, с косым прищуром глаз, был спокоен, словно и нервов у него не было, словно он — железо, а не человек. Уже второй год многие воевали с ним бок о бок и удивлялись: вроде душевный, добрее человека не найдешь. И вместе с тем кремень, слезой не возьмешь, до слез не растрогаешь. «Ну и человек, — удивлялись многие, — из какого только сплава он сделан?»

— Комиссар, — прервал затянувшуюся паузу Родимцев, — командуй. Как договорились — завтра мы должны быть на Дону.

Коновод подвел лошадь. Родимцев привычно поднялся в седло, мягко тронул поводья…

22

К утру вся колонна собралась в условленном месте: и пешие, и повозочные, и автомобилисты. Разведчики доложили, что впереди Дон. Когда гвардейцы вышли к берегу, то поняли, что переправиться на другую сторону будет нелегко. Все переправы гитлеровцы уничтожили. Большое количество скопившихся войск, раздробленных, порой никем не управляемых, создавало и без того напряженную, а порой и паническую обстановку. Многие переправлялись в одиночку на подручных средствах: кто на автомобильных камерах, кто на плотиках, сбитых из нескольких бревен, кто на бочках из-под бензина, а кто и просто вплавь. Солдаты спускали в воду бревно, привязывали к нему обмундирование, оружие и плыли вместе с ним по течению. Только к концу второго дня саперы дивизии Родимцева смастерили хотя и небольшой, всего на одну машину, но собственный паром. С первым рейсом отправили раненых, их было человек шестьдесят. Затем пошла машина с боеприпасами. Когда в восьмой раз паром отчалил от берега, на крутом берегу показался немецкий танк. Первым же снарядом он в щепки разнес плот. Находившаяся на нем машина с продуктами пошла на дно. Второй выстрел гитлеровцы сделать не успели.

Черная машина с крестом неожиданно вспыхнула, зачадила. Какой-то смельчак бросил в моторную часть связку гранат. Комдив видел, как открылся люк и из него показалась голова фашистского танкиста. Раздалась короткая очередь, и гитлеровец медленно пополз в горящую утробу танка. Вслед за ним в открытый люк полетела граната. Раздался оглушительный взрыв, — видно, взорвались боеприпасы.

Надо было возобновлять переправу. Но как? Сколачивать плот? Так и за несколько дней не переправиться, а немцы вот-вот должны выйти к Дону. Решение оставалось одно — выйти к Вешенской. Там, по донесениям разведчиков, сохранился мост.

На мосту у Вешенской комдив лицом к лицу столкнулся с командующим еще одной отступающей армии генералом Крюченкиным.

— Ну что, на тот берег? — не то со злобой, не то с сожалением и болью спросил Родимцева командующий.

— Как прикажете, товарищ генерал, дивизия в составе…

— Не надо, знаю я весь твой состав. Держать мост любым составом — вот наша задача. И рядовым и генералам — чем дольше, тем лучше. Силы собрать на том берегу. Так что, комдив, всех гвардейцев на время переводи в саперы. И нервы, нервы,

выдержка должна быть у всех.

— Есть иметь выдержку, товарищ командующий.

Мост то и дело разрушали. Когда его восстанавливали, переправой распоряжался командующий. А задача у него была нелегкая. На мост торопились войска не только его армии. И каждый доказывал, что первым переправиться должен именно он. Другой раз такие споры затягивались до очередного налета фашистских стервятников. А они бомбили словно по расписанию. Сбросят бомбы — и на аэродром. Разбомбят не разбомбят — через определенное время снова кружатся над головой, словно комарье. А уж если разрушат переправу, то восстанавливают ее все, не считаясь, кто из какого полка, из какой дивизии, из какой армии. Все брались за топоры: и саперы, и летчики, и артиллеристы, рядовые и сержанты, офицеры и генералы. Генерал Крюченкин для каждой части определил точный срок переправы и выдерживал его скрупулезно.

23

Группа Родимцева должна была переправляться через день. Отдавая очередное распоряжение команде, выделенной для ремонта моста, комдив все время думал о других своих полках. Как они переправились через Дон, прибыли в условное место? Вечером вездесущие разведчики Подкопая донесли, что в пяти километрах от Вешенской своим ходом переправилась авторота дивизиона.

Подкопай человек общительный, заметный. Всех привлекала его преданная мужская дружба. Особенно с Самчуком и с начальником штаба Борисовым. И характеры у всех троих разные, а водой не разольешь. Один вроде застенчивый, а обидишь — морду набьет. Второй мудрец, еще мать говорила: «Иван, ты не хитри, а то выпорю». А третий вообще с виду тихоня, характером мягковат, но мужик башковитый, когда надо, планы начнет такие сочинять — берегись. Штабист, другого поищи! Мягковат. Это да! Но силен мужик. Когда надо — не струсит. Постоит и за себя и за честь дивизии.

— Молодцы ребята, — радостно выдохнул комдив. И, хитро взглянув на Подкопая, поманил его к себе: — Как это своим ходом, через Дон, у нас что, амфибии объявились?

— Да нет, товарищ полковник. То боец Калугин сварганил.

— Чего сварганил?

— Да лодку моторную.

И Подкопай рассказал, что авторота дивизиона, вышедшая к Дону, обнаружила испорченную моторную лодку. Вот ее-то Миша Калугин, охочий до техники, быстро и отремонтировал. Подлили бензина, застучал мотор — и тут уж посыпались рационализаторские предложения. Какое было принято — этого Подкопай не знал, но только точно мог доложить комдиву, что «наши ребята» какой-то настил хитрый сварганили и перевезли машины на тот берег.

— А лодка цела, здесь она, рядом, — переходя на шепот, закончил Подкопай. — Через пять минут будем там, — и он махнул в сторону противоположного берега.

— Ты вот что, разведчик, — спокойно ответил комдив. — Возьмешь раненых, документы, за них головой отвечаешь, и на тот берег. Я с этой группой завтра с рассветом прибуду. Твоя задача — до нашего подхода собрать всех переправившихся через Дон. Каждого, кто объявится, каждого… Понял?

И Подкопай понял, что сейчас решается судьба его гвардейской дивизии.

— Да вы не волнуйтесь, товарищ полковник, — совсем не по уставу обратился он к Родимцеву, — соберутся десантники. Все, кто жив, придут, не сомневайтесь.

И они расстались.

Подошла очередь переправляться дивизии Родимцева. По мосту пошли машины, потом конники. Комдив стоял довольный.

Когда колонна дивизии втянулась на понтоны, к берегу лихо подкатила видавшая виды, седая от пыли полуторка. Солдат, преграждавший ей дорогу, устало выставил вперед автомат, всем видом показывая, что без приказа полковника не пропустит без очереди самого черта. Из кабины выпрыгнул двухметрового роста офицер с темно-карими, удивительно живыми глазами, на петличках гимнастерки которого поблескивали знаки различия, свидетельствовавшие о принадлежности этого гиганта к летному составу.

— Ну чего ты козягу свою выставил? Видишь, раненого командира везу.

— Не положено, генерал очередью распоряжается на переправе, — беззлобно ответил солдат.

— Да ты погляди, кого везу, дурень.

— Во-первых, товарищ лейтенант, я не беркут, чтобы за версту через головы других в вашей машине человека разглядеть, а во-вторых, на посту я, отойди. А уж дурень не дурень, жизнь нас рассудит.

— Не видишь за версту, говоришь, так я тебе покажу здесь, под носом у тебя.

Лейтенант стремглав бросился к машине, посадил к себе на шею сопротивлявшегося раненого офицера, с такими же голубыми петлицами на гимнастерке, что-то шепнул шоферу и почти бегом побежал к мосту, к часовому.

— На, смотри, вот кого везу на тот берег. Фашисты только что сбили нашего сокола, едва на парашюте спасся, а ты волынку тянешь.

Самчук, сидя на шее у своего силача-адъютанта, то терял сознание, то приходил в себя. Ему хотелось одернуть адъютанта, крикнуть: чего ты мелешь, какой сокол, но многочисленные раны вконец отняли у него силы. Уже неделю раненный, без медицинской помощи пробивался Самчук к своим. Он выполнил задачу комдива, надежно прикрыв своим полком отход основных частей дивизии. Сделал все, а за собой недоглядел. Погорячился. Молодой солдат-шофер побоялся вести машину по заброшенной полевой дороге, сердце ему чего-то нехорошее подсказывало. Но Самчук и погорячился, выскочил из машины, зашагал впереди колонны. Да и шагнуть толком не успел, как глухой взрыв,

огненный шар отбросил командира полка в сторону. Да видно, в рубашке родился. «Бывает же такое», — удивлялся адъютант, насчитав десять ранений у командира. Да, Самчуку повезло в этот раз. Наступил ногой на противотанковую мину и остался жив. Он не слышал, как адъютант уломал часового и как пешком, на себе понес Самчука по мосту. Уже где-то на середине их догнал шофер, неизвестно как прорвавшийся на понтоны. Усадил их обоих в машину и покатил вперед к месту сбора дивизии.

Ко второй половине дня небольшая колонна, все, что осталось от дивизии, сосредоточилась в селе Ермаковке. В основном, это были люди из тыловых подразделений полков, дивизии. Подсчитали личный состав, оружие. Итог оказался неутешительный. Около семисот бойцов, сто шестьдесят винтовок, двадцать пять автоматов, три орудия, двадцать противотанковых орудий, пятьдесят автомашин.

— И с гулькин нос боеприпасов, — подытожил короткий доклад начальник штаба.

24

Усталые, изнеможденные, они лежали на полу небольшой хаты. Лежали не потому, что не на что было сесть, а от усталости и от изнуряющей жары. Их было четверо.

Комдив, комиссар, начальник штаба дивизии и командир полка. Посреди комнаты стоял щербатый чайник. Они, не торопясь, по очереди, подносили его ко рту.

Самчук, с помощью адъютанта добравшийся до хаты, радостный и довольный, что нашел своих, что снова в родной дивизии, жадно глотнул из чайника и поперхнулся.

— Ну что, утолил жажду? — невесело пошутил командир.

— Утолил, но спирт лучше зимой идет, а не в такую жару.

Молча лежал в углу комдив. Он смотрел на крепыша Самчука, у которого какой-то бечевой была подвязана туго забинтованная нога, на почерневшего от пыли и бессонницы начальника штаба, на копавшегося с планшеткой комиссара и в который раз переспрашивал себя: «Придут или не придут?» Штаб дивизии, разрабатывая план вынужденного отхода, определил ориентировочную точку сбора дивизии. Но слишком уж лихая доля выпала десантникам. Отдельными группами, с боями прорывались они за Дон.

— Тебе хорошо, Самчук, — прервал тягостное молчание комдив, — ты ранен, а потому и прав. А что я отвечу. Жив, здоров, а дивизии нет. Хоть бы пуля какая шальная задела. Откомандовался герой Испании. Хорошо еще, что знамя дивизии вынесли.

— Обойдется, товарищ командир. Живые соберутся, десантники же мы.

На коротком собрании решили разослать офицеров связи в предполагаемые районы переправы частей дивизии с задачей собрать всех вместе. Томительно тянулись часы ожидания. Переживая о случившемся, Родимцев в душе верил в своих десантников, ждал, когда они снова построятся и он, командир гвардейской дивизии, снова поведет в бой своих неустрашимых ратников.

И вдруг приказ. В оперативном отделе армии посчитали, что дивизия не боеспособна, и передали штаб, политотдел вместе с начальниками служб и родов войск в распоряжение Сталинградского фронта.

Штаб отделяли от боевых частей дивизии.

— Поторопились они, — показывая оттопыренным пальцем руки куда-то вверх, сердито проворчал комиссар Зубков. —

Дивизия-то собирается.

И действительно, за три дня в Ермаковку стянулись все вышедшие из окружения гвардейцы Родимцева. И пришло их немало. Не видавшие друг друга почти полмесяца, друзья обнимались, расспрашивали об однополчанах, горевали по погибшим. Это были закаленные, возмужавшие в боях воины. За год войны им довелось не только отступать, но и основательно потрепать врага. И сквозь огонь они прошли, и сквозь воду. Куда теперь?

— Командир, надо сохранить дивизию, — решительно заговорил с Родимцевым комиссар. — Война, судя по всему, ни сегодня, ни завтра не закончится. И бросаться такими людьми грешно. Едем в Сталинград, в штаб фронта. Вместе с дивизией воевали, теперь нам выпала доля постоять за дивизию.

Часть четвертая
ВОЛЖСКИЕ ПОБРАТИМЫ

1

После изнурительных боев, походной жизни, проходившей под аккомпанемент разрывов бомб и снарядов, Сталинград показался Родимцеву и Зубкову глубоким тылом. Совсем по-мирному позвякивали на поворотах старенькие трамвайчики, похлопывали двери магазинов, спешили на очередную заводскую смену рабочие, пестрели театральные афиши, сообщавшие о репертуаре театра оперетты. Трудно было поверить, что гитлеровцы прорвали нашу оборону в излучине Дона и что не пройдет и двух месяцев, как они будут здесь, на городских улицах, дойдут до Волги.

Три дня комдив с комиссаром обходили кабинеты штаба фронта, просили, ругались, умоляли сохранить в полном составе их родную 13-ю гвардейскую дивизию. Но в ответ слышали короткие ответы: «Приказ есть приказ», «Это не в наших силах», «Не время сейчас рассуждать». И когда уже совсем было отчаялись отстоять свою правоту, пришло долгожданное распоряжение: «Дивизия в полном составе переходит в резерв Ставки Верховного Главнокомандующего».

Радостное известие было омрачено переводом в другие соединения боевых товарищей. Здесь же, в Сталинграде, комдив распрощался со своим боевым побратимом комиссаром Зубковым. Командование посчитало, что накопленный комиссаром в первый год войны боевой опыт может быть использован на более высоком посту. Перед отъездом в дивизию комдив и комиссар крепко обнялись, пожелали друг другу долгой жизни, договорились встретиться после Победы и разошлись. Разговаривать долго и понапрасну они не любили и совестились. Вот и сейчас при прощании вроде бы и хотелось сказать друг другу что-то теплое, задушевное, вспомнить потерянных друзей, но язык почему-то не поворачивался.

— Ну бывай, комдив, береги дивизию, — попрощался наигранно-весело Зубков.

— Постараюсь, а ты уж не теряйся из виду.

Так и разошлись.

Полтора месяца дивизия Родимцева находилась под Сталинградом на доукомплектовании. Гвардейцы получали пополнение, вооружение, занимались боевой подготовкой. Занятия проводились ежедневно. Комдив, находившийся здесь же, лично контролировал ход учебы. А если кто-то из молодых, вновь прибывших, начинал роптать на никчемность учебы, когда враг стоит у Москвы, рвется к Сталинграду, комдив, опаленный

порохом прошлогодних боев, остужал их пыл: «Не торопись, парень, и на твою долю хватит». Он-то хорошо знал: чтобы победить врага, да еще живым остаться, надо в совершенстве владеть ратным делом. Придерживал ретивых новобранцев, рвавшихся в бой, а у самого сердце щемило от боли. По беспроволочному солдатскому телеграфу приходили тревожные вести. Они сообщали, что гитлеровцы ежедневно бомбят центр Сталинграда, промышленные объекты. Заметно увеличилось число раненых в ближайших госпиталях. Они рассказывали, что Сталинград напоминает незатухающий огромный костер, фрицы бросают одновременно в бой до тысячи самолетов, население спешно эвакуируется. По рассказам очевидцев получалось, что у немцев на этом направлении почти десятикратное превосходство и на земле, и в воздухе. И солдатский телеграф не преувеличивал. Действительно, в конце сентября немцы захватили железнодорожный вокзал Сталинграда, Госбанк, Дом специалистов, важные объекты на берегу Волги, контролировали господствующую высоту — Мамаев курган, держали под прицелом переправы. Назначенный новый командующий шестьдесят второй армией Василий Иванович Чуйков выбивался из сил, чтобы залатать бреши. Он перенес свой штаб к устью реки Царицы, но твердо решил не отправлять его из города на противоположный берег. Решил и отдал приказ, что любой человек, от рядового до генерала, может уйти на противоположный берег только с его личного разрешения. Волевой, резкий, он в эти трудные минуты не дрогнул, не просил ежечасно подкрепления. Командующий знал, что в дивизиях, где по штатному расписанию должно было быть до девяти тысяч воинов, насчитывалось лишь несколько сотен бойцов, не хватало боеприпасов. Свой небольшой резерв — танковую бригаду — он держал на самый крайний случай. Впрочем, да и бригадой-то ее можно было назвать только символически — чуть больше тридцати танков. И тогда, связавшись с обкомом партии, Чуйков настоял и сам принял деятельное участие в формировании рабочих боевых отрядов.

Командарму сообщили, что его армии передана 13-я гвардейская дивизия Родимцева. О командире Чуйков уже слышал — опытный, волевой, прошел боевую выучку в Испании, храбро воевал в первый год войны. «Дивизия-то передана, а когда и как переправится?» — спрашивал себя командарм. «Поскорей, поскорей, Родимцев, очень твоя дивизия нужна здесь», — словно уговаривал он поторопиться бойцов. Чуйков никому не говорил, что остатки танковой бригады он сохранял для того, чтобы обеспечить переправу свежей дивизии через Волгу.

Почти лишившись боеспособных частей, командарм вынужден был, когда немцы прорвались к центральной переправе, сформировать боевые группы из офицеров штаба армии, караульных подразделений. Он ждал и верил, что помощь скоро придет.

Начальник штаба несколько раз пытался поговорить с ним о том, как лучше использовать в городе новую дивизию, но командарм хитрил, уходил от ответа, ссылался на занятость. Не хотел он до поры до времени раскрывать свои секреты, свои планы, да и дивизия-то только числилась в его армии, а личный состав был далеко, на том берегу. А планы, как использовать дивизию Родимцева, у командарма, конечно, были. Изучая карту боевых действий, он то и дело останавливал свой взгляд на высоте, помеченной как 102,0. По всему было видно, что высота, которую местные жители окрестили Мамаевым курганом, была ключом всей обороны. Кто ею владеет, тот и хозяин в этой гигантской смертельной схватке. Пытались наши войска отбить ее у врага, да силенок не хватило, еле удержались за песчаные волжские откосы. Втайне от всех Чуйков рассчитывал, какие силы из дивизии Родимцева можно бросить туда. А то, что высоту надо отбить, он решил окончательно. Более того, командарм был убежден, что это первое после длительного перерыва наступление на курган будет прологом большого, крупного наступления наших войск, которое уничтожит вражескую группировку под Сталинградом.

Вот почему он с таким нетерпением ждал переправы гвардейцев.

2

Родимцев, как и все его гвардейцы, рвавшийся в бой, встретил приказ, по которому они вливались в шестьдесят вторую армию, и радостно, и озабоченно. Радостно потому, что почти трехмесячное пребывание в тылу заканчивалось. Ему было не по себе, что он — опытный, боевой командир — непростительно долго не участвует в военных действиях, стыдно было перед ранеными, которыми были полны госпитали. И вот долгожданный приказ — переправиться в Сталинград. В то же время он озадачил Родимцева. Комдив знал, что почти тысяча его бойцов не имела винтовок, автоматов, да и запас боеприпасов был на день-два. И когда в дивизии появился заместитель командующего фронтом и приказал в ночь с 14 на 15 сентября переправить дивизию в Сталинград, Родимцев возразил вышестоящему начальнику:

— Не могу, товарищ генерал-лейтенант, дивизия полностью не вооружена. Как же я — голыми руками немцев гнать буду?

— Знаю, комдив. Но если завтра не переправить дивизию, послезавтра будет поздно — город падет. Впрочем, если настаиваешь, я могу доложить… Верховному, это его личный приказ.

Родимцев пристально посмотрел на генерала. Он много повидал за последние годы, и в Испании, и в первые дни войны на родной земле. Переживал за боевых друзей, горевал по тем, кто пал в первые месяцы войны. Ему вспомнился XVIII съезд партии, на котором он выступал с приветствием от Красной Армии. Говорил тогда, волновался, но лица сидящих в зале видел. Чувствовал, как внимательно они прислушиваются к его слову, слову одного из первых Героев Советского Союза, видел сидящего в президиуме человека, от которого тогда да и теперь так много зависело. Это о его приказе, приказе Верховного, напомнили сейчас Родимцеву.

— Есть выполнить приказ, — четко ответил комдив.

И не опасность за свою карьеру, не страх за возможное наказание заставили выдохнуть его уставное «есть». Опытный, боевой командир, он понял, что промедление в такой обстановке действительно смерти подобно.

— Оружием обеспечим немедленно, — заверил его заместитель командующего. — Не сомневайся, комдив. Ты только поспешай со своими гвардейцами, ведь в городе практически не осталось войск.

Комдив понимал, что слово «переправа» в этой обстановке совсем не подходит. Он видел, как на противоположном берегу

пылал город. Это был гигантский факел, обрамленный черным, густым смрадом. Горящая река. Подожженные фашистами цистерны выплескивали в воду горящую нефть, и Волга несла на себе полыхающее огненное покрывало.

— Какая же это переправа, — с горечью произнес вслух комдив. — Форсирование самое настоящее.

— Другого выхода нет, — глухо отозвался заместитель командующего.

3

Переправа гвардейской дивизии Родимцева была назначена на два часа ночи. Автомобилями, на лошадях, в пешем строю, войска были переброшены в поселок Красная Слобода. Отсюда они должны были совершить бросок через Волгу в растерзанный Сталинград.

Обычно в здешних местах начало сентября не предвещало о наступлении холодов. Местные рыбаки всегда в эту пору выходили на воду. Да и Волга не скупилась. Осетры, жерехи, судак и более мелкая добыча радовали терпеливых рыбаков. На той стороне затемно собирались они после удачной рыбалки, разводили костры, готовили в котелках уху, вели неторопливые рыбацкие разговоры, любовались засыпающим красавцем городом, растянувшимся вдоль могучей реки гигантскими заводскими трубами-сигарами. Кажется, вчера еще это было. А сегодня там визг пуль, клекот пулеметных очередей, осколки словно ополоумевших снарядов, разрывы мин. Да и осень как-то подступила неожиданно. Вода стала мутная, холодная. Комдив, одетый в солдатский ватник, даже поежился, глядя на расстилавшийся над прибрежными камышами туман, холодные, ленивые всплески реки. Он взглянул на часы: оставалось десять минут до посадки на катера. По плану первым шел передовой отряд старшего лейтенанта Червякова. Его задача — захватить плацдарм, закрепиться на противоположном берегу, обеспечить переправу основных сил дивизии. Несмотря на молодость, Захар Червяков слыл опытным офицером. За первый год войны ему уже пришлось преодолеть восемь рек, от Псёла до Волги. Воевал в 1-й гвардейской дивизии генерала Руссиянова, был ранен, вернулся в строй. Однополчан удивляло в нем редкое сочетание широкой русской натуры, молодечества и удали с трезвым, холодным расчетом, железным самообладанием, выдержкой.

Генерал верил в Червякова и побаивался за него: ведь он силен на земле, а ему почти полкилометра по Волге барахтаться под обстрелом. Вздохнув, генерал посмотрел на часы, приказал адъютанту напомнить Червякову, чтобы тот немедленно по высадке в Сталинграде обозначил красными ракетами свою позицию.

И вот наступила та минута, от которой гвардейцы Родимцева стали отсчитывать сталинградское время.

— Передовой отряд к переправе готов, — лихо доложил Червяков.

— Отряд Шатурова готов, — браво козырнул моряк в черном

бушлате.

Что мог сказать им сейчас он, комдив? Что идут на смерть, что многие из них не вернутся, что это их долг, а долг надо выполнять. При рыжем отблеске пожарища на противоположном берегу он всматривался в лица бойцов. Все они, рядовые и офицеры, одетые в плащ-палатки, в приспущенных до бровей серо-зеленых касках, казались похожими друг на друга. Губы поджаты, стиснуты скулы, бледные лица. А вон стоит совсем парнишка, беззаботно улыбается, словно ему придется не осажденный город штурмовать, а прогуливаться по зеленым скверам. Длинные стволы противотанковых ружей ПТР в предутренней темноте похожи на древние пищали. «Вот сейчас они окажутся под сплошным огнем, а мы не сможем поддержать их артиллерией», — подумал комдив. Он помнил, что на том берегу нет четкой линии обороны, не различить, где свои, где враг. Слоеный пирог, а не линия обороны… Наконец комдив твердо отдал команду:

— На посадку!

Катерам передового отряда удалось отойти от берега незамеченными, и они растаяли в темноте. Потянулись томительные минуты ожидания. Вражеские ракеты, к счастью, обходили стороной десантников. «Видать, опытный катерник попался», — радостно подметил Родимцев. И вдруг, когда, по расчетам, гвардейцам оставалось минут пять до противоположного берега, ночное небо разорвала красная ракета, раздался захлебывающийся треск автоматов.

— Очевидно, высаживаются, не дожидаясь причаливания катеров, — высказал предположение командир полка Елин.

А бой разгорался неудержимо. Вот в сплошной треск автоматов ворвались глухие винтовочные хлопки, буханье гранат, на флангах в смертельную симфонию простуженным голосом вступили пулеметы. Все шло как было задумано. И вдруг натренированный слух комдива уловил хлесткие выстрелы противотанковых ружей. Вот то, чего он больше всего опасался. Неужели передовой отряд атакуют фашистские танки, а с катеров не успели снять «сорокапятки»?.. И только когда прозвучал первый артиллерийский выстрел, облегченно вздохнул. Наконец взвились в небо долгожданные ракеты — Червяков обрисовывает контуры плацдарма, показывает передний край, свои фланги. Несведущему человеку трудно разобраться в этой адской какофонии артиллерийских взрывов, пулеметной трескотни, разноцветной чехарды ракет. Но ведь может таежный охотник безошибочно по следам, по едва заметным приметам, словно книгу, прочитать все, что произошло в безмолвной тайге. И он,

кадровый военный, генерал Родимцев, безошибочно читал по огненному гвалту все, что происходило на противоположном берегу. Но что это? Генерал даже как-то потянулся в сторону города, словно хотел проверить себя — не ошибся ли он. Нет, так оно и есть. Почему-то Червяков вместо того, чтобы расширять плацдарм и дожидаться переправы остальных батальонов, начал углубляться в сторону противника.

— Куда прешь, уралец? — чертыхнулся генерал. Он знал, верил в Червякова, но не предполагал, что тот может так опрометчиво рвануться вперед. Может быть, что-то произошло не по плану и старший лейтенант решился его изменить?

Медлить с отправкой основных сил дивизии было нельзя, и комдив отдал приказ начать переправу полков Панихина и Елина. Третьему полку Долгова предстояло идти в Сталинград на следующий день.

Под аккомпанемент разгорающегося боя на том берегу начали переправу основные силы дивизии. Немцы, очевидно, поняли, для чего был выброшен ударный отряд русских. Они осветили Волгу ракетами так, что многие забыли, что это ночь. Адская круговерть смерти плясала вокруг десантных барж, катеров, рыбацких лодок. Трудно было поверить, что человек может выжить в этом свинцовом водовороте. Но трусов среди гвардейцев не оказалось. Боевой порыв был настолько велик, что многие бойцы, не дожидаясь, когда катер или баржа зашуршат о прибрежный песок, прыгали в воду, добирались вплавь и, выйдя из Волги, бросались в рукопашную.

— Скорее, скорее, — шептал про себя комдив, словно его слова могли долететь до тех, кто еще боролся с течением Волги, лавировал на катерах под артиллерийским и авиационным огнем.

— У, гад, — вдруг выругался стоявший рядом адъютант и отвел бинокль в сторону.

Генерал видел, как в юркий катер, на котором переправлялась группа автоматчиков, попал тяжелый артиллерийский снаряд. Когда огромный столб воды, железа, досок и каких-то предметов опустился, все увидели только несколько человек, барахтавшихся на воде. От катера — никаких следов. Кто переправлялся на этом катере? Их фамилии, звания разве теперь выяснишь. Растревоженные волны скрыли последних бойцов, уцелевших от взрыва. «Пропал без вести» — вот все, что смогут написать штабные писаря. Через несколько часов ему самому предстояло форсировать пылающую Волгу. «Как-то оно пройдет? И бронекатер какой-то странный, — подумал Родимцев. — Название чудное — «Кавасаки». Японцы, что ли, мастерили? Ну, будь что будет».

4

Начало светать. Прощальным взглядом окинул Родимцев левый берег. Здесь оставался еще один его полк, хозяйственные подразделения. Когда они теперь встретятся все вместе, на каком берегу, и встретятся ли вообще? Может быть, и ему уготовлена судьба, как и тем солдатам, в катер которых угодил снаряд. Комдив быстро отогнал панихидные мысли, отдал команду старшим офицерам занять места в бронекатере со странным названием «Кавасаки». Через несколько секунд юркий речной работяга помчал штаб дивизии в пылающий город.

Родимцев стоял рядом с рулевым и внимательно разглядывал в бинокль тяжело израненный, разрушенный город. Слабый ветер медленно поднимал в небо багровые языки пламени и черные клубы дыма, которые, поднявшись ввысь, тяжело, угрюмо тянулись далеко над Волгой. В этом дымном смраде под покровом темноты трудно было хорошо рассмотреть, что творится на том берегу. Лишь трагическими силуэтами вырисовывались разбитые коробки зданий да заваленные грудами кирпича, бревнами и железом улицы, перевернутые вагоны трамваев.

Огромный столб холодной воды, поднявшийся вверх по правому борту, с шумом опрокинулся на палубу катера и обдал брызгами стоящих на палубе десантников.

— Ядрена-вошь, — смачно выругался стоящий рядом с Родимцевым инженер дивизии Тувский, — до нитки, гад, промочил.

Второй снаряд плюхнулся и разорвался по левому борту.

— В вилку берут, — невесело бросил Родимцев инженеру. Но тот ничего не ответил и медленно, как-то боком опустился на палубу. Комдив обернулся на шум падающего тела.

— Санитар, — сдавленным голосом позвал он.

Инженер был ранен осколками разорвавшегося снаряда. Комдив подумал: «Как это меня пронесло, ведь рядом стояли».

Опытный катерник, почувствовав, что немцы берут их «в вилку», стал маневрировать, уходить из-под огня. Рядом с катером, натуженно урча, боролся с разъяренной волной моторный паром с бойцами. Фашисты, оставив на время в покое катер, перенесли огонь на маломаневренный паром.

Столбы воды поднимались то с одного борта, то с другого. На катере все видели, как четвертый снаряд разворотил правый понтон, на пароме заглох мотор. Накренившись на правый борт, он закрутился на месте и стал тонуть. Моторист отчаянно возился

у двигателя, стараясь запустить его, но все его попытки были безрезультатны.

Фашисты усилили огонь по парому. Через несколько секунд огромный взрыв потряс воздух. А когда рассеялся дым и опустился столб грязной воды, паром исчез под волнами. Немцы перенесли вновь огонь по катеру. Юркий «Кавасаки», шныряя между разрывами, выскочил из опасной зоны и стремительно помчался к горящему берегу.

Через несколько секунд его днище зашуршало о прибрежный песок.

— Здравствуй, Сталинград! — выпрыгивая на сушу, громко произнес комдив.

Его встретили разведчики дивизии, офицеры из дивизии НКВД, защищавшие город, и несколько милиционеров.

— С прибытием, — приветствовал Родимцева худощавый, высокий офицер в фуражке с синим околышком. — Вовремя на выручку пришли, в городе почти нет войск, вот осталась только милиция да наша служба. Ждали вас давно, приготовили аппартаменты вам какие могли. Так что милости просим. — И он взялся проводить на командный пункт, оборудованный для штаба дивизии. Командный пункт дивизии был оборудован в километре от центральной переправы. Он представлял собой вырытую в песчаном откосе длинную нишу. У входа саперы соорудили бревенчатую пристройку, вроде деревенских сеней, прикрыв ее кое-как нетесаными досками да поржавевшими листами железа. Внутри: и потолок, и стены были наспех обшиты досками, через щели между которыми то и дело шуршал песчаный дождь. Посреди штольни врыли длинный, узкий деревянный стол, для «заседаний», в углу широкий обрубок доски — рабочее место начальника штаба. У самого входа, по обе стороны этой полуниши-полупещеры громоздились трехъярусные нары для работников штаба. Первыми хозяевами штольни были работники городской милиции, оборонявшие город, когда в нем почти уже не оставалось регулярных войск. Место для командного пункта они выбрали неплохое, вернее сказать, безопасное. Вырытая в прибрежном крутогорье, обращенная к самому урезу воды, землянка была надежно защищена от артиллерийского, минометного и пулеметного огня, от прицельных выстрелов снайперов. Недостатком же убежища было отсутствие надежной вентиляции, и вскоре работники штаба ощутили нехватку свежего воздуха. Но времени для оборудования нового командного пункта не было. На огромной линии переднего края дивизии, протянувшейся от Мамаева кургана на севере до устья реки Царицы на юге, гремели бои, гвардейцы полков Панихина и

Елина «отодвигали» врага от Волги.

Планы, разработанные штабом дивизии перед переправой, менялись в ходе первых стремительных боев, другие задачи ставились перед бойцами и командирами. Если по первоначальному плану дивизии предстояло в первые два дня захватить и удержать плацдарм на правом берегу, то уже в первые часы высадки боевой группы старшего лейтенанта Червякова ситуация повернулась так круто, что ему, по личному распоряжению командарма Чуйкова, пришлось наступать на железнодорожный вокзал, только что занятый гитлеровцами. И то, что по разрывам гранат, по сигналам ракет, показывавших о направлении наступления передовой группы, комдив принял первоначально за опрометчивость и горячность, оказалось четким выполнением приказа. И они его выполнили. К исходу дня гвардейцы выбили фашистов из привокзальной части города, заняли и укрепились в здании вокзала. К исходу дня они еще не знали, что почти все, за исключением единиц, останутся здесь навечно, удерживая небольшое полуразрушенное здание, развороченные нитки рельсов, разбитый перрон…

Уже в первые часы боя был ранен Червяков. Командование отрядом, который стал называться первым батальоном, взял на себя старший лейтенант Федосеев. После захвата здания вокзала он четко определил сектора обороны каждой стрелковой роте, отдал краткий, но жесткий приказ: «Стоять насмерть!»

Гитлеровцы не сразу поняли, что упустили из своих рук вокзал надолго. Уверенные в своем численном превосходстве, они выслали вначале к вокзалу несколько бронетранспортеров с автоматчиками.

Почти не маскируясь, подпрыгивая на глыбах щебня, бронированные машины подкатили к площади, развернулись. Из их утробы высыпали гитлеровцы в серо-зеленых шинелях. Построившись в цепочку и прижав к боку кургузые автоматы, фашисты ускоренным шагом двинулись к вокзалу, прочесывая перед собой всю местность ураганным автоматным огнем. С бронетранспортеров их поддерживали тяжелые пулеметы. «Рус, сдавайтесь!» — орали полупьяные фашисты.

— Сейчас я тебе сдамся, — сжал зубы командир третьей роты Колеганов, бойцы которого держали оборону в левом крыле вокзала. Лежавший с ним боец с противотанковым ружьем взял на прицел ближний бронетранспортер. Понявший его намерение Колеганов положил руку на плечо бронебойщика:

— Не торопись, это только начало.

— Да уйдут же, дери их за ногу, — умоляюще произнес боец.

— Твое дело — танки. Жди, скоро объявятся.

И действительно, не сумев наскоком прорваться к вокзалу, гитлеровцы бросили против защитников танковый десант. Они шли и через вокзальную площадь, и прямо по железнодорожному полотну. Бронебойщики и минометчики, прошедшие суровую школу боев под Щиграми, не дрогнули при виде стальной армады. Точными, расчетливыми залпами они остановили врага, уничтожили десант. «Ну, теперь держись, — обменивались гвардейцы впечатлениями о только что закончившемся бое, — теперь фашист совсем озвереет. В короткое затишье защитники вокзала принялись укреплять свою оборону. И не напрасно: через несколько часов над их головами закружились черные стервятники с желтыми крестами на фюзеляже. Они обрушили многотонный смертельный груз на гвардейцев. Пыль, битый кирпич, металлические балки чудовищными фонтанами взмывали к небу.

Затаились, притихли гвардейцы, зарывшись в каменных обломках. От дыма, пыли трудно было дышать. Налет кончился так же неожиданно, как и начался. И сразу же в укрытиях зашевелились бойцы, смахивали с себя серую пыль, обсуждали закончившийся налет, балагурили.

С командного пункта дивизии было видно, как кружились над вокзалом фашистские самолеты, доносилась глухая канонада взрывов. Комдив напряженно смотрел в сторону, где сражался его батальон, туда, где небо было особенно черное от дыма и огня.

Устало вздохнув, он попросил соединить его с командиром полка Елиным. Пожилой телефонист настойчиво вызывал «Ромашку», а комдив просчитывал различные варианты помощи батальону. Но сколько он ни думал, итог был все тот же — помочь батальону дивизии сейчас не в силах. И когда отозвался штаб полка, хрипловато спросил Елина:

— Ребята знают, что остались одни?

— Знают.

— Я еще раз тебе говорю, — словно оправдывался комдив, — нет у меня сейчас никаких резервов, и батальон должен об этом знать.

— Товарищ комдив, да вы не волнуйтесь.

— Я забыл, Елин, как волноваться, но батальону приказываю вокзал удержать и выжить…

Елин, выслушав командира, положил трубку и задумался. Он верил в батальон, верил в комбата Федосеева — такой не струсит, не подведет. Но сил у него оставалось мало, удержать вокзал ему может помочь только чудо. А чудом Елин считал перебросить защитникам вокзала хотя бы небольшое подкрепление. Он посылал одну группу разведчиков за другой, ставя перед ними

задачу выявить пути прохода. Попытался даже один раз с боем пробиться на привокзальную площадь, но, понеся большие потери, отступил. Оставалось одно: пройти незамеченными по тылам фашистов. На дню по нескольку раз теребил он начальника разведки, но тот ничего утешительного сказать не мог, лишь скупо бурчал: «Выполняем задачу, товарищ командир полка».

5

У каждого из них, младших и старших командиров, были свои задачи. Федосеев хорошо понимал, что немцы вот-вот замкнут стальной обруч окружения вокруг его родного батальона. И, разместив свой штаб в нескольких метрах от вокзала, в огромном здании городского универмага, прикидывал различные варианты, как выполнить приказ: удержать вокзал, ключ всей обороны дивизии, и сохранить батальон. Удивительно, что после массированных бомбежек еще работала связь, уцелела рация. Конечно, как человек военный, старший лейтенант понимал, что положение батальона критическое. Но он не мог тогда еще знать, что все его бойцы погибнут, что, пока будет дышать хоть один гвардеец, вокзал они не отдадут. Не мог знать и того, что в здании, где разместился его штаб и где он сам скоро примет смерть, через несколько месяцев будет пленен командующий гитлеровской шестой армией фельдмаршал Паулюс. В подвалах универмага первый гвардейский батальон умрет ради Победы, а шестая армия Паулюса расплатится жестоким поражением за вторжение на просторы русской земли.

Свои заботы тревожили командира полка Елина. Его полк вел наступление по такому широкому фронту, что под силу только нескольким дивизиям. Не успел он поговорить с комбатом Федосеевым, как доложили, что его гвардейцы вышли на улицы Республиканскую, Володарского, Пролетарскую, успешно штурмовали высокое, массивное здание Госбанка, хорошо укрепленный опорный пункт фашистов в Доме железнодорожников. И каждый из комбатов, докладывая обстановку, просил помощи, боеприпасов. Батальоны несли большие потери, но даже раненые не покидали своих позиций. И что мог ответить комбатам Елин? Только одно — держаться! Пополнение прибудет только завтра. Боеприпасы собирать у погибших, использовать трофейное оружие. Надо было удержать центральные кварталы города. Как струны, готовые вот-вот лопнуть, были напряжены нервы у комдива Родимцева. Едва он положил трубку после разговора с Елиным, который доложил ему о положении первого батальона, как в штольню стремительно вскочил бледный, в сдвинутой на глаза, перепачканной каске боец.

— Кто такой? — строго спросил полковник.

— Связной из штаба армии, — переводя дыхание, четко отрапортовал тот. — Вас вызывает командующий.

— Что ж ты такой чумазый, помылся бы, Волга рядом, —

снимая напряжение, пошутил полковник.

— Да она, Волга, всегда будет рядом, не уйдет от нас, — в тон ему ответил нерастерявшийся боец.

Вообще-то, по рассказам связного, до командного пункта армии рукой подать, с километр, не больше. Но как его пройти? На машине — отпадает, мотор не успеешь завести, расстреляют машину. Да и где машину возьмешь? Катером, вдоль берега по Волге — снайперам немецким на радость. И пешком-то не везде проскочишь. Решили идти вчетвером, комдив, его адъютант, связной из штаба и автоматчик из роты охраны. Крутой волжский скат кое-как прикрывал группу от прицельного огня. Но почти постоянный минометный огонь, шальные пулеметные очереди, паутиной висевшие над головами, бросали гвардейцев в многочисленные воронки, неглубокие овраги. Они понимали, что могут стать легкой добычей фашистских снайперов. Двигались осторожно, продуманно, но комдив все погонял: «Быстрее, быстрее». Уже когда до штаба оставалось метров четыреста, налетела вражеская авиация. Комдив с адъютантом прыгнули в огромную воронку, дно которой напоминало то ли пересохший пруд, то ли полузаваленный песчаный карьер, залитый дождевой водой. Бухнулись прямо в слякоть, ничком и сразу почувствовали, как холодная вода противно побежала в сапоги, под гимнастерку. Связной и боец охраны укрылись в соседней небольшой канаве. Пятерка «юнкерсов» вошла в привычный круг и начала свою черную работу.

— Штаб бомбят, — сквозь нарастающий гул разрывов услышал комдив надтреснутый голос адъютанта.

— Да уж, конечно, не за нами прилетели, гады, хотя по пути и нам отвалить могут, — чертыхнулся комдив.

И не успел он договорить, как рядом с ними, в той стороне, где лежали их попутчики, к небу взметнулся огромный столб песка, какого-то щебня, перед глазами полыхнула гигантская молния, а затем по земле застучали комья земли, щебень, заохали осколки.

Едва самолеты улетели, комдив осторожно выглянул из своего укрытия и, убедившись, что можно продолжать путь, выполз из воронки. За ним поднялся офицер. Окликнули солдат, но из соседней канавы, чуть присыпанной песком, никто не отвечал.

Связной из штаба лежал ничком, правая нога его была неестественно вывернута, вместо руки кровоточила зияющая рана, в зеленой каске торчал длинный, узкий осколок. Боец охраны, по пояс засыпанный песком, лежал навзничь, обратив открытые глаза в небо. В руке он крепко сжимал автомат.

— Лишились мы своих телохранителей, — тяжело вздохнул адъютант.

— И похоронить даже не можем.

Неожиданно боец охраны шевельнулся, раздался тихий стон, из уголка приоткрывшегося рта поползла темная струйка крови.

— Куда тебя, милый? — присел комдив, осторожно шевеля за плечо раненого.

А тот только широко открывал рот, словно ему не хватало воздуха, и мутными, невидящими глазами обводил округу. Потом попытался встать. Но едва комдив с адъютантом помогли ему подняться, зашатался и снова тяжело опустился на землю.

— Контужен он тяжело, товарищ комдив.

— Вижу. Вот что, уложи его поудобней, прикрой вон той веткой — и в штаб.

Адъютант недоверчиво посмотрел на командира.

— Выполнять команду, быстро и без антимоний. — И потом, смягчившись, добавил: — Пришлем мы за ним, лейтенант, обязательно пришлем — четыреста метров осталось до штаба, сейчас наши жизни не только нам принадлежат.

6

Штаб армии нашли довольно быстро. У входа, хорошо замаскированного, их остановил строгий окрик:

— Стой! Кто идет?

Комдив назвал себя.

— Документы!

Человек военный, прошедший огненными дорогами не одну сотню километров, Родимцев не удивился такой пунктуальности часового. Более того, в душе даже порадовался, что в сложной, нервной обстановке, в штабе армии строгий воинский порядок, спокойствие, никакой паники.

Внимательно проверив документы, часовой вызвал провожающего, и тот повел прибывших в штольню. Это было огромное подземелье, со своими мини-улицами и переулками, многочисленными комнатами-сотами. Сделано оно было заблаговременно, надежно, как поговаривали, московскими метростроевцами. Но в те короткие минуты, пока шли в приемную командующего, полковник понял, что здесь, как и у него, с воздухом плоховато, дышать тяжело. «Молодцы, что не ушли на ту сторону Волги», — подумал Родимцев. Ведь по всем воинским канонам штаб армии не мог располагаться в пятистах-шестистах метрах от передовой линии. А Чуйков, вопреки всем нормам, остался.

Да и о каких нормах могла идти речь, когда шла война не на жизнь, а на смерть. А разве мог Родимцев предположить, что и его штаб дивизии разместится в ста метрах от боевых действий полков, батальонов, что штаб одновременно будет служить и передовым наблюдательным пунктом.

— Пришли, товарищ полковник, — прервал мысли Родимцева сопровождающий молодой лейтенант. — Сейчас доложу командующему, посидите здесь.

И не успел комдив толком оглядеть приемную, как дверь распахнулась, на пороге появился знакомый лейтенант: «Командующий ждет вас, товарищ полковник».

Родимцев решительно вошел в земляной кабинет командарма. Посреди штольни стоял большой деревянный стол, на нем огромная карта города, с потолка свисала довольно яркая лампочка, освещавшая помещение. «Так вот он какой, Чуйков, — пытливо взглянул комдив в лицо командующего, — коренастый, широкоплечий, движения резкие, за которыми прослеживался характер уверенного в себе человека. Мощный волевой подбородок, огромная непослушная шевелюра волос. Вот только

глаза усталые, — видно, давно не спал».

— С прибытием тебя, Родимцев, — приветствовал генерал Родимцева. — Рассказывай, как прошел день, как наступать собираетесь.

Родимцев обратил внимание, как командующий сделал ударение на слове «наступать», и понял, что тот не шутит, что пришли они на правый берег Волги не обороняться, а наступать. Он доложил, что дивизия силами первого батальона захватила и удерживает железнодорожный вокзал, что два других батальона 42-го полка захватили ряд центральных улиц, что 34-й полк наступает в сторону сталинградских заводов.

— Добро. Немедленно отдайте приказ о переправе этой же ночью последнего, тридцать девятого полка. Надо взять высоту 102,0… Как ее тут называют? — обратился он к своему начальнику штаба.

— Мамаев курган.

— Вот-вот. Не знаю, почему ее величают так, но к утру она должна быть наша, обязательно наша. Ты понял меня, комдив?

— Так точно, товарищ командующий.

— Ну, не пропустят твои орлы фрицев к Волге?

— Я — коммунист и уходить из Сталинграда не собираюсь и не уйду. Так думают все гвардейцы дивизии.

— А что же подкреплений не просишь, ведь потери у тебя большие? — лукаво посмотрел командующий на Родимцева.

— Так ведь вам виднее, когда их дать нам.

— Пополнения пока нет у меня. Резервы были, да вышли. Вопросы есть?

— Дивизия не полностью укомплектована стрелковым оружием, боеприпасами.

Чуйков тут же связался со своим заместителем.

— Мобилизуйте всех работников, чтобы собрали оружие в частях тыла армии и передали дивизии Родимцева. Утром доложить об исполнении.

Он положил трубку, на секунду задержал взгляд на карте и, резко повернувшись, спросил:

— Ну, кажется, все вопросы решили, теперь за дело. Он пристально посмотрел на оставшегося стоять в нерешительности комдива и понял, что тот собирается задать какой-то вопрос.

— Ну, что там у тебя, выкладывай, — посуровел Чуйков.

Родимцев не стал медлить и попросил выделить санитара, чтобы доставить контуженого бойца, которого они оставили в четырехстах метрах от штаба.

— В приемной мой адъютант, он все сделает. — И, показывая, что разговор окончен, склонился над картой.

Только к вечеру Родимцев вернулся к себе. Несмотря на то что народу здесь было много, суеты никакой не чувствовалось. Начальник штаба Бельский отлично наладил работу. Командиры, связные получали четкие указания, оставляли боевые донесения и моментально исчезали за деревянной дверью. Когда все распоряжения были отданы, в штабе осталось несколько человек.

Комдив рассказал о встрече с Чуйковым, обрисовал общую обстановку, отдал приказ о переправе последнего 39-го полка Долгова. «Передайте Долгову, — разъяснил он начальнику штаба, — что его первоочередная задача — овладеть высотой 102,0 любыми средствами».

Отдав приказ, комдив присел в сторонке на нары, попросил чаю, углубился в свои мысли. Он не случайно оставил 39-й полк на том берегу. Командир там новый. После ранения Ивана Самчука в командование полком вступил майор Долгов. Тихий, молчаливый, даже несколько застенчивый, он поражал своей скромностью. Но за этой ненапускной застенчивостью скрывался сильный характер, командирская струнка. Конечно, немного мягковат, но ничего, перемелется — мука будет. И все-таки жаль, что сейчас с полком нет Самчука, поопытней все же. Где он теперь? После того как они расстались в Вешенской, комдив не получал никаких известий от своего бывшего командира полка.

7

Самчук сидел в купе санитарного эшелона и задумчиво смотрел на пробегающие за окном леса, порыжевшие перелески, время от времени поглаживая все еще побаливающую ногу.

— О чем задумался, майор? — протянул ему пачку папирос сидевший напротив незнакомый комиссар.

— Да вот думаю, чего мы там, на Урале, вылеживаться будем? Сводки небось слыхал какие: немцы в Сталинграде, к Волге подкатили, а мы в чистых постелях, по госпиталям кашу манную скрести будем.

— А что ты предлагаешь?

— Бежать, к чертовой матери, с этого поезда. «Красному кресту», медикам, спасибо, конечно, но ты как хочешь, а я на ближайшей остановке дам тягу.

Они поняли друг друга. Разработали свой нехитрый план. В сумерках эшелон залязгал, заскрежетал металлическими тарелками буферов и медленно, словно уставший путник после длительного, стремительного бега, остановился на небольшой станции.

Самчук и незнакомый комиссар, не торопясь, стараясь быть как можно спокойнее, сошли на железнодорожное полотно и, пройдя в конец эшелона, присев на корточки, спрятались за последним вагоном. Томительно тянулись минуты ожидания: заметят или не заметят?

— Сидим здесь, как жулики, — шептал в ухо комиссар.

— Почему жулики, а может быть, по нужде присели, — огрызнулся Самчук.

Минут через пять тронулся соседний эшелон, а за ним почти сразу их, санитарный.

— Ну вот, первый этап плана побега состоялся, — констатировал комиссар, — теперь осталось за немногим — уговорить коменданта отправить в Москву, — и они устало зашагали в станционное здание. Им повезло. Рассказ о том, что они офицеры, отстали от своего поезда, что им срочно необходимо прибыть в Москву за новым назначением показался коменданту правдоподобным. Проверив документы, пообещал с ближайшим поездом отправить в Москву.

Так Самчук прибыл «зайцем» в столицу, списался со своим адъютантом, попросил привезти обмундирование, помочь добраться до дивизии. И вскоре получил ответ, что его встретят в Саратове. Но в управлении кадров Самчук понял, что его планы возвращения в дивизию рушатся, как карточный домик. Как ни

уговаривал он беседовавшего с ним полковника, тот выдал ему документы с предписанием явиться в другую часть.

Сердитый, раздосадованный, бродил по суровой Москве молодой, коренастый майор, тяжело опираясь на палочку, изредка морщась от боли в раненой ноге. Потом, словно окончательно решив что-то важное для себя, чертыхнулся и решительно поехал на Павелецкий вокзал. Здесь правдой-неправдой, ему одному известной, пробился в эшелон, отходивший в нужном направлении. Уже сидя в вагоне, ухмыльнулся себе под нос, вспомнив последний телефонный звонок из автомата в управление кадров. Услышав голос знакомого полковника, Самчук попросил, чтобы его не считали дезертиром и что воевать он будет в своей дивизии. Сказав это, моментально положил трубку. И вот сейчас, усталый и довольный, он дремал под стук колес увозившего на фронт поезда, представляя, как его будут встречать однополчане, как обрадуется молчаливый, сдержанный Долгов, сменивший его на посту командира полка.

8

Не всем в эту тревожную сентябрьскую ночь пришлось вздремнуть. Не спал командующий Чуйков, с телефонной трубкой в руке сидел напряженный Родимцев, деловито отдавал последние приказания перед броском через Волгу майор Долгов. Конечно, он знал, что на том берегу уже сражаются его боевые друзья, что они в обиду его не дадут, но дело в том, что переправляться полку предстояло не в центре города, где гвардейцы уже отбили ряд улиц, а правее, в районе завода «Красный Октябрь», идти штурмом на Мамаев курган, с высоты которого они будут у немцев как на ладони от начала переправы и до ее конца.

Командир полка вызвал комбатов. Все трое стояли перед ним в плащ-палатках, зеленых касках, с автоматами на груди. Молодые, ладные, стройные, как на подбор. Скажи кому, что младшему комбату девятнадцать, — не поверит. Вот они — Кирин, Исаков, Мощенко — уверенные. Они уже знают, что двум из них — Исакову и Кирину — брать Мамаев курган. Мощенко должен наступать в направлении оврага Долгий.

— Ну что, ребята, готовы? — как-то по-домашнему обратился к ним Долгов.

— К переправе готовы, — доложили комбаты.

— Вот и хорошо, тогда поехали. — Он сказал это так, словно полку предстояла не тяжелейшая переправа под смертельным вражеским огнем, не жесточайшая атака с ходу, а безобидная прогулка на моторных лодках.

— Есть, товарищ майор, — спокойно ответили комбаты.

И опять, в который раз, пошли в огненное пекло бронированные «Кавасаки», перебрасывая в сражавшийся город гвардейцев. Нервно ходил по штабу комдив, то и дело посматривая на часы. Он знал, что по времени полк уже на воде, идет в город. Но настораживало относительное спокойствие в том районе. Конечно, они уже привыкли к грохоту разрывов, визгу пулеметных очередей, карканью взрывающихся гранат, но то, что в районе переправы особой суеты не было, это и радовало, и настораживало. Только когда радист, ловивший «свою волну», громко доложил: «Товарищ полковник, вас вызывает Долгов», комдив сразу успокоился.

— Ну, что там у тебя, как прогулка прошла?

— Полк переправу закончил. Два батальона сосредоточились у подножия высоты 102,0.

— Добро.

По приказу командующего армией Чуйкова переправившийся полк должна была при наступлении поддерживать танковая бригада. Но, по словам Долгова, ни у переправы, ни у высоты танкистов они не встретили.

— Потерялись наши помощники, — грустно пошутил майор.

Комдив понял, что за горькой иронией скрывалось большее. Долгов словно спрашивал: как быть с атакой? Начинать или отменять? Родимцев взглянул на часы: до начала штурма Мамаева кургана оставалось десять минут. Он понимал, что поднимать людей в атаку, не имея за спиной артиллерии, не получив танковой поддержки, можно, только рассчитывая на чудо. В то же время ждать, искать замешкавшихся в этом аду танкистов смерти подобно. С рассветом немцы обнаружат залегшие у подножия батальоны и расстреляют их. Конечно, комдив мог приказать Долгову начать атаку, он имел на это право, но хотел, чтобы тот сам решил, ведь, может быть, именно в такие минуты и рождается настоящий командир. Вот почему полковник, подождав секунду, вторую, спокойно спросил:

— Какое твое решение?

Теперь уже там, на другой стороне, воцарилась секундная тишина, потом хрипловатый голос уверенно пробасил:

— Принял решение наступать.

— Поддерживаю, ждите завтра в гости на этой чертовой высоте.

9

С наблюдательного пункта дивизии Родимцев увидел, как от подножия Мамаева кургана взмыла в предутреннюю промозглую пелену красная ракета. И пошло. Ожил весь четырехкилометровый передний край обороны дивизии, заревел, заговорил, заохал, застонал. Особенно разъярился Мамаев курган. Сплошной гул стоял над высотой, клубы дыма и гари, комья перепаханной снарядами земли висели в воздухе. Комдив вызвал на связь командиров полков — Елина и Панихина.

— Долгов начал работать. Поддержите его своими действиями. Напомните фрицам, что им еще и центр держать надо. А тридцать девятый в долгу не останется.

Подняться бегом на вершину Мамаева кургана просто так, без военной амуниции, без опасности, что любой кусок осколка, пуля снайпера или очередь пулемета опрокинет тебя навзничь, под силу лишь хорошо тренированному спортсмену. А как быть, когда на тебе тяжелые кирзовые сапоги, промокшая в волжской воде длиннополая шинель, вещмешок с запасными дисками, автомат, ручной пулемет или, еще хуже, противотанковое ружье? И когда ты ежесекундно, ежеминутно находишься под прицелом залегшего на вершине врага, врага, который ловит тебя на мушку из бетонированных дотов, поливает, не щадя патронов, из крупнокалиберных пулеметов, норовит, словно куропатку, накрыть разрывами мин?

Холодок пробежал по спине девятнадцатилетнего комбата Исакова, когда он в бинокль намечал лучший маршрут для атаки вершины кургана. «Лучший!» Разве в этом аду может быть лучше или хуже, здесь везде гуляет смерть — от вершины до подножия. «Как там Кирин? — подумал комбат о своем друге. — Тоже небось примеряется. Интересно, а ему страшно или нет сейчас?» В этот миг он увидел полыхнувшую в небе красную ракету. И все посторонние мысли мгновенно улетучились. Теперь мозг работал только в одном направлении: «Вперед, только вперед». И они рванулись от самого подножия к вершине кургана — два батальона 39-го полка. Поднялись вместе, в одном порыве, и Кирин, и Исаков, будто боялись опоздать, отстать друг от друга. Батальоны обтекали курган с двух флангов. Шквал огня обрушился на гвардейцев. На ходу Исаков обратил внимание, как безостановочно и безнаказанно косил огнем своих крупнокалиберных пулеметов огромный бетонированный дот, а чуть левее и выше рыжий бугорок с каким-то причудливым козырьком, ухая и повизгивая, выплевывал мину за миной. Один

за другим падали гвардейцы. Раненые подымались и шли, ползли к вершине огнедышащего кургана. «Что же будет с батальоном? — обожгла мысль комбата. — Ведь так все погибнем». И он отдал команду залечь, закрепиться на занятом рубеже. Краем глаза видел, как приостановил движение, залег в мелком кустарнике батальон Кирина. «Правильно, — разгоряченный стремительной атакой, одобрительно подумал Исаков. — Ничего, сейчас осмотримся, отдышимся и пойдем снова. Вот только бы этот чертов дот ликвидировать, как кость поганая в горле торчит». Его мысли будто услышали артиллеристы капитана Быкова, расположившиеся недалеко у подножия высоты. Во время атаки они не могли помочь, так как расстояние от наших до передовых вражеских траншей было минимальное, слишком велика была опасность угодить в своих. И лишь сейчас, когда батальоны залегли, они получили «добро» командира полка «пособить ребяткам и распотрошить дот и минометную батарею». И Быков блестяще выполнил просьбу. Меткими залпами его артиллеристы заставили замолчать дот. Теперь подошла очередь вражеской минометной батареи. Как только комья земли разворотили бугорок с козырьком, батальоны вновь поднялись в атаку. На этот раз их ничего не могло остановить. Даже те, у кого кончились патроны, шли вперед. Гвардейцы врывались в траншеи, сходились с врагом в рукопашных схватках.

К середине дня Мамаев курган был в наших руках. Комдив весь день провел в подразделениях полков Елина и Панихина, которые делали все, чтобы отвлечь силы врага, не допустить переброски подкрепления к высоте 102,0. Только к вечеру, когда бои приутихли, Родимцев добрался до батальонов, штурмовавших Мамаев курган. В штабе полка он не застал Долгова. Как сообщил комиссар, командиры батальонов и все командиры рот на вершине. Комдив со своими сопровождающими отправился искать победителей. Много успевший повидать за годы своей службы комдив Родимцев был ошеломлен увиденной картиной только что закончившегося штурма, пока поднимался на вершину Мамаева кургана. Повсюду, почти через каждый метр, встречались трупы вражеских и наших бойцов, развороченные пулеметные гнезда, винтовочные гильзы звенели под ногами, повсюду валялись разбитые автоматы, винтовки, пробитые каски. Нередко можно было видеть убитых гвардейцев рядом со своим поверженным врагом, настигнутых смертью в рукопашной схватке.

Уже наверху комдив увидел большую группу воинов, стоявших полукругом. Что-то говорил Долгов. Затем воины

подняли вверх боевое оружие, прогремел прощальный залп. Комдив понял, что гвардейцы прощаются со своими боевыми товарищами. В первую братскую могилу, отрытую здесь, на вершине Мамаева кургана, легли первые погибшие гвардейцы 39-го полка.

По докладу майора Долгова комдив понял, что потери полк понес большие. Понял он и то, что оставшимися силами удержать захваченный курган будет почти невозможно. Надо срочно подбросить сюда подкрепление. А что немцы попытаются во что бы то ни стало вернуть утраченные позиции, он не сомневался. Родимцев попросил собрать командиров батальонов и рот. Здесь, на развалинах разбитого дота, комдив встретил победителей. Явились Кирин, Исаков, но многих командиров рот не досчитались. Не всем удалось дойти до вершины. Родимцев поздравил гвардейцев с победой, обещал к утру подкрепление, сказал, что есть договоренность с артиллерией, оставшейся на том берегу, установлен контакт с авиацией. И, когда повеселевшие командиры попросили разрешения закурить и, получив его, потянулись за папиросами, полковник сурово обратился к комбатам:

— Значит, атаки возглавляли лично?

— Так точно, — бодро ответили молодые офицеры, чувствуя себя людьми, честно и добротно выполнившими трудную работу.

— В передних цепях? — допытывался комдив.

Почувствовав что-то неладное в тоне Родимцева, комбаты, уже менее уверенные, рапортовали:

— Воинский долг повелевал.

Вот этот ответ, видно, совсем не понравился комдиву. Всегда спокойный, уравновешенный, он принялся отчитывать молодых комбатов, совсем еще юнцов:

— А если бы первая же пуля вот тебя, например, Кирин, поцеловала в лоб или тебя, Исаков, шлепнула, кто бы батальонами командовал, кто бойцов в бой повел, кто за их жизни отвечать стал? «Ура» кричать мало, надо командовать учиться. Вон видели, сколько сейчас в братскую могилу ребят положили? А вы думаете, что немец со страху в штаны наложил и теперь к вам носа не сунет? Ошибаетесь, сегодня были цветочки, самое страшное впереди. Так что воевать надо учиться.

Выговорившись, уже более добродушно обратился к Долгову:

— А за храбрость, за удаль спасибо. По-моему, ребята твои по чарке заслужили.

— Да, мы тоже так считаем, — повеселели командиры.

— Вопросы есть? — стал прощаться полковник.

— Есть. Вот вы нас ругали, а сами через несколько часов

после боя в самое пекло, на Мамаев курган прибыли… — Под дружный смех обратился к комдиву Кирин.

— А мне полагается, — парировал полковник. — Высота большая, отсюда всю дивизию видно, да не только дивизию, всю армию. Так что держитесь, к вам еще и командарм прикатит. — И не успел он закончить фразу, как увидел, что почти все бойцы повернулись к скату высоты, по которому карабкались три фигурки.

— Никак, уже идет, командарм-то, — в нерешительности пробасил усатый боец.

— Да нет, Чуйков повыше будет, да и форма у этого какая-то не генеральская.

Пока судили-рядили, фигурки карабкавшихся выползли на бугор, и остроглазый Исаков радостно закричал:

— Да это Самчук, ей-богу, Самчук.

Исаков оказался прав. Через несколько минут Самчук оказался в объятиях друзей. Когда восторги поостыли, Родимцев, показывая на палку, на которую, сильно хромая, опирался Самчук, спросил:

— Ты что же, этой клюкой собираешься фрица наяривать? И вообще, как ты здесь оказался, почему не в госпитале?

И Самчук, не скрывая, рассказал, как сбежал из санитарного поезда, как не выполнил предписание отдела кадров явиться в другую часть, как верный адъютант привез в Саратов обмундирование, а затем, минуя посты, они пробрались в Сталинград.

— Да ты же и его, адъютанта, и себя, и меня под трибунал подведешь, — не то осуждая, не то одобряя, спокойно ответил Родимцев.

— Живы будем — не помрем. Разрешите, товарищ полковник, принять родной полк?

— Принимай, не без работы же тебе здесь быть, если приехал, а завтра ко мне в штаб, будем искать твои документы, с кадровиками утрясать.

Так Самчук после ранения вернулся в дивизию.

10

За полночь Родимцев вернулся в штаб дивизии. Хотя он был доволен итогами дня, но хорошо понимал, что временные неудачи на отдельных участках только подхлестнут гитлеровцев, заставят предпринять все возможное, чтобы вернуть утраченные позиции. Впрочем, положение дивизии, только-только зацепившейся за волжский кусочек берега, оставалось чрезвычайно тяжелым. В окружении оказался полк Елина, большие потери при взятии Мамаева кургана понес полк Долгова, в центральных и заводских районах завязли подразделения полка Панихина. Единственный резерв дивизии — саперный батальон. Нет артиллерийской поддержки. Авиация при таком близком соприкосновении лишена возможности эффективно помочь гвардейцам. Конечно, фашистское командование понимает — сбрось они в Волгу дивизию Родимцева, и город в их руках, выход к мощной водной артерии открыт. Начальник штаба доложил последние разведданные. Гитлеровцы сосредоточили на узком участке две дивизии, около ста танков, в их распоряжении самолеты, артиллерия.

Разговор с начальником штаба прервал телефонный звонок. Вызывал командующий армией Чуйков.

— Родимцев, завтра с утра поможем. И в первую очередь Федосееву.

— Спасибо, товарищ генерал. Еще у Долгова большие потери.

— Я сказал — поможем завтра. Все. — И он положил трубку.

— Да уж, конечно, как не беспокоиться. Тоже небось нелегко: голову прикроет — ноги голые, ноги прикроет — голова наружу. Ну, ничего, потерпим, не всегда же нам так бедствовать.

Комдив взглянул на часы. Стрелка показывала второй час ночи.

— Ложись, Тихон Владимирович. Давай хоть полчасика вздремнем, а то ведь наверняка гады спозаранку попрут.

Предчувствия полковника не обманули. Чуть забрезжил рассвет, как гитлеровцы при мощной поддержке артиллерии, минометов и авиации перешли в наступление, решив сбросить гвардейцев в Волгу. До вечера не утихала смертоносная канонада. Немцы были пунктуальны. Через каждые четверть часа на боевые порядки дивизии пикировали фашистские стервятники и сбрасывали тонны бомб. Несмотря на многочисленные потери, скрежеща гусеницами, ведя безостановочный огонь на ходу из пушек и пулеметов, на позиции гвардейцев надвигались танки. Но гвардейцы не только защищались, но и, где возможно,

переходили в контратаки. Улучшил свои позиции в центре города полк Елина, успешно отражали атаки озверевших гитлеровцев гвардейцы Панихина. Как и предполагал комдив, тяжело пришлось защитникам Мамаева кургана. Здесь фрицы сосредоточили несколько батальонов пехоты и более двадцати танков. Шесть раз в течение дня фашисты пытались сбить подразделения гвардейцев с высоты и каждый раз убирались восвояси, устилая склоны кургана трупами своих солдат и офицеров. Помогала сегодня гвардейцам с другого берега Волги и наша тяжелая артиллерия. Контролируя высоту 102,0, артиллерийские разведчики успешно корректировали огонь батарей.

В разгар дня Родимцеву позвонил Елин, доложил, что связь с батальоном Федосеева прервана. По интенсивному ружейно-пулеметному огню, взрывам гранат, налетам вражеской авиации командир был уверен, что вокзал пока в наших руках. Комдив приказал немедленно послать на связь с батальоном группу разведчиков. Когда прошло условленное время и разведчики не вернулись, Родимцев снарядил к вокзалу единственный, бывший у него в резерве тяжелый танк КВ с группой бойцов. Но и эта попытка прорваться к окруженному батальону оказалась безуспешной. И тогда комдив пошел на крайнюю меру. Он вызвал по рации майора Долгова:

— Слушай, майор! Немедленно сними батальон Кирина с Мамаева кургана и поверни в сторону вокзала, разверни в том же направлении батальон Мощенко.

— Товарищ Полковник… — начал было командир полка.

— Все, понял меня! Оборону кургана поручи батальону Исакова, оставь ему еще одну роту.

Связь оборвалась.

11

Уже месяц, зацепившись на крутых волжских скатах, в разбитых домах и заводских цехах держались гвардейцы. Как ни бесновались гитлеровцы, сколько ни обрушивали на головы защитников бомб, снарядов, мин, они не смогли опрокинуть гвардейцев в Волгу и вернуть захваченные у них позиции. Части противника несли большие потери и, самое главное, изматывались, все более и более втягиваясь в изнурительные, длительные бои, что совсем не входило в гитлеровские планы.

Гвардейцы все четче налаживали свой армейский быт. В прибрежных оврагах, штольнях организовали полевые госпитали, наладили доставку питания, боеприпасов. А в конце сентября для защитников настал большой праздник. В дивизию прибыло первое пополнение — почти тысяча бойцов. Гвардейцам стало полегче. Вскоре из штаба армии пришло еще одно доброе известие. Командарм сообщал, что по инициативе горкома комсомола сформирован добровольческий отряд численностью около пятисот комсомольцев, которым предстояло пополнить ряды 13-й дивизии.

На следующий день недалеко от переправы, в хорошо защищенном огромным скатом овраге построил комдив новобранцев. Вот они стоят перед ним — парнишки семнадцати — восемнадцати лет. «Небось и побриться ни разу не успели», — полковник медленно шел вдоль строя молодых новобранцев, пристально вглядываясь в их лица. А они, эти ребята, выросшие на берегах Волги, мечтавшие стать учеными, конструкторами, инженерами, рабочими, журналистами, широко открытыми глазами смотрели на того, кто обходил их строй. Не таким представляли они увидеть легендарного комдива 13-й дивизии Родимцева, имя которого почти каждый раз передавалось в сводках Информбюро. Ребята ожидали увидеть двухметрового гиганта, в генеральской форме с красными лампасами, с пистолетом на ремне, в фуражке с золотой кокардой. А перед ними ходил небольшого роста, коренастый человек и задумчиво, как-то хитровато щурил карие, уставшие глаза, человек в солдатском бушлате и в солдатской потертой пилотке. И совсем уж парней смутило, что комдив держал на руках обыкновенную серую кошку.

«И что я с ними делать буду? — удрученно казнил себя комдив. — Им бы за партой сидеть, а мы их в такое пекло». Обойдя строй, он остановился у правого фланга, бережно передал кошку ординарцу, не спеша расстегнул солдатский бушлат,

потянулся в карман за «Казбеком». Стоявший против него высокий, худощавый парнишка неожиданно вытянул вперед длинную тощую шею и весь подался вперед. Глаза его широко, изумленно застыли на груди полковника. Родимцев даже опешил:

— Тебе что, плохо?

— Покажите, товарищ командир, — как-то по-мальчишески вымолвил новобранец.

— Чего тебе показать, кино, что ли, как немцы наступают?

— Звезду покажите.

И тут командир понял: когда он расстегнул бушлат, «пацаны», стоявшие перед ним, увидели на гимнастерке Золотую Звезду Героя, ту самую, которую он получил за бои в Испании.

— Я тебе что, картинная галерея, чтобы меня разглядывать?

— Покажите, покажите… — послышались вначале робкие, а затем более настойчивые просьбы из строя новобранцев.

— Да покажи ты им, Александр Ильич, — тихо шепнул только что прибывший в дивизию комиссар Вавилов.

И недовольный, что ему приходится заниматься каким-то непривычным делом, Родимцев развернул полу бушлата. Комиссар увидел, как заблестели глаза молодых бойцов, в трудную минуту вставших на защиту Родины. Еще бы, перед ними стоял самый настоящий, живой Герой Советского Союза, с орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени.

— Вот это да! — раздался восхищенный возглас из строя.

— На этом хватит, — снова посуровел взгляд комдива. — Бои предстоят тяжелые, слишком тяжелые. Верю — вы не дрогнете…

Комдив снова пошел вдоль строя, расспрашивая новобранцев, кто где проходил военную подготовку, из какого оружия может стрелять. В этот же день бойцы из добровольного отряда были распределены в подразделения дивизии.

Возвратившись к себе, Родимцев принялся изучать оперативную карту, которую составил начальник штаба. Он медленно водил карандашом по карте, шепча что-то под нос, время от времени отхлебывая из кружки остывший чай. Вошел ординарец, стал настойчиво предлагать поужинать. Комдив вначале отнекивался, а затем согласился:

— Неси свою тушенку, только хлеба хоть немного достань.

Но не успел мигом обернувшийся адъютант поставить на стол горячую миску, как в штаб вошла любимица дивизии сандружинница Маша Боровиченко.

— Товарищ полковник, — взволнованно начала она, — там к вам какой-то раненый просится, буянит, отказывается в госпиталь, о каком-то донесении бубнит.

— Разберись, — устало приказал Родимцев адъютанту. Но тут

же изменил решение: — Или нет, давай его сюда.

Через секунду в штаб протиснулся в оборванном, испачканном обмундировании, огромного роста, косая сажень в плечах красноармеец. Голова и правая рука были у него забинтованы. Вошедший еле стоял на ногах, его покачивало. По команде полковника адъютант усадил вошедшего на самодельный табурет.

— Из роты Кравцова я, младший сержант. С донесением к комбату Федосееву.

Последние слова заставили комдива подняться.

— Давай, — только и выдохнул он.

Слова, написанные наспех чернильным карандашом на обрывке затертого листка, больно отдавались в сердце комдива:

«Донесение. Гвардии старшему лейтенанту Федосееву.

Доношу, обстановка следующая:

Противник старается всеми силами окружить роту, заслать в тыл автоматчиков, но все его попытки не имеют успеха. Несмотря на превосходящие силы противника, наши бойцы и командиры проявляют мужество и героизм. Пока через мой труп не пройдут — не будет успеха у фрицев. Гвардейцы не отступают. Пусть падут смертью храбрых бойцы и командиры, но противник не должен перейти нашу оборону. Командир третьей роты находится в трудном положении, на слух оглушен и ослаб. Приходит головокружение и падает с ног, происходит кровотечение из носа. Несмотря на все трудности, гвардейцы и лично третья и вторая роты не отступят. Да будет немцам могилою Советская земля!

Командир третьей стрелковой роты — гвардии лейтенант Колеганов. Командир второй роты — лейтенант Кравцов».

Закончив читать донесение командиров рот, которые удерживали здание железнодорожного вокзала, комдив обернулся к отрешенно сидевшему на табурете бойцу.

— Так ведь донесение комбату Федосееву предназначено, а ты мне принес?

— Комбату я доставил, но он к вам послал с ним.

И боец рассказал, что с ним произошло. Оказывается, в этот злополучный день, отбив очередную атаку фашистов, во время короткой передышки они написали донесение комбату Федосееву и приказали бойцу доставить его по назначению. Но когда храбрецу чудом удалось проскочить в подвал здания универмага, гитлеровцы блокировали его, надеясь взять в плен штаб батальона. Старший лейтенант Федосеев собрал все, что у него оставалось — человек двадцать с хозвзводом, организовал круговую оборону. Несколько часов сдерживал натиск врага штаб батальона — выручили гранаты. Увидев ожесточенный бой вокруг

универмага и поняв, в какую беду попал штаб батальона, в свою последнюю атаку пошли командиры рот Колеганов и Кравцов, под началом которых едва ли уже насчитывался один взвод. И они пробились сквозь цепи озверевших гитлеровцев. Федосеев подозвал к себе бойца и приказал «живым или мертвым», но доставить донесение комдиву. «Передай лично в руки, — наставлял бойца Федосеев, — а нам теперь не до бумаг».

Комдив понял, что первого батальона больше не существует. Командиры Федосеев, Колеганов, Кравцов выполнили клятву гвардейцев — стоять насмерть. Едва дослушав бойца, Родимцев, не мешкая, отдал приказ начальнику штаба:

— Прикажи Горлову, чтобы он со своими саперами занял оборону на левом берегу Царицы.

Спокойный, уравновешенный начальник штаба дивизии Тихон Владимирович Бельский внимательно посмотрел на комдива. Уж он-то знал, что саперный батальон — последний резерв комдива. Да и как мог поступить Родимцев иначе, когда левый фланг дивизии был сейчас открытым. К началу сентября передний край дивизии составлял около семи километров. Гвардейцы получили приказ вести активную оборону, прочно удерживать занятые рубежи.

12

Комдив избрал своим наблюдательным пунктом стоящее почти на откосе старинное, прочное здание мельницы. Отсюда хорошо просматривался центр города, основные опорные пункты гитлеровцев, дома, которые захватили гвардейцы. Здание мельницы было сильно разрушено, окна зловеще зияли черными проемами выбитых стекол, маршевые переходы во многих местах разрушены. И все же старинная кладка хорошо предохраняла от пулеметных очередей, мин, артиллерийских снарядов. Даже многочисленные попытки фашистских стервятников уничтожить мельницу с воздуха ни к чему не привели. Назло фрицам она продолжала стоять на берегу волжского откоса.

Со своего наблюдательного пункта комдив регулярно изучал передний край дивизии. Вот и сейчас, во время одного из своих наблюдений, он обратил внимание на небольшой четырехэтажный дом, выходивший торцом на площадь Девятого января. Эта площадь давно стала эпицентром борьбы двух противоборствующих сторон. Здания, окружавшие ее, служили мощными опорными пунктами, настоящими дотами. А сейчас, когда дивизия перешла к активной обороне, борьба за центр города превратилась в борьбу за каждый дом. Особо опасными и стратегически важными комдив считал несколько — Госбанк, Дом железнодорожников, г-образный дом, «дом со скворечней», пивзавод. Каждый из них представлял крепкий орешек. Возьми их — и город практически в твоих руках. Пытались брать, да неудачно, а людей теряли много. Долгое время, словно огненная плотина, стояло перед гвардейцами массивное, с метровой толщиной стен, глубокими подвалами в четверть километра здание Госбанка. Отсюда гитлеровцы просматривали и контролировали всю центральную переправу и большой участок восточного берега Волги. Немцы хорошо понимали и надежно укрепили здание. По данным разведчиков Госбанк обороняла рота фашистов с шестью ручными и несколькими крупнокалиберными пулеметами, в их распоряжении были и минометы, и даже пушка.

Несколько раз гвардейцы штурмовали здание, но немцы всегда оказывались начеку. Никак не могли осаждающие подобрать ключ к этому опорному пункту.

Дело в том, что все двери Госбанка выходили в тыл к врагу и, естественно, пробраться к ним не было возможности. Окна, выходившие фронтом к гвардейцам, представляли хорошо подготовленные бойницы настоящих дотов. И тогда

командование приняло решение взорвать угол дома и в образовавшуюся пробоину бросить штурмовую группу. Все шло по плану. Ночью шестеро саперов, незаметно по-пластунски подобравшись к углу здания, заложили шестнадцать пудов взрывчатки. Скоро раздался долгожданный оглушительный взрыв, молнией сверкнул ослепительный всплеск огня. И едва осела пыль, в образовавшуюся брешь, к проему, бросились две группы гвардейцев. И тут же, словно гигантская люстра, вспыхнуло ослепительное зарево над зданием — немцы осветили Госбанк ракетами, открыли ураганный огонь. Лишь немногим удалось проскочить вовнутрь. Теперь в здании находились и немцы, и наши. Комдив был недоволен результатами штурма — слишком велики оказались потери. Гвардейцы потеряли половину штурмовой группы.

Потом была попытка взять штурмом г-образное здание. Опять были выделены две штурмовые группы численностью около двадцати пяти человек. Перед началом атаки в течение двух часов батарея тяжелых гаубиц вела огонь на разрушение здания, пытаясь уничтожить его огневые точки. Но и этот штурм оказался безуспешным. Гвардейцы снова понесли большие потери. Артиллеристы сумели сильно разрушить само здание, но не смогли подавить огневую силу врага. Боевые действия здесь пришлось приостановить.

Для того чтобы взять Дом железнодорожников, гвардейцы готовились уже двенадцать дней. Саперы дивизии в ночное время проложили под зданием почти сорокаметровую шахтно-минную галерею, заложили в нее три тысячи килограммов взрывчатки. Казалось, все было предусмотрено заранее. Но после оглушительного взрыва, потрясшего всю округу, наших солдат встретил огонь уцелевших огневых точек, оборудованных в подвальных помещениях.

Вспоминая эти неудачные вылазки своих бойцов, Родимцев продолжал рассматривать заинтересовавший его небольшой четырехэтажный дом. Этот дом, расположенный метрах в двухстах от его мельницы, остался почему-то забытым. Может быть, потому, что он тихий какой-то? Но место занимает приличное, и брать его будет полегче. Возьми его, и дивизия получит отличный опорный — пункт. И стоит он на площади как диспетчер — обстрел можно вести на все четыре стороны.

— Слушай, Бакай, — спросил он у командира разведчиков, — что это за домик, там, слева?

— Это тот, что торцом стоит к площади?

— Он самый, четырехэтажный. Огурчик, а не дом, на нейтральной полосе стоит.

Бакай замялся, стыдясь признаться, что и он, которому по должности полагалось все знать о противнике, сбросил со счетов этот дом.

— Ну, что ты молчишь? — продолжая разглядывать здание в бинокль, спросил комдив. — Не знаешь, спроси Елина, его ведь участок.

Бакай довольно быстро связался с Елиным, но и тот не мог ответить, чей дом; наш или немецкий, обещал через несколько минут узнать у командира батальона капитана Жукова. Но, как оказалось, ни командир батальона капитан Жуков, ни командир роты старший лейтенант Наумов твердо ответить на вопрос «чей дом?» не могли. И все же что-то удалось узнать. По данным командира роты дом нам не принадлежит, значительного скопления фрицев в нем не отмечается, но кто-то оттуда изредка постреливает.

— Нехорошо, товарищ Бакай, — полушутя-полусерьезно обратился комдив к разведчику. — Что же это, дом на нейтральной территории, а мы стесняемся в нем поселиться? — И он приказал Бакаю и Наумову организовать разведку заинтересовавшего его дома.

Наумов молча кивнул головой и призадумался. Рота его, пожалуй, насчитывала едва половину состава. Еще сегодня утром старшина жаловался, что если так дело пойдет, то завтра ему кормить будет некого, и махорку придется одному курить, хотя он «эту гадость отродясь в рот не брал». Да и оставшаяся половина бойцов Наумова была при деле. А на такое задание не просто бойца, а хотя бы сержанта опытного послать надо. Поразмыслив, перебрав по пальцам оставшихся в живых младших командиров, он остановился на сержанте Павлове. Командиру роты запомнился этот небольшого роста крепыш, смекалистый, самостоятельный и хозяйственный сержант. Молчаливый, как и сам командир, на вопрос не сразу ответит. Все обмозгует, прикинет, словно на весах взвешивает, а затем уж свое мнение выскажет. Выскажет и уж потом от него не отступится.

Наумов вызвал к себе на наблюдательный пункт сержанта Павлова. А надо сказать, что КП командира роты находился в том же здании, что и НП комдива. Только Родимцев располагался на третьем этаже, а Наумов на первом. Такие уж бои шли в Сталинграде, что и комдив, и комроты вынуждены были располагаться рядом, в двухстах метрах от передовой.

Худощавый, перепачканный известковой пылью, в полной амуниции явился сержант к командиру роты. Тот молча сунул ему в руки бинокль.

— Смотри, чуть левее, впереди дом стоит. — Увидев, что тот

высоко задирает голову, досадливо подсказал: — Куда ты размахнулся, под носом смотри, метров на двести впереди.

— Вижу, четырехэтажный.

— Он самый. Приказано узнать, кто в тереме живет. — Наумов показал пальцем на потолок, подчеркивая, что приказ самого комдива.

— Когда идти?

— Как стемнеет. Могу выделить в помощь только троих. Выбирай сам.

Павлов не сразу назвал тех, кого возьмет с собой. Лишь через час доложил фамилии разведчиков. Когда он назвал рядовых Черноголова и Александрова, командир роты удивленно поднял глаза:

— Молоды ведь, да и опыта боевого маловато.

— Смекалкой да находчивостью природа их одарила, — стал объяснять свой выбор сержант. — Выдержка, опять же, имеется, решительность — упрямые парни.

— Тебе виднее, а третий?

— Ефрейтор Глущенко.

— Опыт и молодость соединить хочешь?

— И это тоже. Да вы не смотрите, что Глущенко не молод, грузноват. Это внешне, а когда надобность в ловкости да в сноровке, любого молодого обставит. К тому же две войны за плечами: первая мировая и гражданская.

— Судя по всему, сержант, ты все обмозговал. Давай, действуй, решай по обстановке, положение наше знаешь. И вот еще. Если удастся «поселиться» в доме, немедленно дай сигнал: две красные ракеты.

Здесь же, на мельнице, Павлов устроил смотр своей команде. Молодые ребята Черноголов и Александров рассовали по карманам выпрошенные у однополчан дополнительные гранаты «лимонки», набивали вещмешки запасными дисками. Они собирались молча, изредка перекидываясь острой шуткой.

— Ты, Николай, какой этаж арендуешь? — допытывался у друга Александров. — Небось солнечную сторону, с видом на фрицев?

Глущенко, набивая махоркой кисет, так, что он вот-вот лопнет, добродушно улыбался в рыжеватые усы. Он хорошо знал этих молодых, энергичных хлопцев. Ничего, что молодые, пороху уже успели понюхать. В глубине души он был доволен, что Павлов отобрал именно их для вылазки на нейтральную полосу.

— Василий Сергеевич, у тебя все готово? — не по-уставному обратился сержант к Глущенко.

— Да все на месте; патронов вдоволь, гранаты у ребят чуть из

карманов не валятся, харч взяли, воду, табак захватили, так что к выполнению боевой задачи готовы.

— Ясно. Тогда слушай мою команду: на ремень. — И он первым шагнул в притихшую ночь.

13

Готовясь к вылазке, Павлов вместе с командиром роты внимательно изучили с наблюдательного пункта возможные подходы к загадочному дому. Хотя путь от мельницы до здания не длинный, можно сказать, рукой подать, но опасность поджидала на каждом метре. Снайперы выслеживали каждого бойца, для острастки то и дело пугали минами, пулеметными очередями.

Пройти эти двести метров было совсем не просто. Вот почему путь наметили через соседний двор, развалины заброшенного склада и Пензенскую улицу. Так, согласно выбранному маршруту, и повел Павлов свою команду. Впрочем, сказать «повел» было бы неточно. Они двигались то короткими перебежками, то ползком, по грудам разбитого щебня.

Вспышки осветительных ракет, шальные пулеметные очереди заставляли разведчиков то и дело целовать спасительную землю.

Возле крайнего подъезда наткнулись на огромную поломанную бетонную плиту, неведомо откуда заброшенную сюда. Притихший, общербанный осколками мин и снарядов, с покореженной крышей, таинственный дом настороженно смотрел выбитыми глазницами окон на разведчиков. Удивительно, как в этой огненной чехарде сохранилась парадная дверь. Правда, она висела на одной петле, но все же держалась. «В крайнем случае на растопку пойдет», — почему-то подумал сержант. Прислушались, дом не подавал никаких признаков жизни. Ни малейших шорохов, никаких разговоров, хоть показывай ордер и справляй новоселье. Загадка, да и только. А ведь сунешься — свинцом угостят.

Павлов принял решение: войдя в здание, Глущенко и Александров затаятся внизу, в подъезде, а он вместе с Черноголовом начнут обследовать этажи. В случае необходимости Глущенко с напарником могут быстро прийти на помощь.

Осторожно поднялись по лестнице, остановились у входа в первую квартиру. Павлов решительно толкнул дверь, прыжком вскочил в квартиру, шагнул вправо. Буквально в след за ним Черноголов. В квартире никого не было. Тишина, только ветер, врывавшийся в разбитые окна, с шумом, с присвистом гулял по квартире, гонял обрывки бумаг.

— Фу, аж взмок, — проговорил Черноголов. — А еще сколько этажей проверять, да и подъезд не один.

— Ничего, работа не пыльная. Если все квартиры такие сиротливые, считай, нам повезло.

Квартиру за квартирой обследовали весь подъезд и никого не встретили, ни одной души не обнаружили. Внизу их с нетерпением ждали Глущенко и Александров.

— Ну, что там?

— Пусто.

— А может, немцев вообще здесь нет? — высказался Черноголов.

— Вряд ли, — засомневался опытный Глущенко. — Не такие фрицы дураки, чтобы такой выгодный рубеж без присмотра оставлять.

— Ну, хватит дискуссию разводить, надо вторую секцию обследовать.

Тактика была прежней. Глущенко и Александров блокируют подъезд, Павлов и Черноголов ведут разведку квартир. На этот раз действовали решительнее, но так же осторожно. И не напрасно. Едва поднялись на лестничную площадку, ступая по битой штукатурке, как за дверью услышали приглушенный говор чужой речи, позвякивание металлических предметов. «Тушенку в котелке ложкой шарпают», — подумал Павлов. И задумался, как поступить. Сейчас от его решения зависело многое. «Сколько фрицев в квартире? Ну ладно, если их с десяток, то справимся, — размышлял сержант. — А если их на каждом этаже натыкано, да еще и в подвале? Ну, ворвемся в одну квартиру, выбьем их оттуда и окажемся в западне. И сами погибнем, и задачу не выполним. А если только одна квартира занята — какой отличный шанс упустим».

— Ну, решай, сержант, — услышал он шепот Черноголова.

— Будем брать. Действуем, как договорились.

Павлов резко ударил сапогом дверь, и одну за другой метнул две гранаты, затем стремительно ворвался в комнату, длинными очередями из автомата прочесывая ее от угла до угла. Вслед за ним ворвался Черноголов и короткими очередями поддерживал сержанта. Через какое-то мгновенье все стихло. Оглядевшись, разведчики подбежали к окну и увидели в тусклом лунном свете удиравшие сгорбленные фигуры двух фрицев. Достав фонарик, Павлов стал осматривать помещение. В довольно большой квадратной комнате, со стен которой свисали обгоревшие обои, стоял круглый стол, на нем куски недоеденного хлеба, опрокинутый котелок с какой-то бурдой, опрокинутое бархатное кресло, большой жбан с водой. У окна на растопыренных опорах поблескивал пулемет с заправленными лентами. В углу аккуратно сложены короткоствольные автоматы, железные коробки с патронами.

— Не худо, пригодится, — хозяйственно проговорил

Черноголов. — А с этими что делать? — Он указал на распластавшихся у окна двух фашистов.

— Придумаем, — Павлов осторожно вошел в смежную комнату.

— Смотри, как устроились, гады, — заворчал Черноголов, показывая на никелированную кровать с металлическими блямбами, широкую тахту, зеркальный платяной шкаф. С подоконника, распластавшись лицом к улице, свисал труп еще одного завоевателя.

Осмотрев внимательно квартиру, Павлов с напарником прислушались. Никаких подозрительных шорохов, шума на верхних этажах не было. «Неужели всего пять человек дом держали?» — с сомнением подумал сержант. Соблюдая все предосторожности, вместе с Черноголовом они аккуратно, шаг за шагом, обследовали каждый марш лестницы, каждую квартиру во второй секции.

Когда спустились вниз, намаявшиеся от томительной неизвестности друзья набросились на них с вопросами:

— Ну, что там? Чего расшумелись? Или привидение увидели?

— Вон там твои привидения, на полу с простреленной башкой валяются, — невозмутимо отвечал Черноголов, показывая вверх.

— А чего так долго, товарищ сержант? — не унимался молодой боец.

— Скоро только кошки родятся, — охладил пыл своего горячего напарника рассудительный Глущенко.

Воспользовавшись ночной темнотой, разведчики проверили квартиры всех подъездов. Всюду было безлюдно, и только в конце, у входа, их ждала неожиданность. В котельной и подвальном помещении они обнаружили оставшихся жителей дома. Здесь были старики, женщины, несколько раненых бойцов под присмотром санинструктора Калинина, и даже грудной ребенок.

Теперь на разведчиков легла двойная ответственность: решить судьбу мирных жителей, раненых и выполнить задание командования. Как поступить? Конечно, фашисты, которые выскользнули из квартиры, немедленно сообщат своему начальству о происшествии, и те непременно прикажут отбить дом и уж наверняка сил для этого не пожалеют. А что они смогут сделать вчетвером, вооруженные автоматами да ручными гранатами? Правда, есть в полной боевой готовности трофейный пулемет. Но все равно, удержать огромный четырехэтажный дом под носом у фрицев малыми силами может помочь только чудо. Идти к своим, доложить, что дом пустой, можно занимать, —

драгоценное время упустишь. Немцы за это время вселятся да так напичкают его пулеметами, автоматами, что потом придется как Госбанк ковырять. Да ко всему этому из головы сержанта не выходили женщины, старики, раненые, которые ждали их помощи, защиты.

Павлов созвал совет:

— Что будем делать?

— Надо держать оборону дома, — за всех ответил Глущенко. — Позиция для нужд дивизии шибко сподручная — это раз. Население с дитем грудным с нами — это два.

— Дядя Вася, — по-сыновьи поддержал его Александров, — а ведь к нашим можно санинструктора послать. Пусть доложит: мол, так и так, дом сержанта Павлова держится, но нужна подмога, рота, мол, нужна.

— Ну, уж тебе сразу и роту, — пошутил Черноголов. — Сколько смогут, столько и пришлют.

— Значит, все согласны остаться? — подытожил обмен мнениями сержант Павлов. — Тогда время не терпит. Надо готовиться к обороне — гости с утра пожалуют.

И он приказал в окнах оборудовать бойницы, использовав подручный материал: битый кирпич, отопительные батареи, металлолом, матрасы.

Сам лично выбрал для каждого боевую позицию, да не одну, а несколько. Павлов предупредил бойцов, что держать оборону придется с трех сторон.

— Так что придется побегать от окошка к окошку.

Трофейный пулемет он доверил самому опытному — Глущенко. Но приказал беречь патроны, стрелять только в случае большого скопления фрицев.

Отдав необходимые распоряжения, сержант отодрал от стены кусок обоев, достал из кармана огрызок карандаша и не торопясь вывел: «Дом занят, организовал оборону, жду указаний». Явившийся из котельной санинструктор получил приказ доставить записку на мельницу.

— Кому доставить? — переспросил санинструктор.

— Нашим, — сурово отвечал Павлов. — Командиру роты, батальона, полка, хоть самому Родимцеву. Любому, но только доставь, и поскорей.

Уже светало, и немцы начали свою обычную музыку из минометов и артиллерийских орудий. Теперь, отдав все распоряжения, Павлов с трудом поднялся по разбитым маршам на чердак и дал две условные красные ракеты. «Ну, Яшка, держись теперь, — сказал он сам себе, — теперь ты и командующий, и начальник гарнизона, и просто солдат». Едва санинструктор

Калинин выполз в приоткрытую дверь из первого подъезда, как раздался возглас одного из разведчиков:

— Немцы, товарищ сержант.

14

На мельнице всю ночь ждали сигнала от группы Павлова. Комдив часто справлялся о результатах вылазки разведчиков, но каждый раз ему докладывали, что пока сведения не поступали. Ночью слышали короткую перестрелку в том районе, да мало ли в ту ночь стреляли. Автоматные и пулеметные очереди в районе площади, куда торцом выходил злополучный четырехэтажный дом, раздавались постоянно. Родимцев торопил, требовал ускорить разведку, волновались и командир батальона, и командир роты. Нет ничего хуже неизвестности. Попробуй догадайся, что произошло с разведчиками. То ли на мине подорвались, то ли под разрыв снаряда угодили. А может быть, замаскировались возле дома и следят за немцами, оккупировавшими дом.

Всю ночь наблюдатели ждали сигнала от группы Павлова. Но там царила тишина. Только ранним утром, когда город заговорил, заухал разрывами снарядов, затрещал пулеметными и автоматными очередями, командира дивизии срочно позвали к телефону. Звонили с наблюдательного пункта батальона.

— Товарищ комдив, интересующий нас дом атакует большая группа, около роты немцев. По зданию ведется артиллерийский обстрел.

— Что же, они сами своих атакуют? — съязвил Родимцев. — Ты сколько послал человек?

— Четверых.

— И против четверых немцы роту выставили? Сигнал Павлов подавал?

— Нет.

— Жди, скоро прибуду.

Сигнал, две красные ракеты, которые ушли утром в небо одновременно с началом атаки фашистов, ротные наблюдатели просмотрели. Теперь они наблюдали, как через площадь короткими перебежками, рассредоточившись, двигалась в сторону четырехэтажного дома большая группа немцев. Вражескую атаку сопровождал грохочущий гвалт минометной батареи, обстреливающей подступы к утерянному зданию…

— Огонь только по команде, — предупредил Павлов своих бойцов, поудобнее пристраиваясь возле окна.

— Стрелять короткими очередями, беречь патроны.

Когда фашисты достигли середины площади, минометный обстрел прекратился, и противник, поднявшись в цепь, с криком бросился к зданию.

— Огонь!

Команда Павлова слилась с автоматным треском разведчиков. Бойцы стреляли настолько прицельно, что шеренга немцев сразу поредела, но те, не обращая внимания на упавших, продолжали бежать к дому. И самое главное, что насторожило сержанта, одним крылом они стали обтекать здание с торцовой части.

— Александров, дуй на другую сторону, — приказал сержант.

Удачно выбранные позиции и меткий огонь разведчиков заставили наступающих залечь. А когда гвардейцы одиночными выстрелами стали поражать хорошо виднеющиеся на открытой площади фигуры фашистов, те поднялись и побежали назад.

— Так, — вставляя новый диск в автомат, улыбнулся Глущенко, — это вам не к теще на вареники ходить.

— Санинструктор, наверное, уже добрался, скоро подмогу пришлют, — поддержал разговор Черноголов.

— Еще немного нам, ребята, продержаться, свои-то рядом — рукой подать, — поддержал его Павлов.

Они не знали, что санинструктор Калинин лежит совсем рядом, в двадцати метрах от дома. Едва он выполз из подъезда, как рядом просвистели две пули, одна из которых, надо же такому случиться, срезала каблук сапога. «Ну вот, новенькие сапоги гад попортил», — чертыхнулся санинструктор, спрятавшись за бетонированную плиту, и затаился. Когда раздались автоматные очереди наступающих фрицев, он прыжком выскочил из-за укрытия и влетел в ближайшую подворотню. Но выйти из нее долго не мог. Фашисты, обработав минометной батареей полосу для наступления своих солдат, перенесли огонь по другую сторону дома, а перед торцовой частью, той, что выходила к Волге и смотрела в сторону спасительной мельницы, устроили настоящую огневую завесу. Пытаться пробиться через это смертельное сито было бесполезно. И Калинин решил вернуться, посоветоваться с сержантом. Возвращаться назад прежним путем через подъезд он не стал — снайпер наверняка караулит. Пробираясь между обломками каменных плит и булыжников, ему удалось благополучно достигнуть торцовой стены. Здесь, к своей радости, Калинин обнаружил небольшую пробоину. С трудом протиснулся через нее, подбежал к стене, отгораживающей первую секцию, где находились разведчики, застучал прикладом.

— Никак, наши, — обрадовался Глущенко.

— Товарищ сержант, товарищ сержант… — послышался за стеной приглушенный голос. — Это я, Калинин.

Через тридцать минут общими усилиями в стене пробили

дырку и втянули бледного, перемазанного санинструктора.

— Не мог пройти, товарищ сержант — сплошная завеса из мин.

— Ничего удивительного… Да ты не сокрушайся, парень, — успокаивал его расстроенный сержант, — придумаем что-нибудь.

Он понял, что весь день им придется держаться только своими силами. Но возвращение санинструктора через пролом секционной стены навело его на мысль сделать такие переходы вдоль всего дома. Это намного увеличило бы маневренность, да и…

— Заодно немцам мозги затуманим, будем бегать почаще — вот они и подумают, что нас тут тьма-тьмущая, — произнес он вслух.

— О чем ты, сержант? — устало пробасил Глущенко. Павлов рассказал бойцам о своей задумке и приказал всем немедленно взяться за работу.

15

Пошли вторые сутки. От разведчиков не поступало никаких известий. Задерганный, усталый, забывший, что такое настоящий сон, комдив еле успевал «затыкать дыры», то и дело появлявшиеся в полосе обороны его дивизии. Постороннему человеку просто трудно представить, сколько забот, событий, имен, цифр держал он в голове. И ничего не забывал. Впрочем, причиной тому не только хорошая память. Ведь все имена, цифры, боевая обстановка, подоспевшее пополнение и тяжелые потери, доставка продовольствия и боеприпасов, отправка жестоких похоронок — все это проходило через его сердце. И почти все события были трагичными, печальными. Поэтому даже сообщение о присвоении ему звания генерала Родимцев встретил как-то спокойно и равнодушно. Даже шутливые намеки штабистов, что новое звание необходимо «обмыть по-гвардейски», пропустил мимо ушей. Его все сильнее и сильнее беспокоила судьба дивизии, разбросанной в каменных руинах города, непривычно растянувшийся передний край гвардейцев.

Комдив без карты, без бинокля, без стереотрубы, с закрытыми глазами представлял изломанную, трудно поддающуюся геометрическим терминам линию обороны дивизии. И все же в этой кровавой чехарде, в этом неутихающем гуле уличных боев его больше всего сейчас волновал один дом — четырехэтажный на площади Девятого января, тот самый, в который два дня назад ушел черноволосый крепыш сержант Павлов со своими разведчиками.

Вот и сейчас генерал вернулся в штаб-штольню со своего наблюдательного пункта, оборудованного в верхних этажах мельницы. Сбросил солдатский бушлат, расстегнул портупею, подсел к щербатому, сколоченному из неотесанных досок столу. Адъютант молча подставил котелок с борщом.

— Убери и не лезь, когда не просят, — грубовато одернул он молодого офицера.

Адъютант обиженно собрал нехитрую трапезу, отнес в угол блиндажа. Таким Родимцева он еще не видел. В голосе комдива звучала не просто резкость, а какая-то невесть откуда появившаяся грубость.

Родимцеву самому стало не по себе: «Этак нервы каждый распустит, зверьми обернемся, не хуже собак друг на друга кидаться станем». Но сдерживать себя не мог, словно какой-то черт залез ему в душу. Обнаружив, как ему показалось, неряшливость в оперативной карте, резко отодвинул ее в сторону.

— Хоть карту-то можете сделать нормально? — ни к кому не обращаясь, рубанул он.

Спокойный, уравновешенный полковник Бельский молча взял карту, удивленно переглянулся с сидевшим здесь же комиссаром дивизии Вавиловым, затем собрал цветные карандаши и перешел в угол, где было оборудовано его рабочее место.

Теперь они остались вдвоем: командир дивизии Родимцев и комиссар Вавилов. Сидели молча, в упор глядя друг на друга. «Сейчас мораль будет читать, что с людьми груб, что в тяжелой обстановке выдержка нужна, что люди устали», — подумал Родимцев. И вспомнил первый военный год, первого своего комиссара Чернышева, вспомнил, как они спасли воздушно-десантную бригаду. Он еще пристальней впился взглядом в Вавилова: «Вообще-то, мужик стоящий, настоящий коммунист. И как это в нем сочетаются и природная интеллигентность и военная строгость? К молодому подсядет — словно батя, добром беседует. С пожилым разговор заведет — словно старший сын с отцом совет держит. А говорит как. Начнет издалека, и любому покажется, что вроде все это уже слышал. Но чем дольше говорит, просто, без выкрутасов, тем все внимательнее его бойцы слушают. Такой один — поболее гаубичной батареи стоит. Ишь, насупился сидит», — немного успокоился комдив.

А комиссар, собиравшийся прилечь на полчасика поспать, остался за столом, обдумывая, как бы лучше подойти к комдиву, понять его. «Что-то с ним сегодня случилось, — размышлял комиссар. — Тихона разделал под орех, на адъютанта накричал. Такого за ним не водилось ни при каких обстоятельствах. Нет, конечно, завсегда мог отругать, слово солоноватое разгильдяю подпустить, но чтобы без причины… Вот сидит, насупился, даже волосы вроде дыбом встали… — Комиссар уже не раз замечал, что когда комдив не в духе, когда его что-то гнетет, его буйная шевелюра становилась неподатливой, топорщилась. — Наверное, думает, что уму-разуму учить стану, за грубость выговаривать. А чего выговаривать — устал мужик. Да и как только еще выдерживает эдакое напряжение. Потерь, потерь-то сколько. Каждый день кипы похоронок отправляем. А они ведь не просто так, не в никуда идут, а по адресам — к отцам, матерям, женам. И сколько их еще придется посылать туда, на противоположный берег. Он рядом, рукой подать. Открой дверь штольни — и в нескольких шагах Волга, переправа. Переправа-то есть, да только работает она в одном направлении — в Сталинград».

Комиссар знал, что из города без письменного разрешения комдива ни один человек не имел права переправиться через Волгу. Вчера Вавилов даже отошел в угол, когда стал свидетелем

разговора комдива с молодым санинструктором. Это была девушка. Она просила, умоляла отправить раненых на тот берег. Комдив спокойно потребовал заключение дивизионного врача.

— Да оно будет, товарищ генерал, будет, давайте сейчас отправим…

— Характер ранения? — строго переспросил генерал.

— Легкое, — потупилась санинструктор.

— В медсанбат, здесь лечите, — коротко отрезал комдив.

Да, он, комиссар, хорошо знал характер Родимцева. И все же в который раз задавал себе вопрос: «Отчего он сегодня не такой, как всегда?»

— Александр Ильич, тут артисты приехали, — начал он разговор.

— Это хорошо. А я, Михаил Михайлович, отца вспомнил, — не стал дипломатничать генерал, — сколько его помню, никогда он голос не повышал. Вот выдержка была.

— А ты, не в пример ему, Александр Ильич, за пять минут двоих отчекрыжил…

— Прямо не знаю, какой бес попутал, Михалыч. Теперь неделю сам не свой буду.

— Устал, что ли?

— Устать не устал, да и это не оправдание, держать себя в руках всегда надо.

С той осенней ночи, как переправились в Сталинград, Родимцев больше двух-трех часов в сутки не спал. А сейчас совсем ни на минуту не мог прилечь — ждал известий от сержанта, ушедшего в четырехэтажный дом на нейтральной полосе. Вопросы вереницей осаждали его. Вторые сутки никаких известий. Неужели погибли? Если же живы, то почему весточку не подали? Ведь рядом же этот распроклятый дом, рядом совсем… метров двести всего. Люди не пришли, а кто виноват? Порой уйдет человек в бой — и как в воду канул, никаких следов. И пиши, писарь, горькую бумагу — «без вести пропал». Одна мина попадет в шлюпку на переправе — и та в щепки. Война есть война, кто здесь будет проверять. Она одна ответчица; жестокая, неумолимая.

— Тихон Владимирович, сколько человек в дом послали? — обратился Родимцев каким-то виноватым голосом к начальнику штаба.

Тот словно ждал вопроса.

— По докладу командира полка — четверых.

— Ерунда, разве вчетвером можно захватить такой дом?

— Да я тоже так считаю, товарищ генерал, да людей нет, во взводах бойцов по пальцам пересчитать можно.

— И все же готовь новую группу и вооружение покрепче. Нужно вырвать у немцев этот дом, дорогой Тихон Владимирович, вот так он нужен… — генерал провел ребром тяжелой руки возле кадыка.

Удивительное дело — расстояние. Порой сотни километров промелькнут незаметно, словно дорогу перешел, а другой раз и сотня метров длиной в год покажется. Вроде бы рядом цель пути, перед тобой, ну прямо на ладони лежит, а попробуй достать — обожжешься. Это хорошо усвоил санинструктор Калинин, вторично отправляясь в опасный путь к мельнице.

Почти час добирался санинструктор к своим. Он уже приспособился к автоматным и пулеметным очередям. Полз осторожно, прижимаясь к растерзанной, заваленной щебнем земле. Замирал лишь тогда, когда небо прочерчивал огненный свет ракеты. «Только бы не заметили, только бы не заметили», — шептали потрескавшиеся губы. Нет, не за себя, не за свою жизнь беспокоился гвардеец. Хотя кому хочется помирать в девятнадцать лет. И он, Калинин, почему-то с горечью вспомнил частые теперь в разговорах оправдательные слова: «Война, на то она и война, чтобы убивать». Кто ее только выдумал, эту распроклятую войну? Но он должен дойти не ради себя — ради тех, что остались дома. Надо выжить, выжить и победить. И санинструктор полз и полз вперед. С каждым метром в него вселялась уверенность, что он обязательно доберется до своих, до родной мельницы, которая в своих развалинах приютила сразу четыре наблюдательных пункта — роты, батальона, полка и дивизии. Неожиданно повеяло речной прохладой. «Волга рядом», — обрадовался Калинин и неожиданно для себя свалился в небольшой окопчик. В то же мгновение он почувствовал, как кто-то крепко придавил его тяжелым сапогом к земле, резко вырвал автомат.

— Держи, Сашко, эту гадину, сейчас подсоблю, — услышал он над собой чей-то приглушенный хрип.

И родные русские слова показались Калинину в эту минуту такими ласковыми, такими добрыми, что он даже расчувствовался:

— Что же это вы, бугаи, щекочете меня?

— Помалкивай, а то расхохочешься от нашей щекотки.

Они грубовато поставили его на ноги и, подталкивая в спину, повели к щербатому зданию мельницы.

В штабе батальона Калинин появился весь в грязи, без пилотки, кусок надорванной и замызганной полы шинели волочился по битому кирпичу.

— Кто такой? — мрачно метнул взгляд комбат.

— Санинструктор Калинин из дома Павлова.

— Откуда, откуда?

— Из дома Павлова, — устало повторил связной.

Удивление комбата было понятным. Ни в одном донесении, ни на одной карте не значилось такого здания. И только теперь комбат сообразил, что это тот самый «проклятущий Дом специалистов», о котором вторые сутки его допекал и командир полка, и сам Родимцев и который группа разведчиков его батальона окрестила именем сержанта Павлова.

Комбат немедленно связался с командиром полка Елиным:

— Товарищ полковник, есть связь с группой Павлова. Живы гвардейцы, воюют.

— Готовь штурмовую группу и сегодня же ночью отправь, — ни секунды не раздумывая, деловито распорядился Елин.

«Ишь, как спокоен, — подумал комбат, — а сам небось вспотел от радости».

А Елин в этот момент уже докладывал радостную весть комдиву. Он сообщил и о том, что прибыл связной и что группа разведчиков удерживает дом. Доложил и о том, что сегодня в ночь уйдет к дому Павлова на подмогу штурмовая группа лейтенанта Афанасьева.

— Добро, — устало отозвался комдив.

— О прибытии группы на место доложить?

— Не обязательно, — улыбнулся в трубку генерал. — Завтра с утра фрицы сами доложат нам, как их там встретят.

16

Никто не ложился спать в эту ночь. Комбат Жуков хлопотал, собирая в нелегкий путь группу лейтенанта Афанасьева. Проверял оружие, снаряжение, запас продуктов. Он подходил к каждому, уходящему в дом Павлова, заглядывал в глаза, похлопывал по плечу: «Не посрамите, ребятки». Командир полка Елин колдовал над своей потертой картой, прикидывая, какую пользу принесет его полку скромный четырехэтажный дом.

Комдив Родимцев, со вкусом прихлебывая, опустошал уже третью кружку крепкого чая, то и дело при этом повторяя: «Шайтан побери, жалко пиалы нет, из нее чаек вкуснее, особенно если зеленый». Но и Бельский, и Вавилов, молча сидевшие за столом, видели, как комдив хитрит, что он просто доволен.

Да, генерал был в настроении, понимая, что четырехэтажный дом на площади теперь словно хороший кляп во рту у фрицев. С приобретением этого опорного пункта дивизия намного улучшила свои позиции. Он и оборону укрепил, и наступление немцев будет сковывать.

Павлову в эту ночь тем более было не до сна. Отбив очередную атаку немцев, он тревожно поглядывал на часы: «Неужели Калинин и на этот раз не дошел?» Сержант понимал, что вчетвером они смогут продержаться только до утра. На исходе боеприпасы, да и немцы всерьез взялись за их «бастион».

— Сержант, ползет кто-то, — прервал его размышления Черноголов, — полоснуть, что ли?

— Я тебе полосну без разбора, — осадил его Павлов. — Где усмотрел?

— Да вон там, левее развалин, гляди, фигуры крадутся.

— Черт разберется в такую темень, — чертыхнулся Павлов. — Может, наши?

— А может, немецкие разведчики? — начал выставлять в проем окна автомат Черноголов.

— Подожди, подпустим поближе, — и командир отстегнул от пояса гранату.

Они затаились, все в напряжении, до боли в глазах буравя темень. И когда до ползущих оставалось два десятка метров, Павлов бросил в темноту:

— Стой! Всем оставаться на месте, один ко мне.

— Свои мы, Павлов, — услышал он в ответ знакомый голос лейтенанта Афанасьева. — Чего ты раскричался, словно в карауле стоишь.

Павлов и Черноголов бросились к лестнице, к подъезду и,

мешая друг другу, раскрыли забаррикадированные двери. Обниматься было некогда. Они молча стояли у дверей и, поблескивая влажными глазами, смотрели, как с искалеченной улицы стремительно влетали и таяли в подслеповатом подвале их боевые товарищи. Каждый из них был тяжело нагружен боеприпасами, ящиками с продовольствием, различным инструментом. И когда вслед за ними, тяжело отдуваясь, ввалился ротный старшина с огромным термосом за спиной, с котелками и фляжками в руках, Павлов понял, что теперь немцам этого дома не видать.

— Чего это вы как швейцары у парадного подъезда вытянулись? — вернул их к действительности улыбающийся лейтенант Афанасьев. — Принимай гостей, комендант.

От сильного пожатия у Павлова даже заныла рука. Только теперь он почувствовал, как устал, как голоден. Сколько же они здесь находятся? Двое суток. Не может быть. Два этих дня показались ему сейчас вечностью.

— Нам-то в роту, что ли? — каким-то странным, настороженным тоном спросил сержант лейтенанта.

В этом тоне была и усталость хорошо поработавшего человека, и ревность, что его могут лишить любимой работы, отправить из захваченного дома в роту.

— Не горюй, сержант, мы не оккупанты, отбирать твой дом не будем. Вы его взяли, защитили, ну и живите. Только теперь охранять твой особняк будем сообща.

— Вот на этом спасибо, — обрадовался Павлов.

После приветствий, знакомства с домом и его жильцами Афанасьев, не откладывая дела в долгий ящик, стал готовиться к предстоящим боям. Невзирая на темень, обошел все этажи многострадального четырехэтажного здания, заглянул во все закоулки, познакомился и с мирными жителями, укрывшимися в подвале. Он быстро расставил бойцов, приказал получше оборудовать амбразуры для стрельбы, определил место для станкового пулемета, ротных минометов, оборудовал штаб гарнизона. Лейтенант спешил. Он знал, что фрицы не дадут ему передышки и с утра попытаются вновь отбить злополучный дом.

И он не ошибся. Едва занялся туманный рассвет, как гитлеровцы при поддержке танков бросились в атаку. Судя по всему, для храбрости они изрядно хлебнули шнапса. С криками, руганью, не пригибаясь, бежали фашисты через площадь. Даже когда загорелся подбитый бронебойщиками вражеский танк, немцы не повернули назад, а продолжали наступать. Гвардейцы стреляли расчетливо, хладнокровно. Фашистское командование поняло, что защитники гарнизона получили изрядное

пополнение. И если раньше при отступлении какой-то части атакующих удавалось спастись, то эта группа была уничтожена полностью. В отместку враг подверг здание остервенелому артиллерийскому и минометному обстрелу. Более сотни снарядов и мин выпустили они по защитникам непреклонного гарнизона. Но те выдержали. Выстоял и дом.

С мельницы внимательно наблюдали за ходом боя.

— Ну вот, теперь все ясно, Афанасьев на месте, — напряженно глядя в стереотрубу, сказал Родимцев. — А связь все же с этим домиком надо иметь постоянную и надежную. Подумайте, как сделать это побыстрее, — приказал он начальнику штаба.

17

Афанасьев тоже мучительно думал, как быстрее наладить связь с ротой и батальоном. Уже первый бой потребовал значительного количества боеприпасов, после мощного артобстрела появились раненые, а дом по-прежнему был отрезан от своих.

Посовещавшись, гвардейцы решили рыть ход сообщения до роты. В подвале пробили наружную стену, обращенную к Волге, и тайком стали копать. В патронных ящиках оттаскивали землю, засыпали ею оконные проемы и копали, копали, прерываясь только на время вражеской атаки.

Афанасьев придирчиво следил за ходом работ и все время поторапливал. Ему казалось, что работы ведутся медленно. И когда Павлов передал лейтенанту пожелание жителей дома помочь воинам, Афанасьев согласился. Через пять дней ход, по которому можно было пройти до мельницы в полный рост, был готов. К этому времени из штаба батальона протянули телефон с позывным «Маяк», подступы к зданию заминировали противопехотными и противотанковыми минами, проделали четыре подземных хода к наружным огневым точкам. Гвардейцы по-хозяйски обосновывались в доме. В подвале установили койки для отдыха бойцов и командиров, даже оборудовали ленинскую комнату. Словом, все было предусмотрено для длительной и успешной обороны. В случае необходимости гарнизон мог даже вести оборону в условиях полного окружения.

Афанасьев хорошо понимал, почему командование, даже сам Родимцев, «болеет» за этот четырехэтажный полуразрушенный дом. Как опорный пункт на переднем крае елинского полка он имел исключительно важное тактическое значение. Дом держал под огнем своих пулеметов все прилегающие улицы, откуда фашисты пытались контратаковать. Более того, рядом находилась мельница, где расположился наблюдательный пункт дивизии. Рядом совсем, рукой подать. А если принять во внимание, что два дома, стоявшие около мельницы, удерживал противник, позиция гарнизона Афанасьева приобретала еще большее значение. Отбей фашисты этот дом — и они могли бы безнаказанно хозяйничать во всем районе, свободно маневрировать войсками.

Размышляя о значении своей миссии, лейтенант улучил часок и решил вздремнуть. Уходя в подвал, предупредил Павлова, чтобы тот не отлучался от телефона. Внизу треск автоматных очередей едва слышался. Только глухое ухание минометов напоминало, что наверху властвует война. Лейтенант, не

раздеваясь, растянулся на койке. И к своему удивлению, не смог сразу заснуть. Разные мысли лезли в голову: и о безжалостной войне, и о бойцах, оставшихся наверху.

Война! Страшное бедствие. Она разметала родных и близких по всей стране. И кто ведает, найдут ли они когда-нибудь друг друга. Война свела вместе незнакомых людей, побратала их. Вот и здесь, в этом доме, захваченном разведчиками сержанта Павлова, судьба свела людей разных национальностей, из всех концов страны: русских, украинцев, грузина, абхазца, татарина, узбека.

У каждого где-то далеко остались семья, дом, родители. А сейчас у них один общий дом — вот этот, четырехэтажный, в трехстах метрах от Волги. И семья у них теперь одна — родная дивизия.

У оконных проемов, на лестничных переходах, в траншее перед домом затаились бойцы. Поди сходи, спроси у них, о чем сейчас думают. Задашь такой вопрос — не сразу, пожалуй, и ответят. Пробовал однажды Афанасьев, для поддержания боевого духа, поговорить с бойцами по душам. Увидел, как бывалый тридцатипятилетний боец Павел Демченко кропотливо сооружал из кирпичей и толстых томов энциклопедий амбразуру для своего «максима», и спросил его:

— Не жалко книг?

— Да оно-то, конечно, жалко, даже стыдно, что чужой труд изводим, но война, она не только книг, людей не щадит.

И простой боец продолжал успокаивать лейтенанта, чтобы тот не сомневался, что он, Павел Демченко, понимает ценность книги, объяснил лейтенанту, что он не какой-нибудь варвар, а ради победы старается. Лейтенант только улыбнулся в ответ. А лежавший рядом молодой боец, наверное так и не успевший ни разу в жизни побриться, молчал, с наслаждением посасывая черный сухарь.

— О чем задумался? — спросил лейтенант.

— А ни о чем, просто так лежу, фрицев поджидаю.

— Ты что же, им свидание назначил?

— На том свете я им свидание назначил, — буркнул в ответ паренек.

Так и заснул лейтенант, шевеля потрескавшимися губами. Во сне он видел своих бойцов. И Павлова, сидевшего в кресле у телефона, и молодого паренька, распиливавшего пилой огромный черный сухарь, и пулеметчика Павла Демченко, несшего в желтой авоське огромные тома энциклопедии, и командира пулеметного взвода Илью Воронова, деревянным черпаком разливавшего по алюминиевым кружкам золотистый мед со своей пасеки. А когда он тоже подставил свою кружку, кто-то дернул его за плечо.

Афанасьев открыл глаза. Над ним стоял сержант Павлов и теребил его за плечо:

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант…

18

Павлов доложил, что звонили из полка и предупредили, чтобы к вечеру ждали «гостя» и обеспечили его безопасность.

— Во дает, — только и выдохнул лейтенант. — Чего его нелегкая несет в самое пекло?

Конечно, они знали, что комдив не робкого десятка, по блиндажам не прячется, но чтобы вот так, на передовую, в дом, судьба которого еще по-настоящему и не определена, это уж слишком. С сержантом они были единодушны, что риск очень велик. Но приказ есть приказ. И Афанасьев, проверив боевые посты в доме, выставил в одну из открытых, хорошо замаскированных траншей пулемет «максим». У пролома в торцовой стене, завешенной солдатской плащ-палаткой, приказал дежурить самому Павлову. Лейтенант рассудил, что сержант, бравший дом, должен, как старожил, сам встретить генерала. И Яков понял Афанасьева, был ему благодарен за почетное поручение.

Приготовившись к встрече, лейтенант приказал раздать ужин гарнизону, свободным бойцам разрешил отдохнуть. А чтобы блеснуть перед комдивом, продемонстрировать боевой дух гарнизона, приказал завести найденный в одной из квартир старенький патефон.

Родимцева сопровождали трое. Адъютант Шевченко, ординарец и автоматчик из роты охраны. Ночь выдалась хоть глаз выколи. Только кровавые пунктиры трассирующих пуль напоминали, что справа окопались фашисты. В траншее, вырытой от дома до мельницы, в полный рост идти было более или менее безопасно. Во всяком случае, так считал генерал. Он даже хотел идти первым, но настоятельная просьба адъютанта «поберечься» заставила комдива занять место в середине. Шли осторожно. При ярком всполохе ракет приседали на дно, терпеливо дожидались, когда опять траншею спеленает тишина. Неожиданно впереди послышались глухие звуки какой-то бравурной музыки. Слов расслышать было нельзя, а мелодия показалась всем знакомой. Остановились, прислушались. Адъютант на мгновение задумался: «Что это? Неужели немцы?» Они уже привыкли к тому, что гитлеровцы, натаскав из разрушенных, заброшенных домов патефоны, крутили популярные пластинки для «психологической обработки» советских воинов. Заведут, скажем, на полную громкость «Катюшу», а потом включат репродуктор и начинают расписывать райские кущи в фашистском плену. Шевченко еще раз внимательно осмотрелся, дождался даже очередной ракеты,

которая осветила впереди четырехэтажный дом. Сомнений не было — музыка доносилась из дома Павлова. «У самовара я и моя Маша, а за окном становится темно…» — пел патефон.

— Веселятся, шайтан их побери, — довольный, чертыхнулся комдив. — Давайте, ребята, поторапливаться, а то на концерт опаздываем.

Холодная, промерзлая траншея уперлась в заскорузлую плащ-палатку. И тут же перед адъютантом Шевченко неожиданно выросла фигура сержанта Павлова.

— Мы вас заждались, — как-то буднично встретил он адъютанта комдива.

А когда увидел пролезающего в пролом стены генерала, сразу подтянулся, взял под козырек и четко, по-военному, доложил, что группа бойцов под командованием лейтенанта Афанасьева удерживает Дом специалистов.

— Что это за музыка? — хитровато прищурил карие глаза комдив.

— Свободные от дежурства бойцы отдыхают, — отрапортовал Павлов.

А патефон продолжал хрипловато объяснять, что «как самовар, кипят желанья наши». Комдиву пришлось по душе настроение бойцов, оборонявших дом. И то, как они по-хозяйски обосновались здесь. Понравился и небольшого роста, смышленый сержант Павлов. И деловитый, хладнокровный лейтенант Афанасьев. Не мог он не улыбнуться, когда увидел в подвальном помещении, оборудованном под красный уголок, старый потертый патефон с поднятой крышкой и суровый, направленный в глухую ночь станковый пулемет.

Бойцы, отдыхавшие от дежурства, по команде лейтенанта замерли по стойке «смирно». Конечно, вид у них был не парадный. Затертые, перепачканные кирпичной пылью ватники, давно не чищенные сапоги, простенькие шапки-ушанки. Но что понравилось комдиву, так это личное оружие. Оно было в полном порядке — начищенное, ухоженное.

Они разглядывали друг друга. Генерал своих солдат, солдаты своего генерала. Бойцы гордились комдивом. Его героической биографией, его личной храбростью, простотой и задушевностью. За полтора года войны многие повидали «своего генерала» в деле. «Мужик что надо, — поговаривали ветераны, — нашенский». И тут же добавляли, что генерал добрый-добрый, а если кто врать сподобится, — пощады не жди. Кричать не будет, ногами топать не станет и уж, упаси бог, чтобы трибуналом или расстрелом пугать. Но если провинишься, накажет строго, без лишних слов. Рассказывали, как однажды, в первые месяцы войны застал он на

посту спящего молодого бойца. То ли устал тот от многодневной бессонницы, то ли «прохладно» отнесся к караульной службе, а только заснул на посту. А генерал схитрил. Вытащил из рук бойца винтовку, позвал разводящего и только после этого разбудил часового. Выяснилось, что солдат действительно не спал несколько дней. Причина вроде бы уважительная, но устав есть устав. Кое-кто предлагал передать даже дело в трибунал. Но комдив рассудил по-своему. Он приказал солдата кормить, поить, но к делу не допускать. Ни в караул, ни по хозяйству, ни тем более к боевым действиям. Проходит день, второй. Солдата исправно кормят, а до дела не допускают. Парень извелся. «Не могу я так, — взмолился он, — вроде как нахлебник какой, трутень». Лишь на третий день генерал отдал команду допустить бойца до службы. На всю жизнь запомнил молодой боец наказание.

И вот сейчас он сидит перед ними — командир дивизии. Худощавый, небольшого роста, плотный, медленно разминает сильными пальцами папиросину. Солдаты много слышали о комдиве, любили его, гордились им. Слышать слышали, а видеть не всем приходилось. А сейчас он рядом, жадно курит, беседует:

— Как думаете, почему мы за этот дом держимся?

— Ясное дело, позиция удобная, — степенно ответил прошедший не одну войну Глущенко.

— Да, мы все понимаем, что и тактически, и стратегически позиция необходимая, — поддержал Афанасьев.

— Ты погоди, лейтенант, насчет стратегии и тактики распинаться, — остановил Афанасьева комдив. — С военной точки зрения об этом все знают, и ефрейтор Глущенко, и командарм Чуйков. Тут спора нет, ясно как белый день.

— А що тут бачить? — насторожился Глущенко.

И генерал, человек сугубо военный, к сентиментальностям не склонный, привыкший к строгим рациональным воинским законам, заговорил совсем о другом. Не о численности гарнизона, не о количестве автоматов и пулеметов, гранат и патронов, не о секторах обстрела. Он знал, что сейчас его бойцы обеспечены и боеприпасами, и горячим питанием, и численность защитников достаточная. Родимцева, уже успевшего за свою жизнь немало понюхать пороху, поразила стойкость, мужество защитников четырехэтажного дома. Он понимал и был согласен с комиссаром Вавиловым, что в Сталинграде каждый воин — герой, и все же поражался крепостью духа своих гвардейцев. Вот они перед ним. Внешне обыкновенные люди. Усталые, серые лица, глаза, помаргивающие от бессонницы. И молодые, и пожилые, женатые и холостые. С юга и с севера, с запада и востока страны.

Откуда у них взялась такая сила? Враг перед ними — не простачок. Обут, одет, накормлен, напоен. А об опыте и говорить не приходится. Паулюсу и его воинству потребовалось всего три дня для взятия Парижа, и эти же солдаты, прошагавшие через всю Европу, уже вторую неделю не могут одолеть обыкновенный четырехтажный дом на берегу Волги. И уж если они четырех гвардейцев не смогли выбить отсюда, то теперь и подавно успеха им не видать.

Генерал подождал еще несколько минут ответа на свой вопрос: «Почему держимся за этот дом?» Затем лукаво улыбнулся и, расстегнув бекешу, задумчиво заговорил. Заговорил о том, Что один только этот дом, этот простой четырехэтажный дом и его защитники делают дело, которое и армии пропагандистов не под силу, которое складывается не из количества танков, самолетов и артиллерии, а из духа народа.

— Силу духа почувствовали нашу, — продолжал генерал. — А скоро окончательно поймут, что не одолеть им нас.

— Это точно, товарищ комдив, — кишка у них тонка супротив нас, — подтвердил Глущенко.

Они еще долго беседовали, солдаты со своим генералом. Павлов угостил гостей чаем и даже выдал им по большому черному сухарю.

За кружкой чая так и порешили: дом не отдавать фрицам ни за какие коврижки. Генерал вернулся к себе на НП, довольный встречей с гвардейцами, а те, каждый по-своему, еще долго комментировали приход комдива на передовую. Один глубокомысленно заверял, что это обязательно надо связывать с предстоящим наступлением. Другие утверждали, что так как генерал человек свойский, душевный, то он непременно должен был наведаться к ним, удерживающим самый главный участок дивизии. Третьи, хитровато улыбаясь, доказывали, что генерал — рубаха-парень, смелости да храбрости ему не занимать, — вот и пришел в самое пекло пороху понюхать, ибо передовая для него вроде как воздух, кислород для здоровья.

Так или иначе, но приход командира дивизии встряхнул, приободрил защитников дома, вселил в них уверенность в своих силах, напомнил, что они не одни, что за ними родная дивизия. Защитники дома Павлова теперь еще более явственно сознавали, что сковали значительные силы врага, лишили его возможности маневрировать на важном участке фронта. Они понимали, что защищая четырехэтажную цитадель в центре города, помогают своим боевым товарищам выиграть драгоценные часы и километры и тем самым выполнить план Верховного Главнокомандования полного уничтожения вражеской

группировки. Наткнувшись в центре города на стойкое сопротивление гвардейцев Родимцева, фашисты поняли, что им будет не просто сбросить в Волгу советских бойцов. И поэтому, используя крупные здания, создали перед фронтом дивизии мощные опорные пункты и узлы сопротивления. Некоторые из них были уничтожены, кое-какие, как дом Павлова, отбиты, но большинство зданий противник продолжал прочно удерживать. И рано или поздно их надо было тоже брать.

Особенно досаждал защитникам дома Павлова «молочный дом», который так окрестили за его белый цвет. Несколько раз они просили разрешить им «шугануть оттуда фрицев», но каждый раз им приказывали «заниматься своим делом». Даже когда лейтенант Афанасьев, воспользовавшись приходом комдива, высказал свои соображения по поводу «молочного дома», тот немного помолчал, потом согласился, что «приобрести эту жилплощадь» для дивизии заманчиво, но тем не менее тоже приказал подождать, не горячиться.

— Сил у нас, ребята, пока маловато, чтобы эту коробочку у фрицев отбить, — признался комдив. — Вот получим пополнение, тогда и дадим прикурить фрицу.

Генерал не стал скрывать от бойцов, от Павлова, от Афанасьева, что штаб дивизии готовит операцию по штурму «молочного дома». Особое задание уже получил саперный батальон, который должен подготовить надежные подходы, обеспечить первый бросок штурмующих групп.

— Нас не забудьте, товарищ генерал, — настаивал Афанасьев.

— Учтем ваши пожелания, но сейчас терпение и терпение.

19

Гвардейцы уже давно забыли о своих думках по поводу «молочного дома», как в конце ноября Афанасьеву позвонили из штаба: «Готовь своих богатырей — будем работать».

Лейтенант понял, что означало слово «работать». Наступать. Почти два месяца непрерывных боев провели гвардейцы, не покидая обжитого дома. В обороне был налажен быт, люди знали свои места, могли даже отдохнуть, и все же они обрадовались известию. Никому даже в голову не пришло, что штурм «молочного дома», превращенного в настоящую крепость, для некоторых может оказаться последним. Гвардейцы уже слышали приближающуюся канонаду наступавших советских войск и делали все, чтобы ускорить день окружения гитлеровской группировки в Сталинграде, соединиться со своими братьями по оружию.

И когда комбат Жуков, сам решивший возглавить штурм, подал долгожданную команду: «В атаку», гвардейцы неудержимо метнулись вперед. В окна «молочного дома» полетели гранаты, ворвались пулеметные и автоматные очереди.

Дом был взят. Но цена этого штурма оказалась чересчур дорогой. Были ранены славные защитники «дома солдатской славы»: сержант Павлов, ефрейтор Глущенко, рядовые Черноголов, Мосиашвили, Турдыев. Сложил свою голову бесстрашный командир роты старший лейтенант Наумов. Но взять дом оказалось только полдела, удержать его было куда труднее. Остервенелые от неудач гитлеровцы предпринимали одну за другой контратаки, пытаясь вернуть утраченные позиции. Свои оголтелые атаки фашисты перемежали убийственным огнем из орудий и минометов. И уже к вечеру следующего дня от роты гвардейцев осталось несколько бойцов. Кончились патроны и гранаты, в подвале стонали раненые. Комбат Жуков бросил на помощь осажденным свой последний резерв, но из-за плотного вражеского огня бойцы не смогли пробиться к товарищам.

Комдива одолевали многочисленные заботы. Все полки, батальоны, взводы, как и гарнизон лейтенанта Афанасьева, ожесточенно дрались в эти дни на улицах Сталинграда. В не менее тяжелом положении, чем у «молочного дома», находились гвардейцы в районе вокзала, в развалинах заводских цехов, на склонах Мамаева кургана. И за всеми надо уследить: вовремя дать совет, послать подкрепление, обеспечить боеприпасами, позаботиться о раненых и держать, держать в рабочем состоянии центральную переправу — эту важную артерию, связывающую

дивизию с тылом. В эти трудные, критические для судьбы города моменты надо было поддержать боевой дух войск, патриотический настрой солдат и офицеров, пресечь паникерство. Уже в первые дни обороны он отдал приказ, по которому на левый берег даже раненые могли уйти только по личному разрешению командира дивизии. Нет, Родимцев не вмешивался в дела подчиненных, не подменял командиров полков, батальонов. Он как бы подключался в момент принятия решения младшим командиром. И было это естественно и непринужденно. Без крика или пронизывающих взглядов, но все понимали, что как комдив сказал, так и будет, потому что здесь, в Сталинграде, действия рот и батальонов развивались на глазах не только комбатов, но и комдива.

Родимцев наблюдал в стереотрубу штурм «молочного дома». Он, недавно побывавший в гарнизоне лейтенанта Афанасьева, сейчас особенно внимательно следил за гвардейцами, перешедшими в атаку. Перед его глазами вставали усталые лица бойцов, занявших оборону в «своем» четырехэтажном доме и сейчас штурмовавших очередной опорный пункт гитлеровцев. Он видел, как комбат Жуков бросил на выручку товарищам свой последний тощий резерв и как гитлеровцы артиллерийским огнем отсекли резерв от «молочного дома». Он видел многое и понимал, что противник вот-вот вернет себе здание, из окна которого лишь изредка огрызался станковый пулемет…

А тем временем защитники «молочного дома» готовились принять последний бой. Их оставалось в строю шестеро — двое офицеров, трое бойцов. Да еще санинструктор Маруся Ульянова, хлопотавшая в подвале у раненых. Лейтенант Афанасьев отдал последний приказ своим боевым побратимам: «Стоять насмерть». За станковый пулемет лег Воронов. Заправив последнюю ленту, он короткими очередями стал отстреливаться от лезших напролом фашистов. Бил расчетливо, наверняка, понимая, что ни одна пуля не должна быть израсходована напрасно. Воронов видел, что немцы, не обращая внимания на большие потери, лезли, лезли, словно саранча, к подъезду дома, к пролому в стене. Вон уже несколько человек вышибают входную дверь, заваленную битым кирпичом. Пулеметом туда уже не достать, и Воронов, на секунду оторвавшись от прицела, метнул в гитлеровцев гранату. Но едва рассеялся дым, как прямо по трупам убитых к дому бросились другие фашисты. Наконец они выбили дверь, ворвались в здание. И в этот миг перед Вороновым разорвалась граната, что-то тяжелое, горячее ударило по руке. Он вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли, его левая рука безжизненно повисла, из рукава полушубка на битый кирпич

потекла струйка крови. Побледневший, теряющий сознание пулеметчик зубами выдернул кольцо из последней гранаты, бросил ее в окно, медленно опустился на пол.

К пулемету стремительно бросился Иващенко. Но едва он дал по фашистам несколько коротких очередей, как пулемет замолк — кончилась последняя лента. И едва он потянулся к поясу, чтобы отстегнуть гранату, как на этаже раздался взрыв влетевшей мины. Боец вздрогнул, опустил голову на руки, навалился всем телом на пулемет.

Теперь их оставалось трое. Лейтенант и два его боевых товарища. Патроны и гранаты кончились. Единственное оружие — два пистолета. Бойцы переползли ближе к лестничной площадке, забрались в угол, обложили себя кирпичами в надежде уберечься от случайных пуль и осколков. В доме уже слышался беспорядочный топот, чужая речь.

— Попрощаемся, ребята, — хрипло предложил лейтенант и зачем-то подул в ствол пистолета. Они молча протянули друг другу руки. И тут огромной силы взрыв разбросал бойцов и их кирпичную броню по комнате. Придя в себя, лейтенант пополз по битому кирпичу, надеясь найти утерянный пистолет. Где-то далеко доносились выстрелы, разрывы гранат и родное «ура».

Комдив точно оценил обстановку, когда отдал команду артиллеристам ударить «как следует» перед «молочным домом». Даже ориентир подсказал — парадная дверь здания. И только после того, как артиллеристы проутюжили огнем подходы к дому, резервной роте удалось прийти на выручку к своим.

20

Морозы крепчали день ото дня, метели и бураны устраивали снежные пляски, а с левого берега, из-под Красной Слободы урчали, двигаясь по толстому льду, грузовики с боеприпасами, провиантом, военным снаряжением. А туда, за Волгу, нескончаемым потоком потянулись колонны пленных гитлеровцев. Оборванные, голодные, обовшивевшие, уныло брели под конвоем советских гвардейцев недавние завоеватели Франции, Норвегии, Бельгии, Дании, Чехословакии, Польши. Комдив Родимцев после митинга, состоявшегося возле здания, где был пленен фельдмаршал Паулюс, командующий бесславной шестой армией, ехал на трофейном «опель-адмирале» к месту нового назначения. Сталинградская битва завершилась, но война для него, генерала Родимцева, как и для всех советских людей, продолжалась. На одном из перекрестков дорог комдив услышал разговор молодого краснощекого бойца с долговязым регулировщиком:

— А где тут, браток, дорога на Берлин?

— Шагай прямо, не сворачивай, там и будет это проклятущее логово.

Логово. Там появился на свет варварский план «Барбаросса», по которому с лица земли должны были исчезнуть Москва, Ленинград и многие другие города России, а славяне превращены в рабов. «На всю жизнь запомню Сталинград, — размышлял про себя, сидя в машине, комдив. Перед отъездом они с комиссаром Вавиловым, с начальником штаба Бельским и с командиром полка Самчуком прошли по городу. Вернее, по его развалинам. Груды щебня, битого кирпича были завалены снегом. То там, то здесь торчали концы рухнувших балок, обрывки арматуры, мертвыми глазницами чернели разрушенные дома, на трамвайных линиях застыли изрешеченные пулями, осколками снарядов перевернутые вагоны. И повсюду трупы убитых, замерзших. Генерал поймал себя на мысли, что сейчас по-иному воспринимает эти руины, развалины, остовы осиротевших домов. Когда шли бои, все это для генерала были опорные пункты, узлы обороны, огневые позиции, а теперь что-то иное.

Разрушенный, растерзанный город дышал, жил. Еще тяжело, с трудом, но жил.

После разгрома гитлеровских войск под Сталинградом дивизия Родимцева была передана в соседнюю шестьдесят шестую армию. И вот сейчас комдив вместе с адъютантом Дмитрием Шевченко на трофейном «опель-адмирале», взятом в

штабе Паулюса, ехал на доклад к новому командующему. Штаб располагался на северной окраине города, в одной из многочисленных балок.

Непривычная тишина стояла кругом. Регулировщики в белых полушубках, в огромных валенках спокойно и деловито командовали грузовым потоком, энергично жестикулируя красными флажками, словно дирижерскими палочками. Трудно было поверить, что совсем недавно здесь проходили тяжелейшие кровопролитные бои, горела река, вулканами вставала на дыбы земля, унося с собой тысячи человеческих жизней. На дороге был гололед. Остерегаясь беды, шофер вел машину на малой скорости, словно прощупывая ледяную ленту, таившую в себе массу неприятных сюрпризов. И все же оплошал. На крутом повороте, на спуске шофер слегка притормозил — и через мгновение машина лежала набоку в кювете.

— Эх, раззява, — сгоряча чертыхнулся Шевченко.

— Да я что, товарищ капитан, с коньками, что ли, езжу.

— Не с коньками, а с головой надо ездить.

Генерал остановил незлобно препиравшихся, послал адъютанта к бойцу-регулировщику, стоявшему невдалеке, у развилки дорог, с приказом узнать, далеко ли до штаба армии, а заодно попросить подмогу, грузовик какой-нибудь с тросом.

Капитан шустро выскочил из машины, побежал к перекрестку. А еще через минуту комдив услышал, как регулировщица жестким голосом отчитывает адъютанта:

— Вот чесану из автомата, тогда будешь знать, где находится штаб армии.

Адъютант, пытавшийся еще несколько минут взять регулировщицу на горло, тон поубавил, но не сдавался:

— Полегче, красавица, все же с гвардейцем дело имеешь, а не со всяким прохожим.

— Гвардейцы сами должны понимать, что с каждым встречным о штабе не балакают.

— Это кто же первый встречный? Мы — гвардейцы Родимцева? Да если хочешь знать, мы здесь, в самом пекле… — Капитан от несправедливых слов дивчины даже начал заикаться.

— А у вас на лбу не написано, что вы гвардейцы Родимцева, здесь много разного люда бродит, одних только фрицев пленных тьма-тьмущая. Так что не мешайте работать, капитан, а грузовик вам на помощь сейчас пришлю.

Генерал, посмеиваясь в теплый воротник бекеши, вначале хотел прийти на помощь своему адъютанту, но потом передумал, решив, что регулировщица права.

Капитан вернулся к машине взбудораженный.

— Расплодили здесь тыловых крыс, пока мы по городской щебенке под огнем ползали.

— Ну, будет тебе, Дмитрий, — совсем по-домашнему остановил его генерал. — Ну что ты к девчонке привязался, права же она. Да и где сейчас тыл, где передовая — кто определит? — Немного помолчав, хитровато прищурился: — А вообще-то как, ничего?

— Чего ничего? — делая вид, что не понимает вопроса комдива, адъютант полез за папиросами.

— Ну, этот регулировщик с флажками и с женским голосом?

— В жизни такой не видел — красавица! — расхохотался Шевченко.

Через несколько минут подъехал грузовик и, вытянув трофейный «опель-адмирал» из кювета, поставил его на дорогу. А еще через полчаса комдив был в штабе армии.

Генерал понимал, что с окончанием Сталинградской операции война не завершилась, что впереди предстояли многочисленные бои, сражения. И он уже готовился к ним. Конечно, комдив рассчитывал, что его гвардейцам сначала предоставят короткую передышку после таких тяжелых испытаний, но тем не менее, входя в кабинет командарма Жадова, приготовился к любому повороту событий. Но то, что он услышал, было полной неожиданностью. Ему предлагали на несколько дней слетать в Москву. Это была для Родимцева самая дорогая награда за его ратный труд. От неожиданного предложения он первые минуты не знал, что ответить. Предстали перед ним две его дочки и жена Катюша, которых он уже не видел почти полтора года. Но тут же семейные видения прервали мысли о предстоящих боях — как посмотрят на него, боевого генерала, уезжающего в самое горячее время в глубокий тыл, солдаты. Ведь война — это не сезонное производство, когда после трудовой горячки можно взять отгул, посидеть с удочкой на берегу реки, съездить на курорт. Война не дает отпусков. В тыл здесь едут только в санитарных вагонах. Командующий, хорошо знавший комдива еще по довоенным годам, понял, какие мысли терзают Родимцева.

— Ну, не мучайся, совесть у тебя чиста — в Главное управление кадров вызывают. Вот заодно и повидаешься с семьей.

Он думал, что успокоил комдива, а вышло наоборот. Кадровые военные, каждый из них понимал, что в управление кадров просто так не вызывают. «Значит, переводить собираются, — подумал Родимцев, — с дивизией разлучат».

«Да, видно, на повышение пойдет», — рассудил командарм. Конечно, в душе он был рад за Родимцева, но в то же время

расставаться с таким опытным комдивом ему не хотелось. На него всегда можно положиться.

Родимцев, в свою очередь, по-своему прикидывал предстоящий вызов. Конечно, он мог рассчитывать на повышение, — воевал все эти годы неплохо, в приказах Главнокомандующего отмечали. Повышение в должности, чего там кривить душой, всегда приятно. И все же он так прикипел к своей «тринадцатой», сроднился с бывшими десантниками воздушно-десантной бригады, что просто не представлял себя вне дивизии. А то, что расставание предстоит, Родимцев сознавал ясно. Если вызывают в ГУК — значит, изменение по службе. Снять, понизить в должности — для этого не только комдивов, но и повыше начальство в Москву не приглашают. Снимут телефонным звонком — и баста. Даже новую должность «забудут» подыскать. «Нет, точно — повышение», — рассчитал комдив.

21

От Средней Ахтубы, где был фронтовой аэродром, до Москвы из-за плохой погоды добирались двое суток.

Город встретил его приветливо. Яркое солнце, приподнятое настроение людей, на устах которых так и витало слово Сталинград, деловой спокойный ритм столицы вдохнули праздничное настроение и в боевого генерала. Трамваи, троллейбусы, автобусы, метро — весь транспорт был в движении.

После шестимесячного кромешного ада, который пришлось пережить в Сталинграде, Родимцеву Москва казалась сугубо мирным городом. И только встречавшиеся кое-где развалины домов да светомаскировка напоминали, что столица тоже пережила трудное время.

Хотелось сейчас же поехать домой, в родной Кропоткинский переулок, подняться по лестничным маршам знакомого четырехэтажного дома. Но воинская дисциплина удержала от соблазна. Вначале дело — затем отдых.

В Главном управлении разговор был коротким. Седеющий полковник, коротко справившись о здоровье, ознакомил с приказом, который гласил, что генерал-майор Родимцев назначался командиром 32-го корпуса, входящего в состав шестьдесят шестой армии.

Родимцев внимательно прочитал приказ, встал со стула, четко ответил: «Есть принять корпус», но уходить не торопился. Полковник по-своему расценил эту паузу: «Вам разрешен отпуск — десять дней». Но, видно, генерала мучил какой-то другой вопрос. Он понимал, что задавать его здесь неуместно, не положено, но не удержался.

— Скажите, кто примет мою тринадцатую?

— У вас остается — она входит в состав тридцать второго корпуса.

Всегда выдержанный, владеющий своими чувствами, умеющий не выражать вслух бурную радость, не показывать при всех большую горечь, Родимцев на этот раз не удержался:

— Вот за это спасибо. — Улыбка слегка тронула его обветренное, похудевшее лицо.

Как пролетели десять московских дней, Родимцев не заметил. Были и радостный смех, и слезы счастья, щебетанье дочерей и посещение гостей, безостановочные вопросы соседей по дому и курьезные встречи с незнакомыми в городе. Уже возвращаясь на фронт, в самолете он вспомнил, как с женой и ее подругой слушал оперу в Большом театре, как возвращался в метро домой

и… поцелуй незнакомой женщины.

В тот вечер, выйдя из театра с женой и ее подругой Дусей, они едва поспели на последний поезд метро. Народу было мало. И их небольшая компания, а особенно генеральская форма привлекли внимание малочисленных пассажиров. Напротив в рабочей одежде сидели несколько женщин, видно возвращавшихся с вечерней смены. Родимцев обратил внимание, что каждая держала в руках сетку с продуктами. И что-то веселое потерялось у Родимцева. Словно он не был в Большом театре, не гулял по Кропоткинскому переулку. Жена толкала его в бок, а он молчал. Нет, по лицу никто, никогда не догадался бы сейчас, радуется он или горюет. Спокоен. И только тот, кто знал его хорошо, увидел бы, как дернулось правое веко, сжался рыжеватый кулак да глаза прищурились. А так с виду — человек без нервов.

Слушал, хотел узнать, о чем шепчутся молодые женщины. Не из простого любопытства. Он чувствовал, что это ему косточки перебирают.

— Ишь, лампасы получил и по театрам шастает, да не с одной, а с двумя. В тылу окопался, хотя и моська тощая, — громко шептала молодая в шерстяном платке и в синем ватнике, перепоясанном армейским ремнем.

— Да будет тебе, Шура, после Сталинграда в Москве поболее стало военных. Кто за назначением, а может быть, и отпуск какой начали им давать. Ведь люди же они — не железо, надо и отдохнуть.

— Ослепла ты, Прасковья, этот-то генерал и молод слишком для фронта, и весел, как в кино. Посидел бы, как Родимцев, шесть месяцев в Сталинграде, тогда бы я посмотрела, как он хихикал бы тут в метро, — сказала она уже так громко, что не только давно прислушивавшийся к их разговору Родимцев, но и его жена, и ее подруга услышали этот разговор.

— А вы что, знаете Родимцева? — подошла к женщинам рассерженная Дуся.

— Его все знают, радио надо слушать, газеты читать, а бог даст — познакомлюсь.

Родимцев ожидал, что смутит молодую женщину, когда вопреки своим правилам и характеру заставил себя подойти к спорящим пассажиркам метро.

— Я и есть Родимцев.

— Сейчас все захотят себя представлять Родимцевым, — не смутившись, отмахнулась молодуха.

— Но он и есть Саша Родимцев, мой муж, — растерянно подтвердила Катерина.

— Вам что, девчата, документы показывать или милиционера

звать, чтобы подтвердил, — уже спокойнее продолжала Дуся.

— А вы нас не разыгрываете? — уже не так уверенно вопрошала Шура.

— Честное гвардейское, я — Родимцев, — полушутя-полусерьезно подытожил эту неожиданную беседу комкор 32-го.

И не успел генерал закончить свою фразу, как молодая женщина в синем ватнике, подпоясанном армейским ремнем, обняла его и на мгновение прижалась к щеке.

— Извините, если вы на самом деле Родимцев, то от всех нас, молодых, пожилых, старых, от детей, которые растут, от детей, которые родятся, российское спасибо, что отстояли, в кабалу чужеземцу не дали, храни вас господь.

Улыбаясь, вспоминал эту мимолетную встречу генерал. Ему понравилась та молодая женщина. Ведь и лет-то ей мало, а вера какая! Он помнил ее слова: «От детей, которые растут, от детей, которые родятся». Значит, верит русский народ в своих ратников, знает, что не посрамят землю свою, не погубят ростки жизни. Вот только откуда у такой молодой «господь» с языка выскочил? Видать, старухи всегда около, — засыпая, подумал Родимцев.

Часть пятая
ОГНЕННАЯ ДУГА

1

Родимцев вернулся в Верхнюю Ахтубу, когда здесь заканчивалось формирование вновь созданного стрелкового корпуса, полным ходом шла подготовка личного состава. Несмотря на то что Сталинградская победа гулким эхом пронеслась по планете, вселяя надежду и радость в сердца миллионов порабощенных людей, все понимали, что фашизм еще жив, что гитлеровцы попытаются взять реванш за фиаско на Волге. Понимали это и бойцы, прошедшие выучку в сталинградских развалинах, понимали и новички, впервые попавшие на фронт. Понимали все — и рядовые, и командиры. Скоро стали поступать и подтверждения. Разведчики докладывали, что враг готовится к широкому наступлению. В крупных штабах стало известно и кодовое название, которое дали гитлеровские генералы предстоящей операции, — «Цитадель».

Планируя операцию «Цитадель», немецкие стратеги готовились нанести на Курском выступе встречные удары: один из района Орла, а другой из района Белгорода. Командующими этими группировками Гитлер назначил своих самых опытных фельдмаршалов — фон Манштейна и фон Клюге. Перед ними была поставлена цель окружить советские войска в районе Курска и уничтожить их.

Гитлер скрупулезно готовился к этой операции. Конечно, ни комкор Родимцев, ни даже командарм Жадов не могли тогда знать, какими силами будет играть ва-банк завоеватель Европы. Но там, в Москве, на столе Верховного уже лежали разведсводки, свидетельствовавшие о том, что фашисты собираются пустить в дело козырные карты. Судя по докладам Генерального штаба, Гитлер значительно увеличил численность своих армий, оснастил их новейшей техникой.

Для проведения задуманной операции фюрер поставил под штандарты своих фельдмаршалов 50 лучших дивизий вермахта, в том числе 16 танковых и моторизованных, в общей сложности около 2700 танков и самоходных орудий, более 2000 самолетов. В окопах ждали приказа о наступлении около 900 тысяч солдат и офицеров. Среди них головорезы из танковых эсэсовских дивизий «Викинг», «Мертвая голова», «Великая Германия», «Рейх», «Адольф Гитлер».

Конечно, советское командование, узнав о намерении противника, тоже не теряло даром времени. Ставка разработала четкий план и планомерно стала его осуществлять. В короткий срок скрытно была организована жесткая, глубоко

эшелонированная, насыщенная проволочными и противотанковыми заграждениями оборона с несколькими рубежами, глубина которых достигала десятков километров.

Советское командование планировало измотать противника на нашей обороне, уничтожить его танки, а затем, введя свежие резервы, перейти в общее наступление и уничтожить основную группировку противника.

Корпус генерала Родимцева попал в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Вернувшись из Москвы, комкор застал своих однополчан на новом месте, в лесу неподалеку от деревеньки Кутье. Утопающая в зелени, благоухающая ароматами садов деревушка казалась настоящим раем, напоминала об уже далеких мирных днях. После Сталинграда, где гвардейцам почти полгода приходилось жить в канализационных трубах, в сырых полузатопленных блиндажах, в насквозь простреливаемых зданиях, Кутье показалось роскошным курортом. Адъютант Шевченко, соскучившийся по генералу, не знал, куда усадить комкора, и, что совсем уж для него не было характерно, рассказывая о последних новостях в дивизии, хитрил, пытаясь узнать, кто из ветеранов-штабистов останется в дивизии, а кто пойдет в штаб корпуса. Но так ничего и не выведав, повел Родимцева в дом, где разместился штаб корпуса. Это был небольшой сруб под аккуратно выкрашенной крышей. Две небольшие светлые комнатки. Старый круглый стол, этажерка с книгами и кованый, с большим замком сундук располагали к благодушному настроению. Молодая хозяйка, встретившая генерала на крыльце хлебом и солью, своим певучим курским говорком радостно приветствовала воинов:

— Рады встретить вас, дорогие наши защитники. Отдыхайте, набирайтесь сил, только бы дорога дальше на восток супостатам была закрыта.

Много встреч с мирными жителями было за войну у генерала. Запомнились и те, первые, на Украине, когда крестьяне молча и обиженно смотрели им вслед при отступлении, и те, неистовые, когда держали оборону под Тимом, у поселка Красный Кут. И те, суровые, когда один взгляд говорил больше, чем многие фразы, — в Сталинграде, в доме Павлова. И в Москве, в метро, когда усталые глаза полуголодных женщин в потертых рабочих ватниках светились верой в победу. Генерал не знал, как объяснить, но он точно знал, что все они, эти встречи, вселяли в него, в сердца его подчиненных какой-то дух неодолимости, неистовую ненависть к фашистам. Даже сейчас, когда они находились в резерве и занимались боевой учебой, неудержимость, наступательный дух чувствовались во всем. Даже

темы боевых занятий теперь резко отличались от тех, которые приходилось проводить в первый год войны. Гвардейцы с особым настроением отрабатывали такие темы боевых занятий, как «Прорыв обороны противника», «Форсирование водных преград», «Ввод вторых эшелонов». И хотя корпус находился в резерве, в обороне, каждый, от солдата до генерала, понимал, что войска готовятся к наступательным действиям.

2

По плану операции «Цитадель» главный удар наносился по левому крылу Воронежского фронта силами четвертой танковой армии под командованием генерал-полковника Гота. Армия Гота состояла из двух танковых и одного армейского корпусов.

Вспомогательный удар должна была осуществить мощная группа «Кампф» в составе двух танковых и одного армейского корпусов. Этот удар по замыслу гитлеровского командования имел целью борьбу с подходящими с востока нашими резервами.

Общее руководство наступлением на Курский выступ с юга осуществлял командующий войсками группы армий «Юг» фельдмаршал Манштейн.

У левого фланга наших войск противник создал мощный белгородско-харьковский плацдарм, с которого гитлеровское командование планировало нанести удар на север, в тыл Курского выступа, намереваясь окружить и разгромить войска Воронежского фронта. По данным нашей разведки, в районе Харькова и юго-западнее концентрировалась основная ударная сила немецко-фашистской армии: отборные танковые дивизии СС «Викинг», «Мертвая голова», «Великая Германия», «Рейх», «Адольф Гитлер» и другие, на вооружении которых находилась новая, еще не применявшаяся в боях техника, по своим боевым качествам представлявшая действительно грозную силу: тяжелый танк «тигр», средний танк «пантера», мощная самоходно-артиллерийская установка «фердинанд».

5-я гвардейская армия, в состав которой входил 32-й гвардейский стрелковый корпус Родимцева, находилась в стратегическом резерве Ставки Верховного Главнокомандующего. Корпус, согласно приказу, передислоцировался из Верхней Ахтубы в район западнее Старого Оскола.

Относительно спокойная жизнь длилась недолго. Поздно вечером в начале июня резкий телефонный звонок нарушил тишину штабного домика.

Родимцев взял телефонную трубку. Говорил командующий армией Жадов.

— Занятия прекратить. Дивизиям немедленно занять оборонительные полосы, быть готовым к ведению боя.

Командарм добавил, что немецко-фашистские войска на Белгородском направлении прорвали оборону наших войск. Некоторое время Родимцев недоверчиво смотрел на телефонную трубку, потом не спеша положил ее на аппарат.

Через час пришло боевое распоряжение штаба армии. Оно

требовало от корпуса с наступлением темноты занять подготовительные оборонительные полосы каждой дивизией и организовать систему огня, осуществить в течение ночи маскировку оборонительных сооружений, сменить основные командные пункты на запасные и организовать надежное управление…

Родимцев за годы войны привык уже к таким неожиданным приказам, научился быстро перестраиваться, принимать молниеносные решения. Но сейчас поймал себя на мысли, что звонок командующего армией Жадова застал врасплох. То ли не рассчитывал на такую прыть гитлеровских вояк, то ли усталость давала о себе знать: шутка ли, третий год тяжелейшей войны. Намытарились за это время немало. И отступали, и в окружение попадали, и друзей по всем фронтовым дорогам хоронили. После Сталинграда чуть-чуть полегче вздохнули, душу отогрели — погнали фрица. Теперь все чаще и чаще в Штабах наших войск разрабатывались наступательные операции, решались задачи на уничтожение врага. Теперь и сил в войсках было побольше, и опыта бойцы и командиры поднабрались, да и гитлеровец пошел не тот, что в сорок первом году: и харч у него не тот, и техники поубавилось, и пыл воинственный сбили. Хотя солдатам объясняли, что война еще не закончилась, впереди много трудных, тяжелых боев, но люди в душе считали, что беду, нависшую над страной, уже отвели и капитуляция бесноватого фюрера — дело времени. И вдруг сообщение — враг прорвал нашу оборону, перешел в решительное наступление. Что это? Последняя агония смертельно раненного зверя?

3

Трое суток соединения корпуса находились на оборонительных участках. Сколько было дум, гаданий, каждый задавал себе вопрос — неужели опять фашистские войска так сильны? Почему сумели прорвать крепкую, глубоко эшелонированную фронтовую оборону? Невольно вспомнилось отступление в сорок первом.

Неужели опять станут издеваться, терзать, пытать, сжигать города и деревни?

Генерал вспомнил сейчас то время, и пальцы рук невольно сжались в кулаки: «Нет, больше этому не бывать!»

И тем не менее гитлеровцы в первые дни наступления имели значительный успех. Они в ряде мест прорвали хорошо налаженную оборону наших войск. На один из таких участков, где фашисты глубоко вклинились в боевые порядки советских войск, срочно бросили корпус Родимцева. Ему приказали сосредоточиться в районе Обоянь — Ольховатка. Командование не исключало возможности встречного сражения с противником.

Каждому бойцу было выдано на руки по сто двадцать винтовочных патронов, четыре ручных гранаты, двухдневный запас сухого пайка.

С рассветом 11 июля все оперативные группы во главе с командирами дивизий, проделав стокилометровый марш, заняли оборону вдоль дороги Обоянь — Курск.

Не успел штаб корпуса освоиться на новом месте, как посыпались телефонные звонки из дивизий. Начальник штаба 13-й гвардейской стрелковой дивизии докладывал, что полк Шура, действующий в передовом отряде, ведет бои с танками противника. Начальник штаба 66-й стрелковой дивизии полковник Куликов также сообщал, что его войска вступили в бой. Сомнений не оставалось — гитлеровцы возобновили наступление.

С рассветом авиация противника усиленно прокладывала путь своим танкам на Обоянь. Вскоре началось танковое сражение под Прохоровкой.

В этой резко обострившейся обстановке Родимцев принял решение немедленно выдвинуть вперед вдоль дороги Заринские Дворы — Обоянь два истребительных противотанковых полка, которым приказал остановить прорыв фашистских танков на Обоянь. Задача ответственная и трудная, но этого требовала обстановка.

В крайне невыгодном положении оказалась 13-я гвардейская

дивизия. Особенно тяжело пришлось воинам полка Шура, который действовал в передовом отряде. Не выдержав сильного танкового удара врага, полк стал отходить на Обоянь.

В этот критический момент выручили артиллеристы. Подбадриваемый командующим артиллерией полковником Барбиным истребительный противотанковый полк с ходу развернулся на выгодном рубеже и открыл огонь. От первых выстрелов противотанковой артиллерии загорелось сразу десять фашистских танков.

Добрые вести поступили и от генерала Якшина, который доложил, что на его участке атака противника отбита, сожжено и подбито пятнадцать вражеских танков. От таких докладов у генерала Родимцева на душе стало веселее. Он понял, что в тяжелом сражении наступает перелом. Он был в прекрасном настроении, задирал веселыми шуточками штабистов, тщательно учитывавших вражеские потери, особенно танки.

— Ну, как, сходится дебет с кредитом, — шутил генерал, — или ваши кассиры прогорели?

— Да уж так прогорели, что смрадный чад стоит в округе, — намекая на огромное число подбитых танков, отвечали штабисты.

Шутка шуткой, но генерал, радуясь удачам, продолжал внимательно изучать действия противника, пытаясь выяснить его дальнейшие планы и намерения.

4

Гитлеровцы явно стали осторожничать. Часть танков покатила назад. Во второй половине дня, оставив на поле боя около трети своих танков, противник на Обоянском направлении полностью отказался от наступления. Но хотя враг и отходил, потеряв много техники, боеспособность он не утратил. Надо было ждать нового напора фашистов. Чтобы уяснить создавшееся положение, Родимцев вместе с адъютантом, капитаном Шевченко, коноводом Иваном Толстых и командующим артиллерией полковником Барбиным отправился верхом на лошадях в любимую 13-ю дивизию. Для сокращения маршрута поехали не через Обоянь, а по прямой.

В селе Знобиловка путь конникам преградила река. Решили переправиться вброд. Родимцев первый вошел в воду, за ним и остальные конники. Мальчик, так звали коня генерала, от берега метра четыре шел по дну, а потом неожиданно оступился и, вытянув шею, фыркнул и поплыл. Генерал освободил поводья левой рукой, правой взялся за гриву коня и вскоре благополучно добрался до противоположного берега. Спрыгнув с коня, снял сапоги, чертыхаясь, принялся выливать воду. Вот уж действительно справедливо говорят: «Не зная брода, не лезь в воду». Но как оказалось, главные неприятности были еще впереди.

Вторым за Родимцевым вышел на берег капитан Шевченко. За ним плыл Иван Толстых. Лошадь полковника Барбина упрямилась, не хотела идти в воду.

— Отдай поводья, прижми шенкеля, — крикнул Родимцев.

Барбин наконец кое-как затянул коня в воду. Лошаденка была маленькая, щупленькая и раньше времени пошла вплавь. Родимцев, наблюдавший за этой картиной, неожиданно притих, когда на середине реки лошадь Барбина начала крутиться. Полковник был высокого роста и своим грузным телом топил маломощную лошаденку. Выбившись из сил, она беспомощно плыла по течению. Наконец каким-то чудом и лошадь, и всадника выбросило на мель. Почувствовав землю, животное радостно отряхнуло воду и кинулось на берег, потащив за собой по песку беспомощного Барбина.

Когда Родимцев с адъютантом подбежали, полковник, тяжело дыша, лежал на спине, одна нога его торчала в стремени, спина и бок кровоточили. Пришлось отправить его с Иваном Толстых в село, а в дивизию добираться вдвоем с адъютантом.

Путь конников лежал через огромное поле, где совсем

недавно гремел кровопролитный бой. То там, то здесь дымились подбитые и сожженные фашистские танки. Повсюду валялась искореженная и сожженная техника, тела убитых. Земля была изрезана артиллерийскими снарядами, минами и авиационными бомбами.

— Товарищ генерал! — крикнул адъютант. — Смотрите, сколько подбито фашистских танков. Это им не сорок первый, узнали, какая у нас техника.

Но генерал не откликнулся, он видел в том хаосе металла и искалеченных человеческих тел не только фашистские танки. Опытный глаз выхватил и раздавленные орудия нашего истребительного противотанкового полка. Какой год уже воюет он, кадровый военный, командир корпуса, но привыкнуть к этим жертвам не может и не хочет. И не только не хочет, а словно чувствует вину за потери. Задумавшись, генерал даже не заметил, как они въехали на позиции 13-й дивизии.

— Что с вами, Александр Ильич? — почувствовав что-то неладное с командиром, встретил его вопросом комдив Бакланов.

— Все бывает в жизни, — уклончиво ответил генерал.

После коротких приветствий, расспросив о друзьях, перешли к делу. Родимцев выяснял придирчиво, что сделано по укреплению и инженерному оборудованию обороны.

— Крайне мало времени, — сетовал комдив, — но тем не менее успели закрепиться основательно, организовали четкую систему артиллерийского и стрелкового огня, особенно противотанковой артиллерии…

— Ты мне лекцию не читай, как надо налаживать оборону, — перебил комкор, — а конкретно говори, что сделано? С цифрами. Как артиллерию используешь? Что саперы и инженеры сделали? Сколько окопов вырыто?

И комдив, крякнув, начал заново докладывать о проделанной работе, теперь уже с фактами, с цифрами, то и дело обращаясь к карте, расшифровывал на ней кружочки, ромбики и другие обозначения. Он доложил, что, по сообщениям дивизионной разведки, немцы половину танков отводят в тыл, оставляя незначительную часть в обороне.

— Судя по всему, — высказал предположение Бакланов, — это была последняя попытка прорваться танковыми частями на Обоянь.

— Поживем — увидим, — спокойно ответил Родимцев, — но я сомневаюсь, чтобы немцы отказались от своего намерения. Поэтому приказываю не медля ни минуты организовать по всей полосе обороны дивизии тщательную разведку, все противотанковые средства и пушки дивизионной артиллерии

установить на прямую наводку.

Подошли начальник штаба дивизии Бельский и начальник политотдела Вавилов. Как всегда веселые, жизнерадостные, они хотели поделиться с Родимцевым своими впечатлениями о прошедшем бое. Со дня окончания Сталинградского сражения Родимцев не видел боевых друзей и сейчас был безмерно рад этой короткой встрече.

— После Сталинграда не те стали фрицы, — улыбался Бельский, — да и тактика у них изменилась. Сейчас поменялись ролями: они обороняются, а мы наступаем.

— Видел сам, — поддержал его Михаил Михайлович, — как наша САУ из засады за две минуты подбила два добротных фашистских танка.

— Как же ты определил, что это САУ-сто пятьдесят два? — улыбаясь, спросил Родимцев.

— Очень просто. Когда она стреляла, бойцы хлопали в ладошки и приговаривали: «Так им, подлым душонкам, пусть горят. Ай да савушка! Молодец!» Когда я спросил у них, что такое савушка, один из танкистов эдак ехидно меня пригвоздил: «Вот пехота, не знает, что такое савушка. Это мы так прозвали самоходно-артиллерийскую установку».

Родимцев не мог удержать улыбки, и все дружно расхохотались. Смеялись от души, задорно, забыв на мгновенье о тяжких, еще не остывших боях, о рычащих перед окопами «тиграх», «фердинандах», «пантерах». А ведь несколько часов назад всем, от рядового до генерала, было не до смеха, тогда еще не знали, «чья возьмет».

Родимцев подробно расспрашивал о прошедшем бое, справлялся о каждом батальоне, о людях, которых он лично знал с первых дней войны. И комдив, и начальник штаба, и комиссар подробно ему рассказывали. Особенно детально они описывали действия гвардейцев батальона капитана Мощенко, на позиции которого одновременно пошло двадцать пять бронированных танков.

— Не сдрейфили ребята?

— Да нет, молодцы, все только уставы и нормы нарушали.

— Это почему же?

— Фрицы заставляли.

Оказывается, когда танковая армада двинулась на позиции, бронебойщик Максимов, в нарушение всех норм, подпустил врага на несколько десятков метров. До боли сжимал тяжелый приклад ружья бронебойки, выбирая подходящий момент, и когда почувствовал смрадное дыхание ползущей машины, аккуратно нажал на курок. Выстрела Максимов не расслышал, а только

увидел, как, словно наткнувшись на непредвиденную преграду, танк остановился. Увидел он и то, что второй «тигр» отвернул в сторону и стал обходить его с фланга. Деловито, словно перетаскивая бревно, Максимов развернулся с ружьем и стал поджидать, когда тот подставит бок. И дождался: метким выстрелом остановил вторую машину. Остальные развернулись и пошли на соседний участок, туда, где оборону держали гвардейцы лейтенанта Самохина.

«Теперь можно и передохнуть, — решил бронебойщик. — А тех Самохин наверняка хлопнет». Максимов представил себе, как не по возрасту серьезный лейтенант привычно поправит каску, расстегнет воротничок гимнастерки, хитровато прищурит голубые глаза и… Вскоре со стороны лейтенанта послышались приглушенные хлопки. «Раз, два, три… — сосчитал Максимов хлопки бронебойки и количество «тигров», что так и не смогли дойти до лейтенанта.

— Так кто же больше отличился? — спросил Родимцев.

— Да все отличились, — вместо комиссара ответил комдив Бакланов. — Это мы для примера двоих назвали. А вообще-то все долбили немца прилично.

По докладам командиров, дивизия за один день вывела из строя шестнадцать танков, около тысячи фашистских бандитов.

— Ну, молодцы, порадовали, — подытожил короткую встречу Родимцев. — Но не зазнавайтесь, дел впереди еще с три короба.

В штаб корпуса Родимцев вернулся поздно вечером. Пока он отсутствовал, дел накопилось предостаточно: телефонограммы, боевые распоряжения, донесения разведки. Звонили из дивизий, из штаба армии. Пересиливая наваливающийся сон, слушал генерал последние сообщения и уже прикидывал в голове, как воевать завтра. Он был уверен, что немцы не смирятся с поражением и снова полезут напролом. Ведь у фашистских генералов отборные танковые части, и хотя за последние трое суток корпус с боями продвинулся на два с лишним километра, обстановка была крайне неясная и запутанная. Из одной дивизии докладывали, что захватили господствующую высоту, а из другой сообщали, что вражеские танки вышли на наши тылы. Генерал чувствовал, что боевые действия велись неорганизованно и носили очаговый характер. Беспокоило генерала и то, что его дивизии неточно выполняют приказы. Всем им необходимо было держать железную оборону, а они то и дело переходили в контрнаступления.

И когда рано утром в штабе появился командующий армией Жадов, Родимцев понял, что это неспроста.

— Наступление, значит? — строго посматривая из-под

кустистых бровей спросил командарм.

— Да, где немец слабинку дает, там мы его и поджимаем, — генерал почувствовал, что командарм недоволен такой самодеятельностью гвардейцев. Но почему? Ведь наступающих всегда хвалили. Очевидно, что в вышестоящих штабах задумано что-то особенное, а он не знает. Конечно, не мог он, командир корпуса, знать стратегического плана советского Верховного командования. И уж, естественно, незнаком был с секретной радиограммой, в которой Константинов докладывал Васильеву, что «переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, перейдем по всему фронту в наступление и окончательно добьем основную группировку противника». Тем более не знал Родимцев, что псевдоним Константинов принадлежит маршалу Жукову, а Васильев — Верховному Главнокомандующему Сталину.

— Потом будете дожимать, — не приняв шутку Родимцева, строго ответил командарм. — Никакой самодеятельности. Приказываю перейти к упорной обороне на всех занимаемых рубежах. Ваша задача — не допустить прорыва танков и пехоты. Если хоть один танк прорвется на Обоянь, будете отвечать лично. Повторяю — лично.

Немного смягчившись, Жадов попросил карту-«сотку» и стал отмечать тонко заточенным карандашом танкоопасные направления. Начертил одну, вторую, третью линии. Последняя подходила вплотную к Обояни. Нанося рубежи предстоящей обороны, командарм одновременно обращал внимание на необходимость тщательной организации системы огня и, в первую очередь, противотанковой. Потребовал он от Родимцева создать обширные минные поля перед нашими окопами. Вглядываясь в карту, молча слушал приказ командира Родимцев, а сам уже прикидывал, что для выполнения поставленных ему задач потребуется не менее месяца.

— Приказ ясен? — закончил Жадов.

— Так точно.

— Если ясно, выполняйте. В организации противотанкового и вообще артиллерийского огня вам поможет командующий артиллерии армии генерал Полуэктов. Оставлю его у вас.

Как только командующий уехал, штаб и политотдел приступили к работе по организации обороны. Начальник штаба Григорий Сергеевич Дудник сел за стол готовить приказ дивизиям. Оставленный в корпусе командующий артиллерии Полуэктов отправился на боевые позиции к артиллеристам.

Родимцев подсел к телефону, стал названивать по дивизиям. Пока он говорил с комдивами, Дудник подал ему на подпись подготовленный приказ. Родимцев пробежал глазами по листку бумаги.

«Командирам дивизий 32 гв. с. к.: 1. Соединениями корпуса наступление прекратить и перейти к прочной обороне на захваченных рубежах в своих границах. 2. Организовать хорошо продуманную систему огня, в первую очередь, противотанковую. Подтянуть орудия ПТО и ПА к переднему краю в боевые порядки пехоты. 3. Все оружие, боевые порядки и тылы закопать в землю и тщательно замаскировать. 4. Танкоопасные направления замаскировать, особенно на стыках и флангах.

Командир корпуса

гв. генерал-майор *А. Родимцев*».

Вздохнув, — «опять оборона», — Родимцев подписал приказ. Офицеры связи повезли приказ в дивизии, а оттуда начали поступать странные донесения. В них сообщалось, что противник отходит в южном направлении, оставляя на старых позициях мелкие группы прикрытия. Командиры дивизий по своей инициативе начали преследовать отходящего врага. Офицеры связи не успели доставить приказ о жесткой обороне. Конечно, Родимцев мог по телефону приостановить начатые наступательные действия. Но не поднял трубку. «Что это? — мучительно думал он. — Противник наконец выдохся и отходит, или это очередная хитрость, заманивает, чтобы потом на наших же плечах ворваться на Обоянь?» Родимцев помнил недавний разговор с командармом и его строгий приказ на прочную оборону. Но сведения поступали и поступали — враг отводил свои главные силы. Как быть? Приказ есть приказ. Но ведь ситуация резко изменилась. Враг действительно отводит свои главные силы, и не воспользоваться этим грешно. Родимцев медленно ходил из угла в угол, мучительно решая, как быть. Наконец, убедив себя в правоте, дал «добро» своим гвардейцам на наступление. По-своему рассудил он о своем поступке. «Без риска на фронте нельзя. Разве не рискует боец, подымаясь на бруствер окопа, идя в атаку? Рискует. Разве не рискует бронебойщик, подпуская огнедышащую танковую махину на двадцать метров? Рискует. А что же, командир дивизии, корпуса может на войне без всякого риска жить? Нет, не может. Только у него риск особый. Это риск чести, риск совести, риск остаться самим собой». И он твердо поднял телефонную трубку, связался с командующим армией, сообщил о действиях противника, об отданном приказе наступать.

— Добро, — неожиданно для себя услышал он. — Рискнем, Родимцев, семь бед — один ответ.

Родимцев был доволен, что командарм понял его. По всей видимости, армия тоже еще не получила приказ о наступлении, но все данные говорили, что этот час настал.

После Сталинградской битвы, когда Родимцев со своим корпусом перешел из шестьдесят второй армии в подчинение командарма Жадова, он не сразу смог перестроиться. Резкий, жесткий, неуступчивый Чуйков. Интеллигентный, мягкий, но тоже не менее требовательный Жадов. Разные по характеру, они вместе с тем были одними из самых опытных, грамотных, умелых командармов в войсках. Первое время не все планы, предложения Родимцева принимал новый командарм, частенько поправлял, даже отменял принятые им решения. Человек, не склонный к долгим обидам, Родимцев объяснял для себя такое поведение командарма чрезвычайной, порой чрезмерной осторожностью. Но надо быть справедливым, время показывало, что осторожность командарма обычно оправдывалась на деле и приносила только пользу. И когда сегодня Жадов, не раздумывая, согласился со смелым решением Родимцева, тот понял, что это неспроста, значит, что-то готовится.

5

Именно в это горячее время в штабе корпуса появился представитель Ставки маршал Жуков. Представляясь, Родимцев обратил внимание, что рядом с маршалом, кроме порученца, никого нет. А ведь кто в войсках не знал Жукова! Все, от рядового до командующего. Поговаривали о нем, что крут, требователен, строг, на выражения не скупится, Ходили слухи, что маршала постоянно сопровождают несколько генералов для немедленной замены провинившихся командиров с последующим докладом в Ставку. Участник громких событий на Дальнем Востоке, начальник Генерального штаба — Жукова побаивались, но уважали в войсках за ум, справедливость, неукротимость в достижении цели. И естественно, появление его в любом штабе представляло целое событие. «Так, значит, менять пока не собирается, — пронеслось в голове у командира корпуса, — порученец для такой должности не подойдет». Но хвалить маршал тоже Родимцева не собирался.

— Вслепую действуете, без разведки, плохо организовано взаимодействие родов войск. И вообще какая-то нерешительность.

«Вот тебе на, — молча слушал Родимцев, — еще три дня назад ругали за решительность, самостоятельность, а теперь разворот на сто восемьдесят градусов».

Жуков подошел к оперативной карте боевых действий корпуса и углубился в ее изучение. Пока он внимательно вглядывался в красные и синие стрелы, условные кружочки и кольца, в штаб прибыли вызванные им командарм пятой армии Жадов и командующий танковой армией Ротмистров.

— Ну вот, все доблестное воинство в сборе, — поднял голову Жуков. И он твердо, немного резковато стал отдавать генералам указания о боевых действиях войск, подробно останавливаясь на упущениях. От его соленых словечек Ротмистров еле-еле успевал вытирать пот со лба. Командарм Жадов, взволнованно переступая с ноги на ногу и поскрипывая до блеска начищенными сапогами, попытался что-то возражать. Но Жуков так пристально и внимательно посмотрел на него, ухватившись левой рукой за свой массивный подбородок, что командарм перестал топтаться на месте и теперь уже слушал представителя Ставки без возражений.

Разговор зашел о развертывании широкого наступления, о тщательной подготовке к этому всех войск. Родимцев понял, что речь идет не только о его корпусе и не только об их пятой армии, а о фронте, и даже о нескольких фронтах. Все почувствовали, что

наступает самый ответственный период в Курско-Орловской операции советских войск. Да и трудно было не догадаться, если сам маршал Жуков приехал в штаб корпуса.

Почти две недели гвардейцы готовились к предстоящим боям. Офицеры штаба проводили рекогносцировку на местности, уточняли вопросы взаимодействия родов войск, заботились о пополнении боеприпасов и приведении в порядок материальной части. Казалось, сам воздух был напоен атмосферой предстоящих боев. Какие они будут? Конечно, бывалые фронтовики знали, что легких побед не бывает. Будь то небольшой, скоротечный бой, будь то огромное сражение. По опыту все знали, что при наступлении потерь в несколько раз больше, чем при обороне. И тем не менее все ждали одной команды: «В атаку!»

Корпусу Родимцева было приказано наступать в полосе девяти километров. Гвардейцам предстояло прорвать тактическую зону обороны противника на глубину до пятнадцати километров. При этом войскам ставилась задача, которую за время войны еще никому не приходилось решать. На своем узком участке гвардейцы должны были обеспечить ввод в сражение целой танковой армии генерала Катукова. Это была новинка и, значит, риск.

В полосе наступления почти всюду — холмистая местность, перерезанная глубокими оврагами, балками, небольшими рощами. В глубине обороны протекала река Ворскла, крутые берега которой вздымались над водой на несколько метров. И повсюду — села с бревенчатыми избами, сараями, скотными дворами. Все это позволяло противнику создать прочную оборону.

Сил еще у гитлеровцев оставалось предостаточно. Разведчики установили, что в полосе наступления корпуса оборонялись три пехотные и одна танковая дивизия.

Родимцева волновал психологический настрой войск. Он видел, что все рвутся в бой. Эта порывистость, нетерпение и радовали, и настораживали. Ведь до Курской битвы его гвардейцы имели богатый опыт в оборонительных боях, грамотно его использовали. В совершенстве освоили ведение уличных боев. Но генерал понимал, что солдаты не имеют практики в подготовке и проведении такой широкомасштабной наступательной операции, как нынешняя. Да еще с привлечением огромного количества артиллерии, танков, авиации. И хотя подготовка к наступлению была закончена, Родимцев не находил себе места. В штабе он не сидел. Его видели то в одной, то в другой дивизии, он появлялся в полках, медсанбатах, проверял, как саперы снимали минные поля.

6

Наступало утро 3 августа, к встрече которого готовились все гвардейцы. В четыре часа тридцать минут были сверены часы командиров дивизий, полков с часами командиров артиллерийских частей…

В пять часов утренний рассвет вспороли огненные всполохи. Началась артиллерийская и авиационная подготовка. Тяжелая артиллерия вела огонь по целям, расположенным в глубине обороны. Орудия прямой наводкой подавляли огневые точки противника на переднем крае. Наносила штурмовые и бомбовые удары врагу авиация.

Оставалось несколько минут до конца артиллерийской подготовки. Отовсюду раздавались телефонные звонки. Из штаба армии настоятельно требовали начать атаку переднего края противника танками и пехотой одновременно. Снизу, из дивизий, докладывали: подан сигнал начать движение танков. Наконец артиллеристы перенесли огонь по целям, расположенным в глубине обороны противника. И вот долгожданная команда: «В атаку!»

Пехота стрелковых дивизий совместно с танками и самоходными артиллерийскими установками, следовавшими в ее боевых порядках, с ходу овладела первой, а затем и второй траншеей.

В первый день наступления войска корпуса в тесном взаимодействии с частями первой танковой армии прорвали сильно укрепленную оборону врага, разгромили противостоящие силы, а передовые отряды дивизий вышли к селу Томаровка, перерезав основную дорогу, связывающую Белгородскую и Томаровскую группировки немцев.

Родимцев был доволен. Это видели его боевые друзья. И не только потому, что косой прищур глаз как-то расправился, что традиционное «шайтан побери» звучало не так уж грозно, что он попросил сварить излюбленную сливную кашу с картошкой. Все узнавали, когда у генерала хорошее настроение по верной примете, на которую указал назначенный недавно начальником штаба корпуса Самчук. Иван Аникеевич давно подметил, как генерал пьет чай. Если из кружки, второпях, — значит, настроение дрянь, и уж здесь под горячую руку не попадайся. А когда бережно достает свою излюбленную, уже щербатую пиалу, — значит, душа поет. Вот и сейчас генерал сидел за столом и не спеша, со вкусом причмокивая, пил зеленый чай. Пил, приговаривая после каждого глотка: «Ох и горяч, как пить

его, не знаю». Допьет пиалу, поставит на стол, в нерешительности посмотрит на нее: «Может, хватит на сегодня?» Но все-то знали, что командир еще попросит. И точно. Вкрадчиво, вроде боясь, что ему откажут, зовет ординарца: «Ну-ка, сынок, подлей еще одну, только погорячей».

В разгар чаепития вошел адъютант, доложил, что в штаб доставлен первый пленный — штабной офицер, по документам обер-лейтенант Мольке Иоганн-Мария.

— Передать в разведотдел? — спросил Шевченко.

— Нет, нет, давай вначале сами побеседуем, узнаем, что они о нас думают.

Генерал быстро застегнул ворот гимнастерки, приказал привести пленного.

Когда его ввели, Родимцев даже огорчился: «Какой же это вояка?» Перед ним стоял пожилой гитлеровец с утомленными глазами, больше похожий на бюргера, чем на кадрового офицера. Уговаривать его дать показания не пришлось. Устало опустившись на предложенную табуретку, он охотно рассказал о событиях, которые проходили у них в штабе накануне наступления советских войск. Оказывается, за три дня до наступления из оперативного отдела штаба группы армий в полк, где служит Мольке, приехал полковник Хольмингер. На совещании он приказал командованию срочно готовиться к передислокации. На позиции полка должна была прийти другая часть. Какая — не сказал. Ни одним словом вышестоящий чин не обмолвился о предстоящем наступлении советских войск. Когда его спросили об этом, Хольмингер твердо заявил, что в ближайшие полтора-два месяца войска коммунистов наступать не способны. Всем им рисовалась передышка и отдых в нормальных условиях.

Опустив голову и поджав губы, Мольке в тяжком раздумье покачал головой:

— Это была наша роковая ошибка, о последствиях которой, увы, приходится только сожалеть.

Слова обер-лейтенанта Мольке свидетельствовали, как организованно и скрытно готовилась наша наступательная операция. И если гитлеровским воякам приходилось «увы, сожалеть», то у нас было достаточно поводов радоваться успеху. Бдительность наших бойцов и командиров, их мужество и отвага, проявленные при прорыве первой полосы обороны противника, умелая маскировка и продуманная организационная работа штабов обеспечили победу в первый день наступления.

Но времени на передышку не было.

4 августа, рано утром, после короткого артиллерийского

огневого налета корпус Родимцева вместе с танкистами генерала Катукова возобновили наступление. Теперь у них была задача помочь танкистам как можно быстрее оторваться от частей корпуса и выйти на оперативный простор.

В течение двух дней танковые соединения генерала Катукова с боями прошли, оторвавшись от корпуса, почти сорок километров. Естественно, часть опорных пунктов, а местами и целые узлы сопротивления противника, остались невредимы, и гвардейцам приходилось с трудом выкуривать фрицев из укрытий. Особенно ожесточенные бои проходили под Томаровкой и Белгородом. Гитлеровское командование принимало все меры к тому, чтобы удержать их, а потом использовать как исходные рубежи для ударов по флангам советской группировки.

Взять Томаровку получили приказ две дивизии — одна из пятой армии, другая из шестой. Ответственность за операцию возложили на Родимцева. Генерал хорошо понимал, что развязать такой узел двумя дивизиями почти невозможно. Первые же бои и огромные потери подтвердили его мнение. Но штаб армии беспрерывно подгонял:

— Когда выполните приказ? Когда войдете в Томаровку?

— Несу большие потери, — отвечал Родимцев. — Да не только я. В полосе наступления танки Ротмистрова горят, как свечи. Помогите артиллерией и авиацией.

— Хорошо, поможем, — отвечал Жадов.

Командарм выполнил свое обещание. По его приказу были проведены мощные артиллерийские обстрелы и авиационные налеты. И все же взять Томаровку не удалось. Обе дивизии, неся большие потери, были остановлены врагом на северной окраине села. Слушая сводку Совинформбюро, вконец измотанный Родимцев в этот вечер запомнил несколько слов: «…в районе Белгорода идут жестокие, кровопролитные бои». Так и не дослушав сообщения, он задремал у стола.

Разбудил дежурный телефонист:

— Товарищ генерал, какой-то Юрьев требует, голос как иерихонская труба.

Родимцев взял трубку:

— Рощин слушает.

— Почему топчетесь на месте? Зазнались? По матушке-Волге тоскуете? — неизвестный Юрьев намекал на успехи 13-й дивизии в Сталинграде. — Оторвались от соединений, потеряли управление. Наведите порядок!

Родимцеву голос показался знакомым.

— А кто со мной говорит?

— Как кто? Разве у тебя нет позывных?

— Такого нет, — отвечал Родимцев.

— Юрьев говорит, Юрьев… А, черт побери, Жуков, — вдруг открытым текстом сказал маршал.

— Понятно, товарищ Юрьев, — Родимцев неожиданно для себя поднялся из-за стола.

— Надеюсь, что справишься с задачей. Жду успеха. — И в трубке послышались прерывистые гудки.

Родимцев хорошо понимал, что Томаровский узел равносилен петле на шее, и чем быстрее освободится от нее, тем легче будет всем. Но как скинуть эту петлю?

На следующий день по Томаровке мощный удар нанесла вся реактивная артиллерия, имевшаяся в распоряжении Родимцева.

Пока работали «катюши», над позициями гитлеровцев метался огненный смерч. И едва, словно утомившись после непосильной работы, притихли реактивные установки, в небе появились тяжело груженные бомбардировщики, сопровождаемые юркими истребителями. И то, что не успели доделать артиллеристы, докончили наши летчики. Артиллерийские и авиационные удары были настолько точны и удачны, что оборона гитлеровцев лопнула. В стане врага началась паника, которую, подобно горной лавине, уже ничем нельзя было остановить. Потеряв связь с войсками и не имея времени и возможности ее восстановить, гитлеровское командование пустило все на самотек.

Две дивизии корпуса Родимцева, используя мощный огневой удар, стремительно перешли в наступление и вскоре ворвались в Томаровку. Бегство противника оказалось беспорядочным. Гитлеровские войска бросали исправное оружие, боеприпасы, машины, интендантское имущество. Оставляли на произвол судьбы раненых, а их оказалось в госпиталях около тысячи. Страх и отчаяние охватили многих из них. Они ожидали увидеть рассвирепевшего, кровожадного русского медведя, жаждущего мести. Некоторые пытались покончить с собой. Но не зря любил при встрече с молодыми бойцами повторять генерал Родимцев: «Сила не в мести, сила в справедливости». Видно, хорошо помнили эти слова в гвардейских дивизиях. И на этот раз, оказавшись с глазу на глаз с таким большим числом пленных, советские бойцы остались на высоте.

Когда был взят в плен тяжело раненный командир танкового батальона майор Шульц, его с трудом сдерживали санитары. Боясь, что ему ампутируют раненую ногу, майор оказывал сопротивление: кусался, визжал, пытался спрыгнуть с кровати. Затем успокоился и стал лебезить: целовать руки врача, строить глупые улыбки. Советские медики спасли ногу пленному,

извлекли пулю из брюшной полости. Когда пленного везли из операционной, он бредил, что-то вскрикивал, так и не узнав, что у хирурга, делавшего операцию, в первый день войны погибла вся семья.

В освобожденной Томаровке налаживалась новая жизнь, а наши войска рвались вперед. Особенно успешно наступали танкисты генерала Катукова. Обойдя сильные опорные пункты гитлеровцев, они ворвались в Богодухов. Танкисты генерала Ротмистрова к исходу дня овладели городом Золочев.

7

Взятие Томаровки означало не только освобождение еще одного населенного пункта. Успешные бои позволили окружить огромную группировку врага, отсечь ей пути отхода. Более того, наши войска изолировали другую не менее грозную фашистскую группировку, окопавшуюся в Борисовке. Советское командование понимало, что единственное спасение окруженных — объединение. Не дать им этого сделать, расколотить по частям — вот к чему стремились бойцы Родимцева. Гитлеровские генералы, потерпевшие поражение под Томаровкой, тоже хорошо понимали, какая трагедия грозит им. Чтобы избежать новых неудач, недобитые фашистские части, бросив раненых, технику и вооружение, с боями начали отходить на Борисовку.

Уничтожить эту группировку советское командование поручило двум гвардейским стрелковым корпусам, которыми командовали генералы Родимцев и Чистяков.

Чтобы быть ближе к дивизиям и иметь с ними более тесную связь, Родимцев переместил свой штаб в небольшой населенный пункт Поддубный, а наблюдательный пункт оборудовал в трехстах метрах от передовой линии.

Борисовку, этот большой населенный пункт, и урочище Заповедник, где была сосредоточена основная группировка противника, гвардейцы разбили на квадраты, по которым артиллеристы приготовились нанести мощный удар.

Родимцев по опыту предыдущих боев предполагал, как всегда, начать атаку на рассвете. Но на этот раз его план не утвердили. Беспокоившийся за операцию командарм Жадов опасался, что гитлеровцы уже привыкли к «родимцевскому расписанию» и сумеют приготовиться к отражению. Родимцев начал было доказывать преимущества его плана, но командарм в дискуссию не вступил. Он твердо приказал начать боевые действия в два часа ночи и к утру очистить Борисовку. Задача была трудная, ответственная, но вполне посильная для гвардейцев корпуса.

Было тут только одно «но».

Плана Борисовки — где какая улица, переулок, площадь — у Родимцева не было. Не оказалось в дивизиях и людей, знающих населенный пункт. А ведь действовать предстояло ночью, можно сказать, на ощупь. Поди разберись, где здесь свои, где чужие.

Чтобы избежать лишних жертв, командир корпуса приказал подобрать для каждой дивизии по нескольку проводников из местных жителей, хорошо знающих Борисовку. С каждым из них

он пожелал встретиться лично.

На следующий день вечером на командный пункт корпуса привели десять крестьян.

Родимцев подошел к двум бородатым старикам, каждому из которых явно перевалило за семьдесят. Деды держались прямо, щупленький мужичок с рыжей бородкой попытался даже встать по стойке «смирно».

— Дедок, как ты здесь очутился? — Родимцев все еще никак не мог смириться с мыслью, что ему придется посылать престарелых людей в самое пекло.

— Всякая сосна своему лесу весть подает, — мудрствовал в ответ старик. — Ты не гляди, что жизнь нас подсушила да согнула в спинушке, вообще-то мы дюжие.

А боец-балагур в тон старику пошутил:

— Бой вести, дед, — не бородой трясти.

И смех, на минуту растревоживший тишину, заставил улыбнуться и Родимцева, и старцев.

— А ты, желторотик, бороду вначале такую отрасти, а затем поучай, — незлобно огрызнулся старик.

— Может быть, отцы, — обратился к проводникам Родимцев, — останетесь все же здесь? Тяжело будет. А освободим Борисовку, тогда милости просим.

— Нет, сынок, — в один голос заговорили деды, — для нас такое твое слово — большое оскорбление. Мы с немчурой еще в девятьсот четырнадцатом воевали. Да где? У черта на куличках, далеко от дома. А за что и за кого кровушку проливали — сам бог не ведал. И выдюжили. А теперь вместе с сынами и внучатами против супостата идти за родное село нам раз плюнуть.

— Здоровье-то как у вас, отцы? — поинтересовался комкор.

— Хоть сейчас в женихи, — захихикали старики. — А вот Маришку не следует брать.

— Это почему же? — в один голос переспросили Родимцев и комиссар.

— Э, милки, да вы на войне совсем от житейских дел отвыкли. Гляньте на нее внимательно, брюхата она, на сносях, значит.

Высокого роста блондинка, покраснев, стыдливо нагнула голову.

— Брешет, старый хрыч, — справившись с волнением, обидчиво проговорила Марина, — я и ходить сколько надо могу, и даже бегать.

Генерал вздохнул и, махнув рукой, отдал приказ отправить мужчин в дивизию, которой предстояло штурмовать Борисовку, а женщин определить в медсанбат.

Ровно в два часа ночи, после пятнадцатиминутного артиллерийского огневого налета, гвардейцы пошли в атаку на Борисовку. Внезапный ночной штурм для немцев оказался неожиданным. Они, как переполошенные куры, метались, стремясь укрыться в окружающих лесах и кустарнике. Но там их встретили бойцы Чистякова. Гитлеровцы, шарахаясь то в одну, то в другую сторону, повернули обратно и, как саранча, хлынули на юг, пробиваясь вдоль железной дороги на Грайворон. Все, буквально все, докладывали, что немцы бегут, покидая Борисовку.

Начатая одновременно со всех сторон ночная атака была выполнена блестяще. К рассвету Борисовка была в наших руках.

Дело осложнялось, однако, тем, что большой группе противника, численностью до тысячи человек, и пятидесяти танкам удалось вырваться из окружения и сосредоточиться в районе Зозули, Никольский, Головченко. Теперь вся тяжесть боя с этой группой отчаявшихся фашистов пришлась на полки 13-й гвардейской дивизии.

Контратаки гитлеровцев, начатые еще в предрассветных сумерках, не прекращались ни на час. Прорвавшиеся вражеские колонны спешили уйти подальше из района боевых действий. Но Родимцев заранее предусмотрел эту ситуацию, поставив на возможных направлениях отхода гитлеровцев противотанковые батареи.

Одну такую фашистскую группу в сопровождении «тигров» и «фердинандов» разведчики обнаружили в урочище Заповедник. Немецкий отряд, составленный из разрозненных, разбитых частей и спецподразделений танковой дивизии обходными путями пытался вырваться из ловушки.

Немцы хитрили. Они умело обходили наши засады, избегали подвижных отрядов, делали все, чтобы без боя выйти к своим. Чувствовалось, что руководит группой опытный вояка. Немцам удалось оторваться от наседавших наших войск, уйти на несколько километров вперед. Но когда они уже считали, что вырвались из капкана, произошло невероятное. Вся фашистская свора, оснащенная бронированными машинами, наткнулась здесь на артиллерийский дивизион Ивана Быкова.

8

Иван пришел в 13-ю дивизию ранней весной сорок второго года, в то суровое время тяжелых неудач, когда войска, ведомые Родимцевым, отходили на Восток. Он помнил и тот день и первую встречу с прославленным генералом. Родимцев показался ему тогда чересчур мягким, добрым, по-домашнему приветливым. И только Золотая Звезда да ордена напоминали, что перед тобой человек мужественный, волевой, твердый. Иван на всю жизнь запомнил эту встречу. Он поймал себя на мысли, что и сейчас, здесь, в незнакомом селе Заповедник, поджидая в засаде со своими артиллеристами фашистскую группу, он вспомнил свое первое появление в дивизии Родимцева.

В тот день со стороны Северского Донца дул мягкий весенний ветер. Снег уже сошел, и на пригорках, пригретых южным солнцем, лепились зеленые островки пробивающейся травы. После перегруппировки дивизия прибыла в район Старого Салтова. Войска выгружались с железнодорожного эшелона и с ходу, едва построившись, уходили на передовую. Люди шли по колено в грязи, буксовали машины, фыркали и ржали лошади. Времени было мало, очень мало, оно не укладывалось ни в какие тактические нормативы, но обстановка требовала от гвардейцев в немыслимо короткое время занять боевые позиции.

Со стороны противника постоянно взлетали ракеты, то тут, то там постоянно слышалась бессистемная перебранка пулеметов, сопровождающаяся россыпью трассирующих всполохов, бесшумно таявших в темноте неба. Гвардейцам не удалось даже передохнуть после изнурительного марша, как на рассвете дивизия пошла в атаку. Ключом к немецкой обороне была деревня Кут. Взяв ее, гвардейцы получали широкий маневр.

Обычно первой идет на штурм пехота. Но в этот раз произошло исключение. В Кут первой ворвалась батарея лейтенанта Быкова. Поддерживая огнем пехоту непосредственно в ее боевых порядках, артиллеристы на плечах противника ворвались в деревню.

Дерзкий маневр артиллеристов едва не стоил жизни смельчаку командиру. Фашистский офицер, выскочив из окопа, вскинул пистолет. Смерть стояла в десяти шагах. Но прежде чем гитлеровец успел нажать на спусковой крючок, по нему полоснула автоматная очередь. Вздрогнула, запрокинулась голова фашиста; покатилась с бруствера в лужу, блеснув кокардой, фуражка.

— Отбрыкался, — услыхал Иван знакомый голос за спиной.

Обернувшись, увидел круглую, вечно улыбающуюся физиономию своего ординарца. Минутная растерянность сменилась теплой радостью.

— Дружище, — глубоко вздохнув, только и вымолвил он, — выручил.

— В счастливой рубашке вы родились, товарищ лейтенант.

— Ты эту рубашку успел на меня надеть раньше, чем выстрелил фриц.

— Теперь вы уж ее, пожалуйста, не снимайте.

— Есть не снимать, — пошутил Быков, — и тебе тоже приказываю надеть…

Вой мины заставил обоих плюхнуться на землю, прямо под ноги лежавшего навзничь обера. И вовремя. Раздался взрыв, обдавший их брызгами грязи, следом второй, третий.

— Вот паразиты, товарищ лейтенант. По своим мертвецам лупят.

— Как бы нас не вспомнили. Давай-ка лучше, пока осколки не продырявили твою рубашку, махнем вон к той хатенке.

И вот сегодня еще одна проверка — родился Быков в счастливой рубашке или нет. Ворвавшись в деревеньку, Быков приказал артиллеристам закопаться в землю, надежно замаскироваться. Он знал, что немцы попытаются вернуть потерянные позиции.

И действительно, долго ждать их не пришлось. Через час на огневые позиции батареи, замаскировавшейся в молодом кустарнике, двинулось до тридцати танков в сопровождении автоматчиков на бронемашинах.

— Все готовы? — обратился Быков к батарейцам.

— Готовы! — донеслось со всех сторон.

— Сегодня Гитлер, как видите, на танки не скупится. Как, устоим?

— Не впервой.

В бинокль Быков отчетливо видел, как из клубов пыли вырисовываются очертания немецких машин. Белые кресты с немецкой аккуратностью обведены черной краской. Но не это приковывало внимание офицера.

— Белоусов, — обратился он к наводчику. — Видишь танк с тремя антеннами? Возьми бинокль, рассмотри получше.

— Вижу, товарищ капитан, — шестой справа. Вон он выстрелил сейчас.

— Точно, Белоусов. Это командирская машина. Она наша с тобой. Понял?

— Так точно.

— Я установлю прицел, и по моей команде ты откроешь

огонь.

— Будет сделано, товарищ капитан, по всей науке. Если бы я мог связаться с ними по радио, я бы предупредил их, чтобы фрицы начали читать молитву. Они ведь верующие, а ведь верующие отходят в мир иной со словами Священного писания.

Сумел Иван Быков воспитать в своих бойцах твердость духа, презрение к смерти. Какой бы другой солдат, кроме русского, мог бы так вот спокойно подтрунивать над врагом, который, одетый в броню, бешено мчится на него, ощетинившись копьями современного боя — пушками и пулеметами.

До головной машины оставалось семьсот метров.

— Внимание! Приготовиться!.. Первому — по головному, второму — по стреляющему, Белоусов — по командирскому… Огонь! — И снова вздрогнула земля, и вновь полетели снаряды, и закипел бой. И казалось Быкову, что схлестнулись в сече две древние рати, две силы неисчислимые, и скрежет битвы далеко разносится по бесконечной равнине России.

На огневых позициях, вздымая комья земли и низвергая осколки, рвались вражеские снаряды. Но среди сплошного грохота и ада раздавался спокойный голос командира батареи. Он подсказывал, советовал, воодушевлял.

Наводчики Кутаев и Белоусов, лейтенант Крындич, командиры орудий Кулинец и Смирнов подбили уже около десяти танков. Но противник упорно рвался вперед. Гитлеровцы хотели вернуть недавно утерянные опорные пункты и отбросить наши части назад.

Бой длился уже свыше двух часов. Из строя вышло два орудия, погибло шесть бойцов. Ранен в плечо Быков, комиссар Лемешко, каждый второй солдат батареи. И все же все остались на огневых позициях, один за другим посылая снаряды во вражеские машины.

Накалились стволы орудий. Вражеские снаряды рвутся и рвутся вокруг. Но артиллеристы выстояли. Батарея Быкова подбила и сожгла двадцать шесть танков и бронемашину.

Вечером Родимцеву позвонил командир полка майор Клягин. Доложив о проведенном бое, особо отметил стойкость и мужество гвардейцев капитана Быкова.

— Ходатайствую, товарищ генерал, о представлении капитана Быкова к ордену Ленина.

— А мы с комиссаром не согласны.

— Да он достоин, — заволновался Клягин.

— Вот и мы так считаем. Пишите реляцию о представлении Ивана Михайловича к званию Героя Советского Союза.

— Есть, товарищ генерал, — радостно зазвучал в трубке

голос майора. — Большое спасибо от всех артиллеристов.

— И от меня большое спасибо, — подошел улыбающийся командующий артиллерии 13-й дивизии Барбин, — молодец Ванька, едят его мухи. Дал он фрицам со своими орлами сегодня жару. Да вообще-то все поработали добротно. За три дня гитлеровские подлецы потеряли свыше ста танков. Если так дальше дело пойдет, Гитлер не будет успевать штамповать свои стальные гробы.

9

Фронтовая разведка донесла о движении крупных сил пехоты и танков противника вдоль Северского Донца. Создавалась угроза обхода войск всей армии. По приказу командующего фронтом Родимцеву предстояло отходить на восток. Конечно, это удручало гвардейцев. Немцы часто вклинивались танковыми колоннами, отрезали гвардейские полки и батальоны, навязывали изматывающие бои.

В районе села Белый Колодезь Родимцева, который находился в голове колонны, догнал на сером коне разведчик майор Бакай.

— Товарищ генерал, боковая походная застава доносит, что слева в сторону артполка развертывается до двадцати танков противника.

— Барбин, слыхали? Действуйте. Задержи танки — правее нас идут незащищенные тылы, — не теряя самообладания, отдал команду генерал.

И снова артиллеристам Быкова пришлось вступать в бой. Они выбрали выгодную позицию вдоль балки, кишкой уходящей на северо-запад, выставили на прямую наводку орудия.

И как раз вовремя. На горбатом гребне дальнего косогора показалась первая десятка вражеских танков. Они двигались боевой линией, уверенно и зловеще, и когда порыв ветра отогнал пыль, поднятую ими, за ними показалось еще большее количество машин.

— Ох и валят, едят их мухи, — раздался голос Барбина.

Грянул первый артиллерийский залп. Когда дым и пыль осели, все увидели, как танковая лавина противника устремилась прямо на артиллеристов. Быков насчитал сорок танков. Такой армады ему еще не приходилось отражать. Устоим ли? Мысль, как всегда в решающие минуты боя, работала спокойно и ясно. Он видел, как рядом четко действовали артиллеристы других батарей полка.

Раздался второй залп — и запылало восемь машин. Артиллеристы стреляли в упор. На глазах однополчан фашисты раздавили гусеницами орудия второй батареи вместе с расчетами. Попытка же смять левофланговую батарею Быкова была отбита.

Замысел противника был понятен. Пронюхав, что в боевых порядках корпуса находилось несколько установок «катюши», фашисты стремились уничтожить реактивную батарею.

В отношении «катюш» у немцев было свое, особое мнение.

Еще с боев под Киевом фашисты настойчиво искали образец нового оружия, суля за него самые высокие награды. Не случайно в гитлеровских приказах сообщалось: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку… Во время выстрела у нее образуется дым. При обнаружении и захвате таких пушек сообщать немедленно…»

Командование гитлеровской танковой колонны было уверено в преимуществе своих сил и, не считаясь с потерями, упрямо рвалось вперед, надеясь на богатую наживу.

Бой разгорался, словно два стальных потока схлестнулись на крутых откосах клочка донской степи. Били пушки, строчили пулеметы, лязгал, скрежетал металл, и облака пыли и дыма висели над полем боя. Более десятка вражеских машин ворвалось в расположение батареи. Большую часть из них гвардейцы расстреляли в упор, но и многие наши орудия были передавлены.

Убедившись, что сломить сопротивление гвардейцев лобовой атакой невозможно, немцы повернули на северо-запад, пытаясь обойти артполк слева. И снова на батарею Быкова обрушилась ярость и мощь фашистской атаки.

«Умрем, но не отступим», — написал в последнем донесении командир батареи.

Враг наседал ошалело. У батарейцев осталось три орудия, четыре противотанковых ружья и полтора десятка гранат.

Родимцев со своего наблюдательного пункта видел, как головная машина, осуществляя маневр, подставила на какое-то мгновение борт — и вот она уже вспыхнула. Не было в то мгновение зрелища более радостного и красивого, чем огонь и копоть навсегда замолкнувшего чудовища.

Но праздновать победу было еще рано. Еще десять машин с приспущенными для стрельбы стволами мчались на остатки быковской батареи. Вражеский снаряд разорвался у одного из орудий, и у станины пушки остался живым только заряжающий. Быков, окровавленный и забинтованный, бросился к прицелу. Выстрел, другой — в двадцати метрах от орудия загорелся танк. Выстрел — еще один завертелся на месте, его добили бронебойщики. И в тот же момент фашистский снаряд разорвался около орудия комбата. Взрывная волна отбросила Быкова в сторону, через станину. Но вновь, качаясь, встает командир. Нет, этот человек действительно родился в счастливой рубашке.

— Ваня! Танк! — раздался вдруг неистовый крик заряжающего.

Обернувшись, Быков увидел совсем рядом от себя надвигающуюся стальную глыбу. Он даже почувствовал, как дыхнуло от нее жаром, и ясно представил прищуренный взгляд

механика-водителя.

Он ничего еще не успел предпринять, как кто-то из бронебойщиков, израсходовав боеприпасы, бросился с гранатой к танку. С кошачьей ловкостью побежал он, петляя, навстречу лязгавшей стальными челюстями бронированной махине, замахнулся, бросил гранату. Раздался взрыв и, словно удивившись такой неслыханной дерзости, чудовище, качнув башней и клюнув стволом, остановилось. В следующее мгновение, поперхнувшись дымом, оно издало звук, напомнивший шумный выдох, и замерло. Из-под его днища выползал вздрагивающий язык пламени.

Более часа шел бой. Кончились боеприпасы, выпущен последний снаряд по врагу… Батарея замолкла. Залегшая было гитлеровская пехота, словно волчья стая, горланя и беспорядочно стреляя, бросилась на батарейцев.

Артиллеристы встретили их автоматным огнем. Быков почувствовал, как что-то горячее ударило в плечо, и он с трудом удержал в руке пистолет. Силы были неравными, и гитлеровцам удалось окружить горстку храбрецов. Гвардейцам угрожал плен.

— Ребята, не бойтесь смерти, если хотите жить, — крикнул Быков. — В атаку! За Родину!

Он упал на высоте, где зеленела трава и безмятежно цвинькала пичуга, перекликаясь со звонким кузнечиком.

Не успел узнать Быков, что гвардейцы его корпуса, вместе с другими соединениями собрав все силы и перегруппировавшись, разгромили части танковой и трех пехотных дивизий гитлеровцев.

Не узнал Быков и того, что на место его последнего боя придет Родимцев, что вся земля здесь от металла и тротила изъедена, будто десятка два бульдозеров танцевало свою неуклюжую пляску, что от пуль и осколков взлохматились соседние колхозные постройки, что даже березы иссечены черными ранами, не узнал, что пришли сюда вместе со своим генералом гвардейцы и отдали последние боевые почести майору Быкову. Троекратный салют над могилой отважного артиллериста словно расколол это августовское утро сорок третьего года.

Операция по окружению и уничтожению Томаровско-Борисовской группировки противника, проведенная корпусом Родимцева вместе с воинами генерала Чистякова, была успешно завершена.

Своими результатами, размахом, сложностью обстановки и большой протяженностью во времени и пространстве это сражение выделялось на фоне других операций, проведенных корпусом в течение месяца, потребовало от бойцов, офицеров и

генералов полного напряжения сил, широкого применения инициативы, умения тактически грамотно использовать все рода войск и искусно применять маневр.

Гвардейцы покидали эти священные для каждого из них места, чтобы снова вступить в бой. Их ждал Харьков.

10

Август сорок третьего года на просторах левобережной Украины был сухим и знойным. Тучи пыли и дыма висели над полями и долинами, над дорогами и холмами, по которым нескончаемыми вереницами дни и ночи двигались бесконечные колонны войск.

Войска пятой гвардейской армии генерала Жадова, преследуя противника, вели напряженные бои. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Их танковые части, поддерживаемые авиацией, шли в контратаки, и некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз. Трудность заключалась в том, что танковая армия генерала Катукова, действуя впереди корпуса Родимцева на узком фронте, стремилась как можно быстрее выйти на главную магистраль и перерезать дорогу, идущую из Харькова на Полтаву, и поэтому стрелковые части вынуждены были своими силами отбивать танковые атаки противника.

Родимцев получил приказ выйти к Богодухову, захватить рубеж Александровка — Ольшаны, прочно закрепиться, подтянуть артиллерию и организовать сильную противотанковую оборону. Командир корпуса догадывался, что назрел сильный контрудар противника.

Естественно, после действий за Томаровку, Борисовку и Головчино войска корпуса были разбросаны. Отдельные части дрались с противником самостоятельно и на большом удалении от штабов соединений. Зачастую многим полкам приходилось приспосабливаться к местности, принимать бои в соответствии с обстановкой, а не по плану.

Управлять в такой обстановке войсками Родимцеву было нелегко. Свои-то части порой не сразу разыщешь, а тут вдруг корпусу оперативно подчинили 42-ю дивизию генерала Боброва. Двое суток где-то марширует, дерется эта дивизия, а связаться Родимцев с ней не может. Решил ехать сам ее разыскивать. На двух машинах, прихватив с собой начальника разведки майора Василенко, офицера из оперативного отдела и адъютанта, выехали они на розыски дивизии. По дороге на Белгород около одного из курганов случайно наткнулись на командира полка майора Сикачика.

Командир доложил, что его полк входит в состав 42-й дивизии и подразделения ведут бои по очистке от немцев населенных пунктов Красный Октябрь, Широкино и Араповка.

— Связь с командиром дивизии имеете? — спросил Родимцев.

— Только по радио.

— Можете связаться с генералом Бобровым?

— Так точно, могу.

Тут же майор приказал радисту связаться с комдивом.

Но не прошло и двух минут, как начальник разведки Василенко доложил:

— Рация вторые сутки без питания, ни о какой связи речи быть не может.

Майор Сикачик стал оправдываться, настойчиво объяснять, что все было в порядке и батареи сели только сегодня утром. Доказывал, что поддерживает надежную связь с батальонами, постоянно выезжая на передовую.

Не понравилось Родимцеву это затянувшееся объяснение.

— Садитесь, поедем в батальоны, — предложил генерал командиру полка.

Самым близким населенным пунктом, где, по докладу майора, его бойцы «занимались очисткой от немцев», была деревня Араповка. Вот туда-то они и отправились. Впереди на «виллисе» командир полка с разведчиком корпуса, за ними Родимцев с адъютантом. Выехали из леса, свернули на полевую дорожку и кратчайшим путем попали в Бессоновку, что на пути в Араповку. Тишина поразила всех. В Бессоновке ни единой души: ни немцев, ни наших. Прислушались. В близлежащей Араповке тоже не слышно никакой стрельбы. Быстро проехали Араповку, хутор Широкий и помчались на Красный Октябрь. Здесь их встретили местные жители, рассказали, что накануне в селе были наши танкисты. И хотя эти села не входили в полосу действий корпуса Родимцева, он не на шутку разозлился на халатность, неосведомленность командира о своих частях, считал это преступлением.

Майора Сикачика он видел впервые и судить о его боевых качествах ему было трудно. Но одно то, что тот растерял подразделения полка, говорило о многом. Не ожидая здесь ничего хорошего и понимая, что генерала Боброва ему не найти, Родимцев решил возвращаться в штаб. Из Красного Октября повернули обратно по грейдерной дороге до Орловки, надеясь проселочными дорогами проскочить в Поддубное, где располагался штаб корпуса. Но не доезжая с полкилометра до села Коминтерн, Родимцев и его офицеры услышали редкие орудийные выстрелы. Неожиданно сзади, метрах в ста за машиной генерала, разорвался снаряд. Через секунду перед первой машиной просвистела пулеметная очередь. «Виллис» резко свернул влево и заглох. Начальник разведки, офицер из оперативного отдела и радист выскочили из машины в обочину,

ползком двинулись в сторону остановившейся машины генерала. Шофер Родимцева, забрав офицеров, быстро сдал назад и через двести метров остановился в ближайшем укрытии. Начальник разведки доложил, что разглядел впереди справа бронетранспортер и легкий танк гитлеровцев, которые их обстреляли. Несдобровать бы комкору и его спутникам, неожиданно наскочившим на отступающую группу фрицев, если бы не подоспевшие наши подразделения. Гитлеровцы сделали еще один орудийный выстрел, дали пулеметную очередь и убрались восвояси.

Убедившись, что немцы ушли, Родимцев приказал шоферу «что есть мочи» лететь в штаб. Но в Поддубном его уже не оказалось. Генерала встретил только начальник оперативного отдела. Он доложил, что штаб срочно перебрался на новый КП, и ткнул пальцем на карте в село Цаповка.

На новом командном пункте в Цаповке начальник штаба Самчук доложил рассерженному Родимцеву, что получено боевое распоряжение штаба армии, в котором сообщалось, что противник, подтянув две танковые дивизии, остановил наши части на рубеже Кадница. Корпусу Родимцева было приказано срочно наступать на хутора Зеленый Клин, Ольшаны.

Прочитав боевое распоряжение, Родимцев пришел в недоумение. Еще совсем недавно он говорил по телефону с командующим, который определил и сроки действия корпуса, и расположение штаба, и начало перегруппировки. И вдруг неожиданный приказ переместиться на южную окраину Забродны, начать наступление на день раньше. Но как наступать, если войска не перегруппированы, не подготовлены как следует к боевым действиям? Что же стряслось, если командующий вынужден срочно менять свое решение? Пока Родимцев размышлял, Самчук доложил, что его ждет майор из штаба армии, просит, чтобы ему срочно нанесли на карту новое построение боевого порядка корпуса и расположение дивизионных и полковых командных пунктов.

Генерал знал, что у штабистов было принято как можно быстрее получить решение командира, оформить его на карте и доложить в вышестоящий штаб. Но карта картой, а жизнь часто вносила свои коррективы, и порой не из приятных, ставя и штабы, и войска в тяжелое положение.

— Торопливость нужна при ловле блох, — буркнул Самчуку генерал, но тем не менее нанес на карту майора новый боевой порядок корпуса. Тот, получив карту, стремглав помчался в армию.

11

В полдень штаб корпуса Родимцева перебрался в Заброды. Расположились в уцелевшем от побоища двухэтажном здании с проломленной над фасадом крышей и сбитой снарядом трубой. Вблизи здания стоял в объятиях кудрявого сада небольшой деревянный домик. Его-то и предоставили командиру корпуса.

— Надо, товарищ генерал, хоть одну ночку по-человечески отдохнуть, — сокрушался адъютант Шевченко, — ведь с середины июля как кочевники спим.

— Молодой, а ворчишь как старик, шайтан тебя побери, — добродушно пожурил его генерал, но все же согласился с предложением.

И условия для отдыха были действительно отменные. Хозяйка встретила гвардейцев тепло и радушно. А прохлада сада, тихо шелестевшего листвой, возвращала в довоенную обстановку, навевала мысли о родном доме, семье, уюте. Родимцев вместе с адъютантом прошли в комнату. Здесь было чисто и опрятно. От вымытого добела пола пахло душистой смолой соснового леса. Застенчиво подошли дочки хозяйки, легкая, словно бабочка, белокурая Даша и совсем маленькая, лет четырех, чернявая, смуглая, глазастая Варя.

— Шевченко, тащи мою посылку, — крикнул Родимцев адъютанту, хлопотавшему вместе с хозяйкой на кухне. Адъютант, с полуслова понимавший генерала, мигом сбегал за посылкой, присланной из Москвы.

— Третью неделю вожу, товарищ генерал, как бы что не испортилось, — и Шевченко поставил на стол небольшой фанерный ящик.

— Ну что ж, девчата, посмотрим: в ней, может, и гостинцы есть. Как ты думаешь, Варя?

Малышка кивнула головой. Генерал не торопясь взял топорик и, хитровато поглядев на детишек, медленно стал поднимать крышку. Девочки стояли в стороне.

— Ох и тяжела ноша, — приговаривал Родимцев, вытаскивая гвозди. — Ну, кто мне поможет?

Варя робко подошла:

— А чего тут помогать, щипцами гвозди вытаскивай, и делов не будет.

— Дядя Саша, а я знаю — вы немцев приехали бить, — вступила в разговор Даша. — Наш папа тоже фрицев бьет.

— Откуда ты знаешь, что он их бьет?

— Мама так говорит.

— Ну, раз мама говорит, значит, так оно и есть.

— Мама еще говорит, что скоро всех немцев прогонят и тогда папа приедет домой.

— Это верно, прогоним их. — Наконец вскрыв фанеру, Родимцев извлек из посылки леденцы.

— Ну вот, не напрасно мне помогали, берите конфеты.

Осмелев, девочки сгребли с широкой, шершавой ладони Родимцева пригоршню конфет и тут же отправили их за щеки.

Генерал присел на табурет, косым прищуром наблюдая за детьми — ведь и его дочки ждут.

— Даша, ты пионерка?

Девочка вздрогнула от этого вопроса, перестала сосать леденцы.

— Да, пионерка, но красный галстук мама не разрешает носить. Она говорит, что и маму, и нас с Варей полицай повесит на виселице, что стоит на площади.

— Это кто же такие полицаи? — нарочито недоуменна спросил Родимцев.

— Это дядька в нашем селе, всегда с красным носом ходил и виновных искал. А когда партизан вешал, собирал на площадь много-премного народу. Поэтому красный галстук я не надевала. Но он у меня есть.

Она быстро отодвинула скамейку, на которой сидела, и побежала в комнату к матери. Слышно было, как о чем-то они шепчутся. Через несколько минут взволнованная Даша вбежала в комнату, держа в руках красный галстук.

— Вот он, мой красный галстук. Мама его сохранила, он еще новенький.

Она быстро набросила его на шею. Завязала узелок, поправила и повернулась кругом, чтобы Родимцев ее лучше рассмотрел.

— Дядя Саша, — пропищала, расправляясь с леденцами, маленькая, — дядя Леша обещал нас покатать на лошадке.

— Это можно, я скажу, чтобы покатал.

— Спасибо, — степенно села на лавку старшая. — Мы с Варей утром рано-прерано встанем кататься.

— Почему же рано утром? Ведь утром всегда хочется спать, лучше днем покататься.

— Нет! Днем кататься нельзя. Увидят фрицы — бомбу бросят, лошадь могут убить, а я их очень люблю.

— Это когда же ты их полюбила? — спросил Родимцев.

— Когда папа служил пограничником. Он всегда от заставы до заставы ездил на лошади.

Соскучившись за долгие месяцы войны по детям, Родимцев с

упоением, по-отцовски беседовал с девчатами, словно с родными дочурками.

Хозяйка пригласила позавтракать в сад. До чего же вкусной показалась генералу вареная картошка, свежие с солью огурчики. На сколоченный под яблоней деревянный стол адъютант поставил невесть откуда добытую бутылку вина. Подошли Самчук, офицеры штаба. Пока суть да дело, вспомнили родных, отведали по чарке и, подбрасывая с ладони на ладонь горячую картошку, с аппетитом принялись за трапезу. Девочки, устроившись рядом, похихикивали над тем, как ловко военные дяди уплетают картошку.

— Ага, дядя Саша, — послышался хвастливый голосок Вари, — а мы с Дашей уже катались на Буяне. Я сидела верхом, а дядя солдат Леша водил Буяна за веревочку.

— Ну и как, не упала?

— Нет, я могу даже, чтобы меня не держали.

— Молодец! Будешь хорошей наездницей, — потрепал генерал ее за пухлую щечку.

Повар Виктор принес разогретую тушенку, от которой шел ароматный пар. Генерал потянулся к котелку и вдруг услышал нарастающий шум в небе.

— В воздухе «мессеры»! — крикнул Самчук.

— Целая туча, — всплеснула руками хозяйка.

— Шайтан с ними, пусть летают, — не веря еще в опасность, махнул рукой Родимцев.

— «Воздух»! — крикнул подбежавший адъютант. — Ведущий пикирует на хату.

Он был хладнокровен, адъютант Шевченко, но опыт подсказывал: надо спасать генерала, хозяйку с девочками, всех, кто в саду. По его приказу коновод Леня Федорченко подхватил девочек и вместе с матерью мгновенно укрыл их в одной из ближайших траншей.

Родимцев поднял голову, собираясь сказать что-то соленое в адрес фашистских летчиков, и увидел, как от черного чрева бомбардировщика отделились бомбы. Вначале показались черными горошинами, через секунду какими-то сплющенными арбузами, издающими визг, леденящий душу. Адъютант подхватил генерала и буквально втолкнул в свежевырытый окоп. Туда же плюхнулся Самчук. И вовремя. Раздался один, второй, потом третий оглушительные взрывы. Дрогнула земля. Шум, звон, треск. В шатающейся полутьме закачались яблони. Еще взрыв, и снова ненадежное убежище заплясало, заходило ходуном.

И вдруг стало так тихо, как только бывает после бомбежки.

Лишь гул удаляющихся самолетов на низкой ноте висел в зловещей тишине. Все уже пришли в себя, а генерал озабоченно молчал, пытаясь осмыслить случившееся. Его мучил вопрос: откуда противник узнал расположение только что развернутого командного пункта? А то, что узнал, сомневаться не приходилось. Здесь что-то не так…

— Вот подлецы, на второй заход идут, — послышался голос адъютанта.

— Будем надеяться, на последний, — пробасил в ответ Самчук.

На этот раз фашистские стервятники были встречены огнем наших зенитчиков. Ударили счетверенные пулеметы, захлопали зенитные орудия. Лоскут голубого неба, висевший над входом в блиндаж, прочертила черная полоса: один гитлеровский «ас» отвоевался.

Но вот опять земля под ногами качнулась, взрывная волна бросила укрывшихся в траншее на стенку, рухнула крыша дома. Пыль, дым, гарь наполнили траншею. Стало трудно дышать, резало глаза.

Наконец немцы улетели. Все выскочили из убежища. Генерала продолжал мучить вопрос, что произошло со штабом, с офицерами штаба, связистами, с хозяйкой и ее девочками? Все ли живы? Скорее к ним. Пробежав метров двадцать, Родимцев увидел коня Буяна, на котором недавно катались дочки хозяйки. Конь, бедолага, лежа на боку, судорожно бил ногами, а из головы хлестала кровь. Рядом с ним распластался обгорелый коновод Леня Федорченко. В руках его запуталась уздечка: видимо, хотел освободить лошадь от привязи.

Адъютант взял руку коновода:

— Пульса нет. — Он снял дрожащей рукой фуражку. Та не удержалась, выпала из рук, покатилась по земле.

— Ты чего, возьми себя в руки, — одернул Родимцев.

Шевченко молча показывал взглядом за спину генерала. Родимцев обернулся. От дома шла хозяйка дома, бережно неся на руках всю в крови свою Варюху. Голос матери, хриплый и безумный, еще долго стоял в ушах генерала.

А вокруг все было изрыто бомбами. Казалось, на хуторе не осталось камня на камне. Из-за угла избы, отряхиваясь от пыли, вышел Самчук. Увидев Родимцева, поспешил навстречу. Вид у него был такой, будто он лично виноват в случившемся. Стараясь быть спокойным, доложил:

— Личный состав штаба, товарищ генерал, укрылся в щелях, точных данных о потерях нет. В здание штаба ни одной бомбы не попало.

— Отправьте мать в медсанбат, распорядитесь похоронить погибших. К вечеру оборудуйте командный пункт в селе Сенное. — Генерал обвел красным карандашом лес на карте.

Самчук отправился выполнять приказание, а Родимцев позвонил на коммутатор, обходным путем связался с комдивом Никитченко, голос которою был слышен еле-еле. С трудом Родимцев разобрал, что дивизия ведет ожесточенные бои с танковой дивизией СС «Викинг».

— Есть пленные, среди них офицер штаба дивизии, — сообщал Никитченко. — Магистраль им нужна Харьков — Полтава.

— Ты вот что, Никитченко, продержись чуток, а мы поможем.

Положив трубку, генерал приказал вызвать шофера. Подъехал «виллис». Шофер Нестеренко был не в духе: немцы основательно продырявили его машину.

— И надо же им было, товарищ генерал, в заднее сиденье угодить, — сокрушался он.

— Ничего, Андрей, — подбодрил его Родимцев, — главное, машина на ходу. А развалится — «попросим» у немцев другую, давай, жми на всю катушку.

Не проехали они и двухсот метров по Забродам, как на развилке широкой улицы заметили две легковые машины.

— Узнай чьи, — приказал адъютанту Родимцев.

Адъютант пошел к машинам, а Родимцев задумчиво оперся на крыло, закурил.

Вокруг открывалась печальная картина: стелющийся дым над пепелищем, изрытые металлом огороды, опаленные деревья. Сердце сжималось от боли, глядя на раны земли. И как бы дополняя суровый фронтовой пейзаж, шли последние подразделения гвардейской дивизии. Запыленные, забинтованные и утомленные боями солдаты были готовы к новым сражениям, чтобы отстоять эти полуразрушенные дома.

Неожиданно из-за груды кирпича появилась группа офицеров. Родимцев вышел из машины и глазам своим не поверил: перед ним стоял командующий соседним фронтом генерал-полковник Конев в сопровождении нескольких генералов. Родимцев терялся в догадках: каким путем и зачем прибыл сюда командующий Степным фронтом? Ведь его корпус входил в состав Воронежского фронта генерала Ватутина.

— Ротмистров и Жадов у вас? — спокойно спросил Конев.

— Да, они были, но несколько часов назад уехали.

— Тогда веди к себе в штаб.

Командующий сообщил, что танковая армия Катукова и гвардейская армия Жадова переходят в состав Степного фронта.

— Наша задача — приостановить наступление противника в Северном направлении, — как-то буднично и удивительно спокойно подытожил Конев. — Немецкое командование делает последнюю попытку удержать магистраль Харьков — Полтава, отвести свои войска из-под Харькова. Обстановка очень сложная, но уверен — скоро она изменится в нашу пользу. А как быстро это случится — зависит целиком от нас. Так что давай, Родимцев, вместе поднатужимся.

Проводив Конева, Родимцев решил оставить штаб на прежнем месте. И не зря. Из дивизий стали поступать донесения. 42-й полк 13-й гвардейской с ходу вступил в бой с противником. По докладам, картина там вырисовывалась не отрадная. На холмистой равнине, поросшей выгоревшим кустарником и бурой полынью, смешалось все: и немцы, и наши. Танки и артиллерия, изрыгающие огонь и дым, лезли друг на друга, жуткий грохот и вой катились по горбатой панораме долины.

Генерал слушал доклады комдивов, а сам мысленно находился там, на холмистых равнинах, поросших кустарником и бурой полынью.

С наблюдательного пункта разведчик майор Василенко докладывал, что 13-я дивизия ведет ожесточенный бой с сорока танками врага. Особенно в тяжелом положении оказался первый батальон. Вражеские танки прорвались на его фланги и открыли пушечный огонь в упор. Снаряды сыпались в расположение батальона не только со стороны фронта, но и с тыла.

Бойцы батальона держались стойко, хоть и несли большие потери.

Вечером, когда на фронте немного стихло, командующий армией Жадов вызвал к телефону Родимцева и сообщил, что по данным фронтовой и армейской разведок гитлеровское командование на Богодуховском направлении помимо танковых дивизий СС «Викинг», «Рейх», «Мертвая голова», о которых уже было известно, сосредоточило несколько пехотных полков и отдельных танковых батальонов «Тигр».

— Смотри внимательно, утром они снова попрут на Богодухов, — предостерегал Жадов. — Группировка у них сильная, а посему нужно серьезно подготовиться к «встрече». Выдвинь истребительно-противотанковые полки на танкоопасные направления. Пушечной бригадой и минометным полком прикройте Богодухов. Завтра к тебе прибудет фронтовой батальон фугасных огнеметов. В общем, Богодухов должен быть удержан.

— Есть, — коротко ответил Родимцев. — Богодухов не отдадим.

Фашистское командование расценивало этот участок как

важнейший и поэтому бросило сюда большое количество танков, бронетранспортеров, артиллерии, штурмовой и бомбардировочной авиации.

То и дело вражеские танки предпринимали контратаки, но их попытки вклиниться в боевые порядки советских войск разбивались о стойкую оборону. Массированный огонь нашей артиллерии отсекал вражескую пехоту от танков, и гитлеровцы каждый раз вынуждены были убираться восвояси.

Словно затравленный зверь, исступленно билось и металось воинство фюрера на этом участке, снова и снова пытаясь нанести удары в разных направлениях, бросая в атаки огромные полчища самых современных танков. Вот и сегодня командующий предостерег о возможном контрнаступлении фашистов.

— Скоро ли он выдохнется, товарищ командующий? — заканчивая разговор, спросил Родимцев.

— Думаю, недолго протянет, так что наберись терпения.

На этом разговор закончился. Приказ командующего во что бы то ни стало удержать Богодухов был немедленно доведен до командиров дивизий и приданных частей. Командующий артиллерией корпуса полковник Барбин, как всегда, пустил в ход излюбленную присказку «едят тя мухи» и уже собрался на свои батареи. Но не успел, на свое счастье, выйти из помещения, как оглушительный взрыв вблизи штаба прервал все разговоры. Телефонные аппараты, которые стояли на самодельном столике, оказались в другом углу. Связь прервалась. Офицер, стоявший позади Родимцева, рухнул наземь. Вскрикнул и как-то тяжело повалился на бок телефонист.

А кругом нарастала стрельба из автоматов и пулеметов. Противник перешел в наступление. Оставаться дольше здесь было опасно, командный пункт превращался в мышеловку. Следовало скорее уходить, но сделать это оказалось не просто: вся местность простреливалась ружейно-пулеметным огнем противника. Некоторые подразделения под напором превосходящих сил гитлеровцев небольшими группами стали отходить. Все смотрели на Родимцева и ждали его команды. Поскольку наблюдательный пункт находился в непосредственной близости к наступающему противнику, генерал приказал покинуть его всем, кроме пулеметного взвода охраны. Командовавшему им лейтенанту Сидоренко предстояло прикрыть отход штаба. До оврага, где стояла машина, было всего триста метров, но они показались Родимцеву гораздо длиннее. Вместе с Самчуком и адъютантом Шевченко они ползли, делали короткие перебежки, потом ждали, когда прекратится пулеметная стрельба, во время паузы вставали и бежали к следующему укрытию. Родимцев чертыхался; «Шайтан

побери, всю гимнастерку перепачкал». Но за этим «шайтаном» сейчас скрывалось большее. Непривычное положение отступающего терзало генерала. Не думал он, что в сорок третьем, когда, казалось, враг выдохся, он снова полезет на рожон. Неужели у Гитлера сохранились резервы? Сколько же их у него? Под Москвой расколошматили — чувствительный удар по вермахту. А через пять месяцев он опять полез в драку, теперь здесь, на Курской дуге. Да как прет, паршивец!

Родимцев приказал шоферу «пулей нестись» к новому месту штаба. Не зря торопил генерал. Противник перешел к активным боевым действиям, за три часа его авиация сделала несколько десятков налетов на боевые позиции гвардейцев. Особенно сильной бомбардировке подвергся участок подполковника Шура. Досталось ему и от наземного противника. Шесть атак отбили гвардейцы, а седьмой не выдержали, под натиском превосходящих сил, неся большие потери, стали отходить. Под угрозой оказался штаб полка. В этот критический момент командир полка приказал знаменосцу Кузнецову развернуть полковое гвардейское знамя, и все, кто находился вблизи командного пункта, поднялись в атаку. Бойцы отходящих подразделений полка, увидев полковое знамя, остановились и заняли оборону. Гитлеровцы из всех видов стрелкового, артиллерийского и минометного оружия открыли ураганный огонь. Словно споткнувшись о преграду, ничком упал с развернутым знаменем Кузнецов, прижав его к своей груди. Пехота противника и танки ринулись к тому месту, где упал знаменосец. Но офицеры штаба: Киешенко, Мороз, Афанасьев, солдаты из охраны штаба опередили противника. Под свист пуль и грохот разрывов изрешеченное гвардейское знамя, на котором зияло около ста пробоин, было вынесено с поля боя. Только к вечеру Родимцеву удалось стабилизировать положение. На запасном командном пункте была хорошо налажена телефонная связь с дивизиями, развернута радиостанция. Сдержав бешеный натиск врага на своем участке, гвардейцы Родимцева сделали большое дело. Они не допустили немцев к стратегическому шоссе, сковали их силы, позволили нашим войскам вырвать инициативу у врага.

К середине августа противник выдохся, таких яростных атак, как в предыдущие дни, он уже не предпринимал. Наши войска, подтянув резервы, перешли в наступление. Это были счастливые для Родимцева дни. Он был весел, энергичен, даже привычный его «шайтан побери» звучал как-то особенно лихо, бодро.

Обычно строгий, сердитый на допросах пленных, на этот раз, когда к генералу привели фашистского офицера, Родимцев был

весел, остроумен, даже пошучивал. Расстроился, помрачнел лишь тогда, когда из рассказа пленного узнал причину неожиданного, но точного налета фашистской авиации на его штаб в Забродах. Оказывается, тот самый майор Новиков, который, бравируя личной храбростью, отказался от охраны при доставке оперативной карты в штаб армии, попал к немцам. Оперативная карта, на которой было нанесено новое расположение частей корпуса, оказалась в руках фашистов. Это и позволило гитлеровцам нанести удар по штабу, временно нарушить управление войсками, потеснить гвардейцев.

— Вот она, безрассудная храбрость, к чему приводит, — отпустив пленного, выговаривал штабистам комкор. — Сколько из-за таких горе-героев людей гибнет. — И тут же приказал, чтобы офицеров, будь они свои, будь из штаба сверху, с оперативными документами без охраны не отпускать. И вообще, — подытожил он разговор, — рано кое-кто у нас победу праздновать начинает, враг еще силен, и расслабляться нам негоже.

Конечно, война без потерь не бывает, но напрасные жертвы не прощаются ни в обороне, ни в наступлении. И сейчас, когда враг выдохся, когда отступает, надо было думать об этом каждому. А наступление советских войск разворачивалось стремительно.

Весь август гвардейцы Родимцева продвигались вперед к Полтаве. И уже не было на свете такой силы, которая могла бы остановить победную поступь советских воинов.

К концу лета войска Степного фронта после упорных боев освободили Харьков.

Стратегическая инициатива полностью перешла в руки советских войск. Курская битва закончилась. И еще дымились подожженные под Богодуховом танки, еще не убрали с харьковских дорог исковерканные машины и тягачи, а войска гвардейского корпуса Родимцева вступили в новую битву — битву за освобождение Украины.

Гвардейцы Родимцева рвались к Днепру.

Часть шестая
ДЕВЯТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ

1

Оборона противника в полосе наступления корпуса проходила между новым и старым руслом Днепра. С крутого берега противник хорошо просматривал реку, всю низину и луг по левую сторону Днепра.

— Днепр есть Днепр, — говорили в штабе, — это не Ворскла и не Псел, его на подручных средствах не так-то просто преодолеть.

Однако штатных переправочных средств армия не имела, а приказ о форсировании одной из крупнейших рек Европы на подручных средствах поступил.

«Сутки на подготовку», — пришло распоряжение из штаба армии.

В полках начали собирать рыбачьи лодки, мастерили плоты, усиливали их грузоподъемность бочками, автомобильными шинами, колодами.

Форсирование и прорыв обороны противника Родимцев решил произвести по двум направлениям: из деревеньки Букачевка и села Власовка, куда под прикрытием передовых отрядов ночью подтянулись главные силы корпуса. Экипировка личного состава была облегчена: люди имели только личное оружие, необходимое количество боеприпасов и суточный паек. Задача стояла одна: создать условия для стремительных наступательных действий на кручах правого берега. Рассчитывая на внезапность, форсирование должно было проходить без обычной в таких случаях артподготовки. Лишь в случае неудачи повторная попытка форсирования должна была начаться после часового артиллерийского обстрела.

Для разведки минных полей противника и прокладки в них проходов были выделены специальные команды из саперов. И все же, несмотря на принятые меры, генералы и офицеры корпуса хорошо понимали, какие трудности ожидают войска при форсировании. Ответственность предстоящей боевой операции заставляла еще и еще раз взвешивать все «за» и «против». Гвардейцы знали, что если корпус запоздает форсировать Днепр там, где ему предназначено — севернее Кременчуга, то соседняя армия может потерять небольшой плацдарм, который ей с величайшим трудом удалось захватить южнее этого города.

К вечеру 2 октября командиры дивизий доложили о готовности к форсированию.

Родимцев с группой офицеров направился на свой НП, расположенный на окраине села Власовка. Здесь на высотке стоял

небольшой домик бакенщика, из окон которого хорошо просматривался Днепр и можно было видеть все приготовления и сам ход форсирования реки.

Но не успел генерал и сопровождающие его офицеры как следует осмотреться и обжиться, как домик бакенщика вздрогнул, и сильный взрыв раздался где-то неподалеку. За ним послышался другой и уже подальше третий. На пороге появился Шевченко.

— Товарищ генерал, надо укрыться в убежище.

— Где? — рассеянно спросил Родимцев.

— Здесь, в подвале бакенщика.

— Прими мою благодарность за заботу, но обстрел кончился.

Стрелка приближалась к двум часам ночи. Еще раз сверив часы, Родимцев связался с начальником штаба. «Можно начинать», — подал условные сигналы комкор. Вокруг стояла тишина, лишь изредка нарушаемая всплеском весел или негромкой командой, доносившейся из темноты. Со стороны казалось, будто здесь несколько рыболовецких бригад ведут ночной лов рыбы, будто не целый корпус идет на штурм водной преграды, а запоздалая молчаливая компания совершает увеселительную прогулку. Так все было замаскировано, скрыто, приглушено. Но Родимцев-то понимал, что тысячи его бойцов и командиров шагнули в ночь, чтобы начать большую битву за освобождение правобережной Украины. И вот где-то уже раздались первые очереди, прогромыхали взрывы.

2

На НП было тихо, спокойно.

Телефонный звонок, которого все с нетерпением ожидали, наконец раздался. Родимцева вызывал командир Полтавской дивизии.

— Товарищ генерал, подразделения дивизии форсировали основное русло Днепра и ведут бой на островах.

— Хорошо. Вы первые. Поздравляю. А как обстоит дело с артиллерией?

— Плоты с «сорокапятками» отчаливают, на каждом по четыре орудия, плацдарм усиливаем противотанковыми средствами…

Связь прервалась. И тут же зазвонил другой телефон. Командир 13-й гвардейской докладывал, что один из полков полностью переправился на восточный берег.

До рассвета не умолкали звуки боя. И хотя с частями, форсировавшими Днепр, поддерживалась связь по радио, ни штабы дивизий и тем более штаб корпуса точного расположения подразделений не знали. А сверху, из штаба армии все время запрашивали, торопили, подстегивали. Ну и, естественно, в ответ на «разношерстную» информацию следовали «ценные» указания. И лишь во второй половине дня обстановка начала более-менее проясняться. Противник, почувствовав, что на его тылы выходит крупная группировка советских войск, стал стягивать свежие силы. Утром следующего дня корпус Родимцева уже почувствовал силу удара врага. В небе появились армады фашистских самолетов, усилился минометно-артиллерийский обстрел.

С трудом Родимцеву удалось связаться по радио с 97-й дивизией, на боевые порядки которой враг нацелил свои главные силы.

— Отбили шесть контратак пехоты и танков противника, беспокоят налеты гитлеровской авиации, — докладывали из штаба. — Особенно большие потери в полку Полухина.

— Где командир полка?

— Тяжело ранен и переправлен на восточный берег.

— Так что же вы молчите об этом?

— Боеприпасы, товарищ генерал, кончаются и противотанковых средств не хватает, — послышалось в ответ.

Генерал понял, какая тяжелая обстановка в дивизии, и отчитывать их за то, что поздно сообщили о ранении комполка, не стал. Он знал, что обязан помочь дивизии. Но чем? Он исчерпал все свои резервы. Все, что были в его распоряжении. Но

если им сейчас не помочь, судьба плацдарма может быть решена не в нашу пользу. Перебрав все варианты, он твердо приказал соединить его с командующим армией. Родимцев не ожидал большой поддержки, в таком же тяжелом положении, на пределе человеческих сил были все части армии.

Доложив подробно командующему обстановку и попросив подкрепления, Родимцев собрался выслушивать, как командарм начнет «прибедняться», но тот, выслушав, коротко передал:

— Встречай два саперных батальона, щедро отоваренных противотанковыми минами, и противотанковый гарнизон.

— Спасибо.

— Ты не спасибо говори, а держись там по-гвардейски.

— Есть держаться.

Перед рассветом подошло подкрепление, и тут же свежие силы были направлены в 97-ю дивизию. Отправляя вместе с саперами офицера штаба корпуса, Родимцев приказал передать командованию дивизии, что главная для них задача — удержать плацдарм. Он хорошо понимал, что о расширении плацдарма даже мыслить сейчас нечего. Оно могло привести только к разобщению и без того незначительных сил, которым с трудом удавалось удерживать свои позиции.

Несмотря на крайне тяжелые условия, бойцы и командиры, превозмогая бессонницу и усталость, продолжали стойко сражаться с численно превосходящим противником.

Непосредственно в боевых операциях участвовали и солдаты, и строевые офицеры, и политработники.

Подмога подоспела вовремя. На позиции дивизии, удерживающей плацдарм, пошли гитлеровские танки. На батареях, у орудий взамен павших артиллеристов появились работники штаба, политотдела. У одного из орудий, где почти полностью вышел из строя расчет, за панораму встал заместитель начальника политотдела дивизии Шаповалов. Раненый заряжающий подал снаряд. Выстрел… Танк продолжал двигаться на умолкнувшую, захлебывающуюся в крови батарею, поливая свинцовым дождем все живое перед собой. Что-то горячее обожгло, отбросило Шаповалова на бруствер, небо накренилось как-то набок и почернело.

— Товарищ подполковник, вы живы? — увидел он над собой лицо заряжающего.

— К орудию, — приказал Шаповалов и, превозмогая чудовищную боль в груди, поднялся к панораме.

Он видел, как в черное перекрестие вползла грязная, обшарпанная махина, перепахивая разлапистыми гусеницами посыревшую от прошедшего дождя землю.

Шаповалов нажал на спуск. Огромной силы взрыв сорвал с бронированного чудища башню, танк вспыхнул, внутри начали рваться снаряды.

— Слева танк, — услышал Шаповалов голос заряжающего.

Повернув орудие, замполит прицелился и удивился, что плохо видит в панораму приближающуюся машину. Перекрестие казалось каким-то грязным пятном. Он выстрелил и потерял сознание. Шаповалов уже не увидел, что и этот «тигр» остановился, не дойдя до батареи.

3

В ходе кровопролитных боев дивизия несла большие потери и в рядовом и командном составе. На небольшой плацдарм фашисты обрушили град бомб и снарядов. Казалось, артиллерия и авиация сделали свое страшное дело. Но когда на позиции гвардейцев пошла очередная свора вражеских танков, гвардейцы встретили их хотя и разрозненным, но метким огнем. И все же превосходство противника начинало ощущаться все заметнее.

Весь день прошел в непрерывных атаках. А к вечеру, когда пошел затяжной дождь, немцы, так и не выбив гвардейцев с плацдарма, утихомирились. На усталых бойцов тяжело навалилась осенняя ночь с непрекращающимся дождем.

Родимцев знал, что на участке 13-й гвардейской дивизии готовится к форсированию реки для закрепления плацдарма на правом берегу Днепра полк Харитонова. И дождь, помешавший гитлеровцам, был совсем некстати и для нас. Противник с господствующих высот в течение всего дня предпринимал все более сильные контратаки, пытаясь сбросить подразделение 13-й гвардейской с занятого плацдарма вниз, в Днепр. Через каждые пятнадцать минут над боевыми порядками дивизии появлялось по двадцать самолетов противника. Из-за них не удалось переправить полк Харитонова днем. Гитлеровцы засекли район предполагаемой переправы и периодически «обрабатывали» его. И вот теперь Родимцев приказал переправить полк ночью, на другом участке. Переправить надо было сегодня, завтра могло быть поздно. Хорошо говорить: переправить полк, но как это сделать, когда под рукой двенадцать рыбачьих лодок и восемь плотов и когда после проливного дождя не на шутку разгулялся Днепр-батюшка?

Командир полка Харитонов хорошо понимал, какая ответственность выпала на его бойцов и командиров. От их успешных действий, умелых и быстрых, зависела судьба плацдарма, а значит, успех всей операции.

В полку был произведен соответствующий расчет. Он сводился к тому, что одним рейсом можно было перевезти не более стрелковой роты.

Также предусмотрели правильное распределение по подразделениям наиболее опытных бойцов и командиров.

«В этом отношении у нас порядок, — размышлял Харитонов. — В полку двадцать процентов старой гвардии — воздушно-десантников, обстрелянных еще в сорок первом под Киевом. Семьдесят процентов бывалых фронтовиков, прошедших

хорошую школу войны. Остальные — молодежь. Но и это боевые ребята. Не должны сплоховать».

Переговорив с командиром дивизии и выяснив все детали переправы, Родимцев все же не утерпел и приказал связать его с командиром полка Харитоновым. Через несколько минут в трубке послышался спокойный, неторопливый голос командира полка.

— Ну, так как у тебя? — спросил Родимцев.

— Собираемся, товарищ генерал. Скоро поедем.

— А чья рота переправляется первой?

— Рота автоматчиков гвардии капитана Подкопай.

— Это не тот ли, что захватил комендатуру в Кременчуге?

— Так точно, Александр Ильич, он самый.

— Ну, такой не подведет, готовьтесь, к началу переправы подскачу.

Однако добраться до харитоновского НП оказалось не просто. Хоть и стреляный воробей был шофер Нестеренко, но непроглядная темнота и непролазная грязь надолго взяли «в оборот» «виллис» командира корпуса. Николай с большим усилием вел машину, старался поспеть к началу переправы.

— Ну и дорожка, товарищ генерал, будь она проклята. Впервые еду по такой.

«Газик» подъехал к переправе, когда уже при полной тишине и светомаскировке гвардейцы Подкопая начали посадку на плоты и в лодки. Тут же был и командир полка. Генерал осмотрел выбранное место переправы и остался доволен. Действительно, участок для переправы был хорошо прикрыт от вражеских наблюдателей. Подъездные пути были твердыми, что позволяло успешно грузить технику.

Спокойно без спешки и суеты размещались автоматчики в лодках. В каждой до десяти бойцов. На плотах устанавливали станковые пулеметы с расчетами и гребцами, по два противотанковых орудия. На одном из плотов укладывали боеприпасы и продовольствие.

Противник изредка вешал «фонари», пускал ракеты, пытаясь осветить русло Днепра. В такие моменты переправа замирала, а прибрежный кустарник надежно укрывал бойцов и переправочные средства. Здесь даже дождь сыграл на пользу гвардейцам. Чуть притопленный берег как бы отодвинул кусты дальше в реку, и за ними на плаву были замаскированы и плоты и лодки.

И вот «деревянная флотилия» отчаливает. Родимцев с напряжением всматривается в темноту. Ждет. Примерно через час раздался чуть слышный всплеск — и «флотилия» прибыла на место.

— Рота в полном составе высадилась на правый берег, —

передал по рации Подкопай.

— Добро, Ваня, начинай, — по-отцовски напутствовал Родимцев. — Если что, я у себя на НП буду.

4

К рассвету все бойцы полка вместе с подполковником Харитоновым были на другой стороне. И как только последнее подразделение полка высадилось на правом берегу, рота Подкопая, развернутая на широком фронте и усиленная орудием и двумя станковыми пулеметами, начала бесшумно продвигаться вперед. Бойцы, маскируясь в складках местности и в кустарнике, кто ползком, кто короткими перебежками медленно, но верно приближались к вражеской траншее. Оттуда — ни звука. Уже метров тридцать остается. Один бросок — и траншея будет нашей. А немцы спят. Вот один из них, стоя спиной к нашим, разводит руками, потягиваясь спросонья. Медленно оборачивается. Перед ним… советский офицер. Руки взметнулись вверх, белесые ресницы часто-часто заморгали.

Послышался громкий и повелительный голос Подкопая:

— Гвардейцы, в атаку!

Штык, граната, автомат пошли в дело. Послышались крики, визг, шумный неразборчивый разговор. Все это происходило темной ночью в траншеях гитлеровцев, куда неожиданно ворвались гвардейцы. Остатки оборонявшегося на этом участке 308-го пехотного полка гитлеровцев откатывались к селу Табурище, где, по данным советской разведки, сосредоточивался для контратаки 326-й пехотный полк противника с десятками танков.

Переправа нашего полка и дерзкая атака на рассвете оказались для немцев полной неожиданностью. По-разному делились своими впечатлениями пленные гитлеровцы. Одни молчали, другие трусливо заискивали, вымаливая пощады. Рыжий верзила со знаками различия обер-лейтенанта, которого пленил сам Подкопай, вообще ничего вразумительного сказать не мог. Оказалось, что фриц оказал сильное сопротивление и Ивану с трудом удалось «переубедить фрица», треснув прикладом автомата по лбу. Операция эта закончилась для фашиста не безболезненно. От неожиданности он откусил кончик языка и теперь лишь мычал да таращил глаза.

Другой пленный, рядовой Шульц, молол языком не уставая.

— Мы слишком были беспечны, — заикаясь, лопотал он. — Офицеры нам говорили, что на этом участке русские никогда не осмелятся на переправу. А что получилось… — Он беспомощно пожал плечами. — От нашей роты осталось три солдата и один офицер. И те в плену у вас оказались.

— Это хорошо, война для вас кончилась.

— Нет, господин офицер, не хорошо…

— Что не хорошо?

— Плен, господин офицер. Это хуже, чем быть убитым в бою. Вы нас все равно расстреляете.

И только когда ему объяснили, что советское командование не расстреливает пленных, он притих и начал сопливо всхлипывать.

Четыре раза гитлеровцы пытались сбросить гвардейцев Подкопая в Днепр. Перед последней, пятой атакой Подкопай пошел на хитрость. Оставив в старой траншее небольшую группу прикрытия с задачей инсценировать инженерное оборудование окопов, он перевел основной состав роты ночью на более выгодную позицию. Однако утренней атаки противника, как ожидалось, не последовало.

Подкопай доложил командиру полка Харитонову, что гитлеровцы ведут себя спокойно, и заключил:

— Наверно, решили отсиживаться в своих окопах.

— Не радуйся, принюхиваются они к тебе, ведь не дурачки же воюют с нами.

Так оно и получилось. Буквально через час по оставленной ротой позиции ударили вражеские минометы и артиллерия. Почти два часа не смолкала канонада. Казалось, что и камня на камне не останется на этом участке фронта. Родимцев со своего НП наблюдал за этой свистопляской: «Удалась ли хитрость Подкопая, удачно ли выбрал он новое место?»

— Пусть себе потешатся, — не удержался адъютант Шевченко. — По пустому месту лупят, гады.

Не успел он закончить фразу, как над НП Родимцева появились фашистские самолеты.

— Три! — прокричал адъютант.

Сильный взрыв бросил его на землю. Послышались крики, стоны. Начальник штаба вызвал санитаров, а Родимцеву предложил временно спуститься в блиндаж. Но тот отказался.

— Уж лучше побудем в траншее, по крайней мере увидим, когда оторвется от самолета и куда полетит бомба, — решил комкор.

Когда самолеты улетели, он снова прильнул к стереотрубе, впившись взглядом в «свой» плацдарм. На подступах к нему показались силуэты танков. Надеясь на то, что живая сила и огневые точки в наших окопах подавлены, гитлеровское начальство посадило десант автоматчиков на танки. Вероятно, стремились быстрее занять утерянные вчера позиции. Вот невдалеке от умышленно оставленных Подкопаем траншей, которые в течение двух часов «молотила» вражеская артиллерия,

фашистские автоматчики начали спрыгивать с танков. Развернувшись в цепь, они, бросая ручные гранаты, с криками устремились на пустующие позиции. Не увидев в траншее не то что живых советских солдат, но даже ни одного мертвого, фрицы вначале удивились, затем замешкались в нерешительности.

И в это время грянули, заговорили пулеметы и автоматы роты Подкопая. Ударили прямой наводкой орудия, и четыре передних немецких танка вспыхнули. Остальные, стреляя кто куда, попятились задом, оставив на произвол судьбы свой десант.

Родимцев облегченно вздохнул. Теперь он был уверен, что не только этот плацдарм находится в его руках, но что через день-второй на правом берегу можно начинать большое наступление, которое отбросит гитлеровцев от Днепра. «Отбросит, — усмехнулся своим мыслям Родимцев. — Для этого надо много и сильно потрудиться, продумать до мелочей всю операцию, подсчитать свои силы, трезво оценить мощь врага, пополниться боеприпасами, подготовить к предстоящим боям людей». Достав из планшетки карандаш, карту, блокнот, Родимцев углубился в расчеты.

5

8 октября Родимцева поздравлял командующий армией Жадов:

— Александр Ильич, — раздался в трубке торжественный басок, — твои гвардейцы долг перед Родиной выполнили с честью.

— Гвардейцы-сталинградцы готовы к новым схваткам с врагом, — таким же торжественным тоном ответил командир корпуса.

— Знаю, знаю. Да, еще звонил командующий фронтом Конев, просил передать благодарность от Военного совета фронта. Так что вдвойне поздравляю.

Закончив торжественную часть разговора, командарм передал приказ фронта, по которому части корпуса, не успевшие форсировать Днепр, должны были сдать плацдарм четвертой армии.

Измотанный, понесший значительные потери корпус отходил для короткого отдыха, для восстановления сил, пополнения. В соответствии с приказом фронта в точно назначенное время Родимцев передал плацдарм четвертой армии, а свои части собрал на левом берегу Днепра. Совершив марш, гвардейцы расположились в районе Резники, Крамаренки, Малики. Им предстояло выйти в новый район, принять пополнение, а затем всем корпусом форсировать Днепр южнее Кременчуга.

Отдых, который им обещали, оказался коротким — неполных два дня. Уже в ночь на 12 октября первый эшелон корпуса после ожесточенных боевых действий севернее Кременчуга удачно переправился по наведенным фронтовыми саперами мостам через Днепр в пяти километрах восточнее села Дериевки, где сразу же гвардейцы завязали кровопролитные бои с отборными силами гитлеровцев.

Бои носили упорный характер, противник переходил в яростные контратаки, пытаясь вернуть утраченные позиции. Рассчитывая зимовать за так называемым «восточным валом», гитлеровцы каждое село превратили в узел сопротивления, а главенствующие высоты в опорные пункты обороны, создав разветвленную систему траншей и дотов, плотно насытив их огневыми средствами. Противник не хотел сдавать захваченные и обжитые за два года населенные пункты и господствующие высоты.

Наступление было трудным. Проливные осенние дожди превратили дороги в сплошное месиво. По ним невозможно было

передвигаться не только на машинах и тягачах, но даже на лошадях и коровах, которых войска тоже использовали.

Фашисты не ожидали, что в условиях непогоды советские войска осмелятся вести наступательные операции.

Чтобы быть ближе к войскам и лучше руководить их боевой деятельностью, Родимцев с оперативной группой выехал на штабном автобусе к переднему краю. На песчаной косе, вблизи переправы машина забуксовала в песке и застряла. Чертыхаясь, командир корпуса вылез из автобуса и неожиданно увидел невдалеке группу генералов. «Кто бы это мог быть?» — поспешил им навстречу Родимцев. Подойдя ближе, он узнал в одном из генералов командующего фронтом Конева, а в другом командующего пятой гвардейской армией Жадова.

Выслушав доклад командира корпуса, Конев предложил всем перейти в штабной автобус Родимцева, который к этому времени уже выполз из кювета. Сюда же вызвали командиров дивизий. Когда все оказались в сборе, Родимцев развернул карту и стал докладывать Коневу, что дивизии корпуса, с ходу вступив в бой, расширили плацдарм, освободили от гитлеровских захватчиков Дериевский выступ.

— За двое суток освобождены населенные пункты: Дериевка, Куцеволовка, совхоз «Партизан», Ясиноватка, — докладывал генерал.

— Подождите, подождите, — остановил его командующий. — Целый корпус освободил только несколько деревень, а он радуется. А не кажется ли вам, товарищ Родимцев, что темп наступления низок?

Командующий, конечно, знал, что стрелковый корпус Родимцева уже более месяца находится в непрерывных наступательных боях, что в течение последних пяти суток он вел ожесточенные бои на плацдарме северо-западнее Кременчуга. Знал он и то, что из-за осенней непогоды танки и значительная часть артиллерии отстали. Снарядов не хватало. В таких условиях рассчитывать на высокие темпы наступления не приходилось. И все же стал убедительно доказывать, что использованы далеко не все возможности для усиления натиска на противника. Командующий тут же уточнил задачу корпуса, по которой его полоса наступления расширялась до сорока километров.

6

Гвардейцы готовились к новым боям. Когда Родимцев прибыл на КП дивизии, которой предстояло наступать, здесь уже все было готово к атаке, о чем четко доложил командиру генерал Олейников. Несмотря на раскисшие от дождей дороги, вся артиллерия дивизии была подтянута на огневые позиции. Местные жители вместе с солдатами по колено в грязи таскали орудия к переднему краю. На руках переносили снаряды. Люди трудились не жалея сил, пока не сделали всего, что требовалось обстановкой. По распоряжению командующего фронтом наступление стрелковых частей корпуса должна была поддерживать штурмовая авиация. Летчикам предстояло восполнить недостаток тяжелой артиллерии, отставшей из-за непогоды. Командующий сдержал свое слово. Незадолго до наступления в распоряжение командира корпуса прибыли авиаторы, офицеры наведения. В их обязанность входило вызывать штурмовую авиацию на поле боя, указывать самолетам цели. Авиаторы быстро нашли общий язык с офицерами штаба, уточнили задачи, направление главного удара.

— Ну что, пехота, дадим прикурить фрицам? — шутили летчики.

— Это от вас зависит. Как огоньку дадите.

— Не подведем.

Такую непосредственную поддержку со стороны авиации на поле боя Родимцев имел впервые и поэтому немного волновался, чтобы взаимодействие оказалось как можно эффективнее.

Населенный пункт Зыбкое гвардейцы отбили с первой же атаки, а высоту, что юго-западнее села, взять не смогли, оборона гитлеровцев была здесь основательной. Под сильным огнем противника стрелковые подразделения, неся большие потери, залегли, удачно начатое наступление приостановилось.

— Давай, авиация, действуй, — обратился за помощью к летчикам Родимцев. — Только поточнее, рядом с высотой наша пехота.

— Сейчас организуем, товарищ генерал, вызываю штурмовиков, — откликнулся капитан Мороз и включил рацию.

Минут через тридцать в небе появились краснозвездные штурмовики. Офицер наведения как-то буднично, открытым текстом передал:

— Вася, ты слышишь меня? Прямо по курсу высота. Там вражеские огневые точки. Подави их!

— Сделаем, — по-деловому отозвался Вася.

И наши штурмовики, а их было шесть, накренив носы, вошли в пикирование. В мгновение высота окуталась дымом, потонула в облаках пыли, поднявшейся от взрыва бомб. В течение нескольких минут штурмовики обрабатывали высоту. Казалось, враг не мог там уцелеть. Но когда наши стрелки бросились в очередную атаку и стали подниматься по склонам высоты, многие огневые точки врага ожили. Да так хлестко ударили по наступавшим, что они снова залегли.

— Вася, сделай еще один заход, а то халтура получилась, — вызвал по рации штурмовиков капитан Мороз.

— Боеприпасы кончились, — раздалось в ответ.

И тогда к рации подошел Родимцев, попросил микрофон. Мороз только успел передать: «С вами говорит Родимцев».

Генерал хрипловато откашлялся.

— Слушай, Вася, а кому это известно, что у тебя боеприпасов нет — пикируй на огневые точки, шуму побольше, прижимай фрицев к земле, а мои гвардейцы тем временем до них доберутся да штыком козырнут.

— Есть шуму побольше, — как-то виновато ответил сверху баском Вася.

Через несколько минут самолеты развернулись и с воем стали пикировать на высоту. Под этот рев грозных машин, когда испуганные гитлеровцы попрятались в укрытия, наша пехота стремительно ворвалась в траншеи и вскоре очистила высоту от фашистов. Летчики хорошо помогли гвардейцам в этом бою, и Родимцев распорядился представить боевую шестерку летчиков к правительственным наградам.

7

Весь ноябрь гвардейцы провели в тяжелых, изнурительных боях. Но никто не помнил усталости, ее заменила радость побед, названия освобожденных сел. На устах теперь было одно слово — наступление. Приближался новый, 1944 год. Что принесет он? Вот уже два с половиной года бушевала на огромной территории России опустошительная война.

Почти три долгих года потребовалось, чтобы настал коренной перелом в войне. Но ведь враг еще здесь, на нашей земле. Родимцев, кадровый военный, часто задавал себе вопрос: «Как могло получиться, что фашист так далеко залез в нашу территорию?» Он воевал в Испании и помнит, какими классными специалистами прослыли русские общевойсковые командиры, как грамотно воевали танкисты, как наводили страх наши асы-летчики. Одно имя Серова приводило в трепет врага. Правда, как-то глухо летчики поговаривали, что у немцев, воевавших в Испании в составе легиона «Кондор», самолеты поманевренней и побыстрее, чем наши «Чайки». И бомбардировщики «юнкерс», и появившиеся «мессершмитты» были новым словом в авиации. Но говорили глухо, без тревоги.

Участвовал Родимцев и в финской войне, и в освобождении Западной Белоруссии. Эти короткие быстротечные боевые действия тоже говорили о том, что Красная Армия и подготовлена, и оснащена неплохо. И вот на тебе… Конечно, если бы открыли второй фронт, тут бы Гитлеру совсем стало невмоготу. Но его что-то нет да и нет. Еще в Сталинграде, в разгар боев Родимцев получал приветствия от бывших интернационалистов, проживающих в Англии, во Франции, получал поздравительные послания и от государственных деятелей этих стран, которые восхищались стойкостью русского солдата, желали его Родине скорейшей победы над врагом. Читая телеграммы, Родимцев радовался этой солидарности, верил, что скоро союзники тоже «поддадут жару» фрицам. Но гвардейцы отмеряли огненные версты, теряли друзей боевых, а мифический второй фронт пока давал о себе знать лишь американской тушенкой да «студебеккерами».

Приближался новый год. Какой он будет? Родимцев мечтал о том, как со своими гвардейцами дойдет до границы, поставит государственный пограничный столб, посидит на самом краешке России, помянет павших, пойдет дальше туда, откуда пришел на нашу землю кровавый зверь, пойдет, чтобы навсегда отучить его от коварной повадки посягать на чужие земли и чужое добро.

С наступлением первых морозов стали проезжими дороги. Подтянулась артиллерия, появились танки в боевых порядках пехоты. Наступательный порыв гвардейцев стал более эффективным. К концу ноября войска корпуса освободили Павлыш, Бутовский, Занфировск, Доброполь, Березовку, Алексеевку. А после частичной перегруппировки сил, введя в бой гвардейскую Полтавскую дивизию, корпус освободил от фашистских захватчиков крупный населенный пункт Ново-Александровку.

Фашисты не хотели примириться с поражениями. Из разведданных стало известно, что противник подтянул резервы, готовится взять реванш. И вскоре действительно гвардейцы почувствовали, что враг усилил сопротивление. Корпус вынужден был заново скрытно перегруппировать свои силы.

Такие частые маневры живой силы и техники вызвали у некоторых молодых офицеров недовольство. Узнал генерал, что идут «нелестные» разговоры о «никчемном дергании людей», и велел при первом случае собрать молодых офицеров, поговорить с ними по душам о роли и месте командира. Только на первый взгляд кажется, что ратный труд командира и его штаба далек от стремительной атаки, дерзкого контрудара, танкового рейда, рукопашной схватки. Конечно, командир дивизии или полка, как правило, не врывается с автоматом в руках в траншею противника, не подрывает гранатами вражеских танков. Но его ум, воля, энергия всегда предшествуют ратному труду солдата. Ведь подвиг войск становится только тогда успешным и эффективным, когда наступление хорошо организовано, обеспечено, спланировано.

И как бывает обидно солдату, когда он поднялся в атаку после артподготовки, а огонь противника вновь прижимает его к земле, не дает шагу ступить. Это значит, что огневые средства противника не подавлены, что плохо поработали командиры. Из-за плохой организации наступления приходится все начинать сначала.

Но если командир сделал все не на авось, а с умом, расчетливо, тогда бой развертывается по его плану, и наступающая сторона диктует свою волю противнику. Таких организаторов боя по праву можно назвать конструкторами подвига. И если солдат умом и сердцем воспринимает командирские требования, усердно готовится к предстоящей операции, то в бою он чувствует себя уверенно.

Как раз таким вот напряженным трудом всех воинов, от солдат до генералов, были насыщены фронтовые дни и ночи корпуса Родимцева, когда гвардейцы вышли на рубеж Малая

Березовка — Диковка — Ясиноватка. Мороз крепчал с каждым днем, надежно сковывая дороги. Погода стала союзником. К переднему краю подтянулась вся артиллерия, грузовые машины подвезли в достаточном количестве боеприпасы.

Корпус готовился к новому наступлению и непрерывно вел разведку. Данные как наземной, так и авиационной разведки тщательно изучались. Родимцева интересовало не только, кто сейчас стоит перед его фронтом, но и какие резервы противник может ввести в бой в ближайшее время.

На рассвете, в назначенное время, загремели пушки. Ломая тонкий лед на реке Ингулец, советские бойцы переправились на другой берег. Гитлеровцы, понимая опасность выхода наших войск на их тылы, нанесли фланговые удары по подошедшим к железной дороге частям и вновь отбили разъезд Диковка. Два полка 95-й дивизии оказались под угрозой окружения. Фашистам оставалось сомкнуть кольцо. Но наступила ночь, а противник почему-то не сделал этого. Может быть, ждал, когда наши полки начнут отход, чтобы в узком месте накрыть их плотным огнем артиллерии. А может быть…

Разведданные помогли разобраться. Дело в том, что с одной стороны, из Знаменки, наступала резервная танковая дивизия немцев, с другой стороны, из Александрии, — моторизованная дивизия. Но одновременного удара у фашистов не получилось, и они не смогли замкнуть кольцо окружения. Родимцеву представился случай поочередно разгромить передовые части контратакующих гитлеровцев. Все зависело от оперативности руководства.

В течение нескольких ночных часов штаб корпуса подготовил мощный удар. В то время, как полки 95-й стрелковой дивизии атаковали гитлеровцев изнутри, 214-я ударила по Диковке с фронта. Решительной атакой полностью были разгромлены и танковая дивизия, и мотополк противника.

Эта операция позволила войскам продвинуться на несколько километров вперед, освободить Знаменку. Приподнятое настроение царило в дивизиях, полках, батальонах. И дело не только в том, что штабные офицеры и командиры частей смогли на своих оперативных картах нанести новые рубежи корпуса, продвинувшиеся на несколько десятков километров. Главная причина такого приподнятого настроения объяснялась тем, что в дивизиях оказалось немало уроженцев местных деревень и самой Знаменки. Люди, ушедшие отсюда в первые дни войны, вернулись в родные хаты через несколько лет. Разными оказались у людей встречи: у кого праздник, у кого горе.

8

Родимцев приехал в Знаменку сразу после боя. Командир дивизии полковник Огородов, степенный неторопливый человек, подробно рассказал Родимцеву, как его солдаты дрались за Знаменку, как остервенело сопротивлялись фрицы, не считаясь с потерями. Особенно сильной была последняя контратака с танками.

Доложив обстановку, полковник Огородов предложил вместе позавтракать, но Родимцев отказался. Он еще собирался побывать у командира 97-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Анциферова. Коротко попрощавшись с гостеприимным хозяином, командир корпуса вышел из штаба. Мотор «виллиса» уже работал. Но, едва проскочив несколько улиц и выбравшись на окраину, задремавший Родимцев был разбужен тревожным криком адъютанта.

— Товарищ генерал, танки противника!

Шофер резко развернул машину. Родимцев приказал возвращаться к Огородову в штаб.

Разгоряченные, буквально влетели они в штаб. Шевченко бросился за телефон, а Родимцев к командиру дивизии. Огородов спокойно сидел за широким столом и неторопливо, со вкусом пил душистый чай, временами отдуваясь и протирая вспотевший лоб расшитым рушником.

— Садитесь, товарищ генерал, — радушно, как ни в чем не бывало предложил комдив и пододвинул табуретку. — Хороший чай сил прибавляет.

— Какой, к черту, чай! У тебя танки противника в городе, а ты чаи гоняешь?! — как можно строже рубанул Родимцев. — Где карта?

— Я уже принял меры, — спокойно ответил комдив. — Наши артиллеристы сейчас угомонят непрошеных гостей.

Комдив представил стоявшего в стороне высокого, худощавого офицера — майора Койчуренко, командира артиллерийского полка. Именно Койчуренко комдив приказал выбить фашистские танки из города.

— Как будете решать задачу? — деловито спросил Родимцев.

Командир артиллерийского полка доложил, что первая батарея старшего лейтенанта Величко уже ведет бой с вражескими танками, вся артиллерия первого дивизиона поставлена на прямую наводку.

— Можно верить майору? — спросил Родимцев у комдива.

— Не подведет, товарищ генерал, — твердо ответил

Огородов. — Кроме того, в районе железнодорожной станции закрепился гвардейский полк. В его боевых порядках на прямой наводке стоит артиллерийский дивизион капитана Губийдуллина. Так что город останется в наших руках, это факт.

— Хорошо, полковник, что ты уверен в своих артиллеристах, но, как говорится, доверяй, но проверяй. Так что уеду я только тогда, когда ни одного фашистского танка не останется в Знаменке. Кроме того, учти, завтра утром здесь расположится штаб корпуса. А штаб твоей дивизии переведете в совхоз Кохоновка.

— Но ведь там противник, — недоуменно посмотрел на Родимцева комдив.

— Ну что ж, что немцы. Освободите полностью Знаменку, а потом отбросите фрицев за совхоз Кохоновка.

— Есть отбросить фрицев, — улыбнулся комдив.

А Родимцев, словно что-то передумав, тут же связался по телефону с начальником штаба корпуса Самчуком, приказал ему готовиться к переезду в Знаменку.

Едва он договорил последнюю фразу о переезде штаба в Знаменку, как все время поддакивающий Самчук неожиданно замолчал.

— Связь, связь… — шумел Родимцев, — шайтан вас побери!

— Связь работает, товарищ генерал, — послышался голос дежурного телефониста, — полковник у аппарата.

— Самчук, ты что, оглох или язык проглотил? — поняв, в чем дело, добродушно заворчал Родимцев.

Он вспомнил, что его боевой товарищ, с которым они начали войну в Первомайске, обороняли Киев, сражались в Сталинграде, на Курской дуге, Иван Самчук здесь родился, здесь работал и жил. Здесь остались его родственники.

— Что ж, Иван Аникеевич, в гости не приглашаешь? — бросил в трубку генерал.

— Я всегда готов, — наконец откликнулся Самчук, — вот штаб переведем и, если согласитесь, сходим.

Дел, конечно, было много, но Родимцев тем не менее решил доставить радость начальнику штаба. Шутка ли — человек почти четыре года не был дома, не видел близких, не знает, живы ли они. И на следующий день, как только штаб перебрался в Знаменку, они вместе с Самчуком поехали в Маторино.

Село, как и многие украинские деревеньки, было сильно разрушено, многие дома сожжены, фруктовые деревья вырублены. Гостей встретила тетка, Мария Платоновна Самчук. Не стесняясь слез, она кинулась на шею к Самчуку, все время приговаривая: «Дорогие наши освободители, как мы вас долго ждали, спасибо за

все».

От нее узнали, что муж ее, дядя Самчука, находился в армии, известий от него давно не приходило. Мария Платоновна рассказала, как тяжело жилось мирным жителям в фашистской неволе, о зверствах, насилиях, убийствах, которые чинили оккупанты.

И в Знаменке, и здесь в селе Маторино жители с большой радостью приветствовали своих освободителей. Встречали воинов хлебом и солью, приглашали в хаты, старались угостить, не жалея своих скудных припасов.

В Знаменке гвардейцы Родимцева еще раз убедились, какой страшный зверь поганил их родную землю, жег города и села. Несмотря на то что всем уже было ясно, что война Германией проиграна, фашизм продолжал расправы с мирным населением сел и городов. Десятки трупов лежали на разбитых улицах Знаменки. Старики, женщины, дети — никого не щадили фашисты. На площади вблизи железнодорожной станции чернела большая виселица. На ней — десять трупов. Среди них подростки.

Местные жители задавали много вопросов, и среди них был всегда главный: «Когда прогоните отовсюду этого антихриста, зверя о двух ногах?» И Родимцев, который любил встречаться с крестьянами, неизменно твердо и уверенно отвечал:

— Точной даты назвать не могу, но только мучиться и страдать недолго осталось. Очистим скоро всю нашу землю от поганой нечисти.

— Да так дайте, чтобы впредь неповадно было лазить, — степенно поддерживали его старики.

Люди верили этому хоть и молодому, но уже начинающему седеть генералу с Золотой Звездой на груди.

Родимцев понимал, что час Победы близок, но еще предстоит много поработать. Генерал не любил слов «сражаться, биться» и предпочитал им слово «работать». Войну он видел как тяжелый ратный труд, тяжелую работу и для рядовых, и для офицеров, и для генералов.

9

После тяжелых боев корпус по распоряжению штаба армии получил небольшую передышку. Командование хотело использовать короткий отдых для перегруппировки войск, подготовки к Кировоградской операции. В минуты затишья корпус начинал получать пополнение, вооружение, боеприпасы.

Все понимали, что хотя противник в последних боях понес большие потери в технике, в людях, в живой силе, сопротивляться он будет отчаянно.

Во всяком случае, Кировоград немцы не собирались сдавать без боя, и поэтому готовиться к боевым действиям предстояло основательно. Ключом оборонительных действий фашистов были выгодные в тактическом отношении командные высоты и приспособленные к круговой обороне населенные пункты. Потеряв Знаменку, противник перешел к активной обороне, интенсивно используя бомбардировочную и штурмовую авиацию. Почти на всем фронте корпуса фашисты по нескольку раз в день переходили в контратаки. Огромным напряжением сил, воли гвардейцы сдерживали этот отчаянный натиск врага. Одновременно полным ходом шла подготовка к кировоградской наступательной операции. Провели тщательную разведку. Она показала, что перед фронтом корпуса оборонялись отошедшие в западном направлении старые знакомые бойцов Родимцева: части 14-й танковой, 10-й механизированной и 376-й пехотной дивизий. Кроме того, на правом фланге оборонялся отдельный стрелковый батальон. На участках предполагаемого прорыва наших дивизий враг отрыл окопы полного профиля, подготовил открытые пулеметные площадки с развитой системой ходов сообщения.

Согласно разработанному штабом плану, прорыв должен был осуществляться силами трех гвардейских стрелковых дивизий. Главный удар корпус наносил центром, на участке 97-й гвардейской стрелковой дивизии. Родимцев не случайно поставил на главном направлении именно эту часть. Дивизия успешно воевала на кировоградской земле, ее воины совершили немало подвигов при освобождении населенных пунктов. Командование верило, что в предстоящей операции гвардейцы окажутся на высоте. Острие удара наступающих войск в первом эшелоне направлялось между населенными пунктами Вершинополье — Субботцы. Такое решение было принято сознательно. Изучив материалы разведки, Родимцев убедился, что у противника наиболее слабая огневая система в обороне находится на стыке этих двух населенных пунктов. Кроме того, комкор планировал

нанести удар в стыке населенных пунктов Вершинополье — Субботцы с таким расчетом, чтобы выйти частью сил на их окраины, а затем охватывающим маневром сломить сопротивление противника и обеспечить ввод в прорыв 7-го механизированного корпуса генерала Каткова.

К началу операции в каждой дивизии были созданы передовые отряды. В их задачу входило неотступно продвигаться за боевыми порядками полков первой линии, решительным броском захватить переправу через реку Ингул.

Утром, накануне наступления Родимцев приехал в дивизию Анциферова проверить готовность войск к наступлению. Хотелось самому убедиться, как вооружены бойцы, каков их моральный дух, как отдыхают.

Легкий снежок запорошил остовы сожженных хат, прикрыл белоснежным одеялом танки, орудия, полевые кухни. Отступая, гитлеровцы полностью сожгли многие деревушки. Многие бойцы спали прямо на земле у едва тлевших костров. Спали богатырским сном. Артиллерийские расчеты, прикрывшись чехлами, пристроились у своих орудий. Родимцев вместе с Анциферовым шли по разрушенной деревне и удивлялись выносливости, самопожертвованию советского солдата. У одного из костров остановились покурить. Около двух месяцев, от самого Днепра, шли сюда с непрерывными боями гвардейцы. И сейчас, получив короткую передышку, отдыхали. Кто курил, ведя неторопливую беседу с товарищем, кто спал, набираясь сил, чтобы завтра снова идти в бой. Теперь на Кировоград. Родимцев подозвал дежурного, предупредил, чтобы внимательно смотрел за костром: «Не ровен час, можно и обморозиться, если огонь затухнет». И, глядя на этих ребят, спящих у костра, на снегу, невольно вспомнился родной Шарлык с короткими, утопающими в снегу улочками, добротными избами, надворными постройками и лесная дорога в Оторванку, куда бегал на лыжах в школу.

Кажется, это было давным-давно. Сколько же лет прошло? Он стал высчитывать. Получалось, больше десяти лет не был дома, не видел родных улиц Шарлыка. Вроде бы десять лет — огромный срок, забыть можно и дома, и сельские улицы, а нет, зажмуришь глаза — и наяву все видишь. Вот и сейчас Родимцев представил свой дом, и мать, хлопочущую у печки, и сестренку Настю, перебирающую пшено. Тепло сейчас в доме, натоплено, лепешки, видно, печь собираются.

— О чем размечтались, товарищ генерал? — прервал его думы командир дивизии.

— Фу-ты, шайтан побери, воспоминания одолели, — засмеялся Родимцев.

— Завтра Новый год, — напомнил Анциферов, — встретить бы надо.

— Встретить-то встретим, но самая главная наша встреча будет там, — и Родимцев махнул рукой в сторону Кировограда. — А то, видишь, не для всех пока крыша есть, — показывая глазами на спящих на снегу солдат, подытожил генерал.

Так гвардейцы встречали новый, 1944 год. Но ни морозная ночь, ни отсутствие крова не испортили им настроения. Наоборот, они были счастливы, что видят радостные лица крестьян, избавившихся от гитлеровцев; счастливы, что движутся на запад, освобождая село за селом.

Приподнятое настроение омрачалось лишь тогда, когда гвардейцы видели на месте сел остовы сгоревших изб, чернеющие трубы запорошенных снегом печей да поросшие бурьяном плодородные черноземы Кировоградщины. В корпусе было много солдат, офицеров — уроженцев этих мест. Все они с гордостью рассказывали о том, какие богатые урожаи дарила их земля в мирное время, какими революционными традициями богата Кировоградщина.

Соскучившиеся по дому, по мирным делам бойцы наперебой предлагали жителям деревень подсобить в их нелегком крестьянском деле. А те старались получше встретить своих помощников, накормить, дать возможность немного перевести дух, набраться новых сил.

То там, то здесь можно было услышать неприхотливый разговор:

— Отец, дай, что ли, я косу тебе наточу.

— На, возьми, милок, наточи. — И дед, пряча улыбку в седые усы, тащил из сарая косу, умолчав, что вчера ее уже точил какой-то другой гвардеец. А ничего не подозревающий боец, кряхтя, брался за дело.

10

Трое суток, отведенных корпусу для подготовки к наступлению, промелькнули, как один день. К рассвету 4 января войска заняли исходное положение для наступления. Еще день ушел на силовую разведку: надо было уточнить передний край противника, расположение его огневых точек.

И вот 5 января, рано утром началась артиллерийская обработка переднего края и глубины обороны противника. Это был мощный десятиминутный огневой налет. Артиллеристы умело подавляли огневые точки врага. Затем зимнее утреннее небо распороли огненные всполохи прославленных «катюш». И наконец, после их залпа по переднему краю врага, войска корпуса в тесном взаимодействии с танкистами генерала Катукова пошли в атаку. Уже в самом начале наступления гвардейцы прорвали передний край противника. Развивая стремительное наступление на главном направлении Казарино — Ново-Водонос — Леленовка, дивизия генерала Огородова первой к исходу дня выполнила поставленную задачу. Действия бойцов дивизии отличались массовым героизмом, неудержимым порывом, самопожертвованием. Геройски сражалась рота лейтенанта Николая Авдеева. Стремительным рывком бойцы достигли вражеской траншеи, вступили с врагом врукопашную. В трудное положение попал сам лейтенант, Авдеев. Он оказался лицом к лицу с шестью гитлеровцами. Выстрелами из пистолета лейтенант уничтожил двоих. Третий фриц замахнулся на Авдеева тяжелым карабином, но лейтенант успел выхватить у него оружие и прикладом уложил фашиста на землю. В этот момент лейтенант почувствовал, как обожгло правую руку и двое фашистов навалились на него. В глазах потемнело, он стал терять сознание. Неожиданно один из фашистов неестественно обмяк и скатился с лейтенанта. Последним усилием воли Авдеев сбросил второго гитлеровца, и, как ему показалось, сделал это легко. Когда он с трудом поднялся, то увидел пред собой всеобщего любимца и балагура, двухметрового здоровяка Бориса Кашина. Тот, улыбаясь и тяжело дыша, деловито вытирал о перепачканный снег кинжал.

Быстро прорвав оборону врага, дивизия генерала Анциферова освободила от гитлеровцев десятки населенных пунктов. Во второй половине дня гвардейцы, продолжая развивать наступление, перерезали линию железной дороги на участке Андросово. И все же полностью задачу выполнить не смогли. Дальнейшее продвижение было остановлено организованным огнем противника.

Другая дивизия, которой командовал полковник Олейников, также успешно прорвала фронт обороны противника, открыв возможность для широкого маневра нашим танкистам. Но едва те рванулись вперед, как напоролись на большое минное поле. Узнав об этом, Самчук стал отчитывать по телефону разведчиков, проморгавших злополучное поле.

— Ладно, после отругаешь их, — остановил Родимцев. — Немедленно саперов вперед — даю час времени.

Послали несколько человек. Одним из первых ушел на задание со своим напарником рядовой Сергиенко. Доползли незамеченными, стали прокладывать проходы в минном поле, и тут их обнаружили гитлеровцы, начали обстреливать. Два фашиста даже выбрались из окопа и нагло подползли поближе, видно намереваясь взять бойцов в плен.

— Ишь, гады, будто на охоту вышли. Ты, Петро, снимай их мины, а я покараулю, — распорядился Сергиенко.

Подпустив зарвавшихся фашистов, он короткими очередями уничтожил их.

— Ну, долго ты там возиться будешь? — услышал Сергиенко недовольный голос Петра. — Смотри, здесь сколько этой гадости понатыкано, одному не управиться.

— А то я прохлаждаюсь, — ухмыльнулся Сергиенко. — Иду, иду…

Одна, две, три… Около ста противотанковых мин извлек Сергиенко и аккуратно обозначил вешками проходы. Именно по этому маршруту и пошли через час в прорыв танкисты. Когда Родимцеву доложили об умелых и решительных действиях рядового Сергиенко, генерал приказал представить его к ордену Красной Звезды.

— Герой, настоящий герой, — подытожил генерал.

Среди гвардейцев Родимцева были пожилые люди, у которых уже серебрились виски, и совсем юные. Но любой из них, кто побывал в атаке, видел кровь и смерть своего товарища, не знал страха в бою. Они уже не «кланялись всякому свистящему над головой снаряду, не теряли бодрости духа в самой сложной обстановке. Однажды после тяжелого боя Родимцев приехал в батальон, который потерял почти половину личного состава. Он думал, что застанет мрачных, озлобленных людей, увидит понурые, отрешенные лица, и не поверил своим глазам. У костра, возле небольшой сгоревшей хаты, сидели кружком бойцы. В середине круга небольшого роста рыжеусый солдат упражнялся на трофейном аккордеоне. Товарищи подгоняли его:

— Ну что ж ты, Гришка, фашистскую хреновину никак не освоишь. Давай, поторапливайся — петь хочется.

Слушая неприхотливый разговор бойцов, Родимцев ловил, себя на мысли, что он не в первый раз встречается с тем, как усталые гвардейцы не лежат вповалку, изнеможденные боем, а вот так, как эти, спокойно балагурят.

Казалось, люди отдали последние силы, еле держатся на ногах, а закончился бой — и они вспоминают про мирные годы, рассказывают про завод, где работали, про колхоз, где пахали землю, читают вслух письма, пришедшие из дома. Читают так, словно вокруг костра сидит одна семья и всех волнует, заботит, начал ли говорить малыш, как учится школьник.

Родимцев не случайно накануне, в разгар операции наведывался в полки, батальоны. Перед началом операции в корпус прибыло большое пополнение новобранцев, и его волновало, как поведут себя в бою новички. Все они с нетерпением рвались в бой, жадно тянулись к оружию, каждый из них хотел принять участие в освобождении родных сел, отомстить фашистам за немыслимые злодеяния. Сохранить боевой дух и вместе с тем научить молодых воевать Родимцев считал своей первой заботой. И огорчался, когда докладывали сводку об убитых, раненых. Сильно переживал, встречая новобранцев в медсанбате.

Однажды он заглянул в полевой медсанбат сразу после боя. Опираясь на палку, подошел черноволосый, худощавый юноша. Он участвовал в первом бою, уничтожил двух фашистов. У парня была одна просьба:

— Товарищ генерал, прикажите не отправлять в тыл, рана у меня легкая, заживет быстро.

— Здесь врачи командуют, — отговорился генерал.

— Да я слово дал: довести счет убитых до десяти.

— Это почему десять?

— Тут арифметика простая, — доверительно сообщил парень. — Если каждый солдат по одному бандиту уничтожит — полная победа обеспечена. Но ведь не каждый успеет это сделать. Иной только к передовой подойти успеет — и нет его. Значит, за них, погибших, нам, живым, следует подумать. Чтобы наверняка победа была обеспечена. Вот если каждый по десяти гадов уничтожит, то считай, что Гитлеру каюк.

Генерал улыбнулся математическим выкладкам юного гвардейца и пообещал похлопотать за него перед врачами. Но не успел он отойти от койки молодого бойца, как к нему чуть не строевым шагом приблизился еще один раненый.

— Рядовой Галак, товарищ генерал. Ну чего они меня в тыл выпроваживают, и здесь поправлюсь, тут мой дом, воздух мой.

Рядовой Галак родом был из Дыковки. По прибытии с

пополнением был зачислен вторым номером в подразделение противотанковых ружей. В бою у разъезда Новаковка, когда погиб первый номер расчета, Галак не растерялся и продолжал вести огонь из противотанкового ружья. Он подбил машину с боеприпасами, вывел из строя станковый пулемет. Фашисты предприняли контратаку, стремясь вернуть утраченные рубежи, но рядовой Галак не позволил им это сделать. Он и в мыслях не допускал, что можно уступить врагу хотя бы метр родной земли. Даже когда осколком перебило руку, он продолжал вести бой.

Подошел военврач Комелев.

— Что же вы таких героев в тыл отправляете? — хитровато подмигнул ему генерал.

— Этому руку сохранить надо — молод еще, ему работать и работать придется. А тому, хромому, без ноги оставаться негоже — что за жених из хромого получится.

— А может, в виде исключения…

— Но, товарищ генерал, они так все запросятся.

— Да уж так и все?

Генерал был доволен гвардейцами. Никто из них не рвался в тыл, не спешил в госпитали. Наоборот, как вот и сейчас, приходилось врачам уговаривать их ехать на излечение!

— Так ты уж посмотри, Комелев, я, конечно, в вашем деле приказать не могу, да больно ребята хорошие.

Молодые бойцы, напрягая слух, прислушивались к короткому разговору Родимцева с врачом.

«Ломается медик, — отметил про себя Галак, — ну, ничего, Родимцеву не откажет».

Да, напрасно беспокоился командир корпуса о новом пополнении. Они не подвели, дрались стойко, решительно. Отличным бойцом показал себя и пулеметчик младший сержант Николай Беляков, родом из Чистякова Донецкой области. Когда уцелевшие после артподготовки гитлеровцы стали удирать из села Субботцы, Николай Беляков смело выдвинулся с пулеметом наперехват и не дал фашистам уйти. А позже, когда противник начал контратаку при поддержке танков, младший сержант меткими очередями из пулемета отсек вражескую пехоту от бронированных машин. Он вел огонь до тех пор, пока вражеский танк не появился над его окопом. Отважный пулеметчик погиб, но не оставил своей позиции.

Люди говорят, что к войне привыкают, что перестают часто удивляться подвигам, считая это обыденным делом. Родимцев понимал, что это не так. Его не переставало поражать и восхищать мужество, стойкость солдат.

— Вот вы говорите: солдат совершил подвиг, — пристал как-

то к нему адъютант Шевченко, — а ведь сами проповедовали, что это работа, что война — тяжелый труд.

— Верно, от своих слов не откажусь. Только почему ты, парень, считаешь, что тяжелый труд нельзя назвать подвигом?

— Я так не считаю, — сопротивлялся молодой офицер, — но только работа работе рознь, труд труду разница.

— Вот здесь ты, Шевченко, промашку дал. Труд есть труд, его, как радугу, на цветные полоски спектра не разложишь.

Словом, каждый считал, что он чуточку более прав.

11

Возвращаясь вечером в штаб после поездки в войска, Родимцев всегда садился подписывать наградные листы. Он всегда читал их несколько раз, просил переделать, если считал, что написано чересчур скупо, «без души». С болью ставил свою подпись, когда в наградном листе встречал слово «посмертно». Радовался, когда представлял к награде живого героя. Вот и сейчас, вернувшись из медсанбата, попросил наградные листы. В стопке нашел и фамилии раненых парней, которых встретил только что в медсанбате. Несколько раз с удовольствием перечитал их. Каждая из таких бумаг представлялась короткой историей подвига. Одна, которая привлекла его внимание, гласила:

«Разведчик, рядовой Борис Каракозов подорвал мост в тылу противника». Генерал заинтересовался. Он вспомнил, что не в первый раз подписывает наградную бойцу с такой фамилией. Что это: однофамильцы? Стал читать дальше и понял, что это один и тот же человек. В дивизии по праву гордились удачливым разведчиком, рядовым Борисом Каракозовым. Он много раз бывал в тылу врага, приводил «языков», добывал важные сведения. В эти январские дни 1944 года, когда развернулось мощное наступление наших войск, фашистское командование стало спешно эвакуировать тылы, увозить награбленное. На станции Андросовка наши разведчики обнаружили два эшелона, подготовленные захватчиками к отправке в «великую Германию». Вагоны первого эшелона были загружены тушами коров, телят, свиней и овец. В других вагонах были ковры, самовары и другие награбленные ценности. В двух вагонах второго эшелона гитлеровцы держали подростков, собираясь отправить их на чужбину.

Рядовому Каракозову было приказано в тылу врага взорвать мост, предотвратить угон эшелонов. Пробравшись под покровом ночи к мосту, разведчик увидел, что его опоры заминированы. Естественно, взрывать мост гитлеровцы намеревались только в случае своего отхода. Борис Каракозов принял свое решение. Он привязал головые шашки к фугаскам, поджег бикфордов шнур… Когда раздался взрыв, смельчак был уже на окраине села Андросово. Гитлеровцы заметили его. Около пятнадцати фашистов стали окружать смельчака, собираясь взять его живым. Борис уничтожил шестерых, но у него кончились патроны. Гитлеровцы отрезали путь к селу, кольцо сжималось. Положение казалось безвыходным. Когда фашисты приблизились вплотную,

гвардеец с криком «ложись, гады» бросил себе под ноги гранату без взрывателя. Гитлеровцы в панике попадали на землю, ожидая взрыва гранаты, а разведчик, воспользовавшись замешательством, растворился в ночи. Он вернулся в часть целым и невредимым.

— Ну и орел, — восхищался генерал, в который раз перечитывая бумагу. — Нет, ты только посмотри, Иван Аникеевич, — восхищенно теребил он изучавшего карту начальника штаба. Тот нехотя оторвался от стола, снисходительно улыбнулся:

— Товарищ генерал, вы как будто первый раз в жизни про награды читаете. Тысячи, наверное, прошли через ваши руки, а вы все не привыкнете.

— Нет, Самчук, ну как тут не восхищаться, герой же. Нет, я не согласен с представлением, мало ему Красной Звезды. — И он аккуратно зачеркнул последнюю строчку, собственноручно исправил: «Представить к ордену Отечественной войны».

На следующий день корпус возобновил наступление. Но продвинуться далеко на этот раз не удалось. Невысокий темп наступления объяснялся тем, что противник сам перешел к активным действиям. Во второй половине дня гитлеровцы несколько раз бросали в контратаки по пятьдесят — шестьдесят танков, которые поддерживала пехота, артиллерия и авиация.

С раннего утра из дивизий стали раздаваться тревожные телефонные звонки. Комдив Огородов докладывал, что его гвардейцы с трудом отбивают многочисленные контратаки противника. Ценой огромных потерь удается удержать в своих руках освобожденные села.

Еще хуже обстояли дела у генерала Анциферова. Встревоженный положением дел и захлебнувшимся наступлением, Родимцев с группой офицеров выехал в 97-ю дивизию. Он считал, что здесь можно было уяснить всю обстановку на левом фланге корпуса. Когда добрались до штаба дивизии, который располагался в селе Кишкино, командира и начальника штаба застали на месте. Оба сидели за столом, в руках держали телефонные трубки и возбужденно отдавали приказания. Анциферов срывающимся голосом говорил с одним из полков, а начальник штаба — со штабом корпуса. «Хорошо, связь не потеряна», — промелькнула мысль у Родимцева. Комдив положил телефонную трубку, быстро встал, взволнованно стал докладывать.

Командир корпуса не перебивал комдива. Анциферов был явно взволнован, таким его генерал давно не видел:

— Один из полков ночью взял Большую Мамайку, а уже сегодня утром фашисты контратаковали тридцатью танками,

бросили в бой полк пехоты и вытеснили нас. В некоторых подразделениях чувствуется растерянность, надо бы помочь им артиллерией, но у меня ее нет.

— А ты поспокойнее докладывай, Иван Иванович, — незлобно попросил Родимцев. — Что нам, впервые, что ли, такие переделки? Выберемся и из этой, нужна артиллерия — найдем. Давай дальше поспокойнее.

Из доклада комдива выяснилось, что другой полк тоже потерпел неудачу. Под натиском врага он вынужден был оставить захваченный утром важный опорный пункт Красный Кут. Сдал свои позиции и третий полк дивизии. Слушая нерадостный доклад, Родимцев прикидывал, чем он мог помочь дивизии.

— Можно не продолжать, — остановил наконец Родимцев комдива. — Мы знаем, с каким противником имеем дело. Знаю, что дивизию потеснили. Но мы верим в гвардейцев, у нас нет к ним претензий. Они дерутся превосходно. Дивизия приняла на себя главный удар, стойко ведет тяжелый бой с превосходящими силами. Хотя вас и потеснили немного, но ничего не поделаешь — на то и война. Будем вместе думать, как выйти из положения.

— Помогите авиацией и артиллерией.

Родимцев тут же по телефону приказал начальнику штаба корпуса Самчуку связаться со штабом армии, доложить обстановку и попросить от его имени оказать помощь артиллерией и авиацией.

Оставив Анциферова в штабе управлять дивизией, Родимцев вместе с начальником штаба дивизии собрался в полк, который несколько часов назад оставил Большую Мамайку. Его пробовали отговорить, но он так взглянул, что все поняли: никакие доводы повременить с поездкой на передний край не помогут. Не успели подъехать к командному пункту полка, как пришло сообщение, что армия удовлетворила просьбу и немедленно поможет авиацией и артиллерией. «Ай да Самчук, — крякнул Родимцев, — оперативно сработал». Корпусу срочно подчинили находящуюся на марше армейскую противотанковую артиллерийскую бригаду подполковника Кузьмина. Получив доброе известие, Родимцев разослал по всем направлениям разведчиков с приказом «из-под земли достать бригаду». Нашли ее быстро. Командира бригады Родимцев встретил сам. Тут же поставил ему задачу, указал рубеж, где артиллеристам предстояло принять бой. Рубеж для них оказался очень выгодным. И когда фашисты вскоре снова бросили в контратаку танки, их встретил меткий огонь наших орудий. Пятнадцать бронированных гитлеровских махин, искалеченных и сожженных, остались на зимнем поле.

Помогла и штурмовая авиация, от души отделав передовые

части наступавшего врага. Фашисты, хотя заметно снизили свой пыл, но отступать не собирались. Обстановка продолжала оставаться сложной и опасной. В штабе корпуса хорошо понимали, что если противник прорвет оборону генерала Анциферова, то большая группировка гитлеровцев выйдет в тылы корпуса. Вот почему Родимцев почти постоянно находился здесь, помогая сбить оголтелый натиск отчаявшегося врага.

Лишь через день, прикрываясь танками и мотопехотой, враг начал отвод главных сил, продолжая сдерживать наши войска.

Два батальона с танками держали оборону в районе высоты 219,8, в районе рощи и деревни Андросово. В районе Красный Кут, сосредоточив большую группировку, противник отбивал все атаки гвардейцев. Авиация врага наносила бомбовые удары по боевым порядкам наступавших войск, не подпуская их к переправе через реку Ингул. Гвардейцы держались из последних сил. Но предел есть во всем. И Родимцев не удивился, когда его по телефону разыскал заместитель командира корпуса по политчасти Платонов:

— Если мы не окажем помощь дивизии, противник разрежет корпус на части. Надо просить резервную дивизию.

— Попросить я попрошу, но дадут ли, ведь у нас уже пять дивизий.

Но когда он позвонил в штаб армии, его просьбу удовлетворили, направив дополнительно дивизию полковника Шайрана.

12

Штаб корпуса сделал все, чтобы с ходу ввести свежую дивизию в бой. Все начальники служб, офицеры оперативного и других отделов были посланы для оказания помощи в дивизию Шайрана. И на следующий день новобранцы вступили в бой. В результате стремительного дневного боя бойцы Шайрана к исходу дня соединились со стрелковой дивизией Огородова и вместе овладели господствующими высотами, надежно прикрыли правый фланг корпуса. Почувствовав локоть боевых друзей, активизировала свои действия и дивизия Анциферова.

А еще через день наступательная операция закончилась полным окружением Кировоградской группировки противника. Над Москвой в тот вечер заполыхали огни салютов в честь войск генерала Родимцева. А его дивизии шли дальше, дивизии Родимцева, которые одиннадцать раз были отмечены приказами Сталина.

Гвардейцы Родимцева шли на Запад. Они не знали, когда кончится война. Но все, от солдат до генералов, чувствовали, что конец этой кровопролитной, нечеловечески тяжелой войне скоро придет. Они уже очистили родную землю от фашистских захватчиков, восстановили на государственной границе пограничные столбы и, выполняя свой интернациональный долг, двинулись на помощь порабощенным народам Европы.

Заканчивался сорок четвертый год. Части гвардейского корпуса, которым командовал Родимцев, натолкнулись на яростное сопротивление гитлеровцев в районе Сандомира. Это было уже в Польше. Бои за Висленский плацдарм оказались продолжительными и носили исключительно ожесточенный характер. Гитлеровское командование предприняло отчаянную попытку отсечь на левом берегу реки переправившиеся войска первого Украинского фронта и восстановить свою оборону. Особую опасность представляла группировка врага, наносившая удар из района Мелец. Советское командование знало: фашисты расценивали Вислу как важнейший оборонительный рубеж и потому бросили сюда большое количество танков, бронетранспортеров, артиллерии, штурмовой и бомбардировочной авиации.

То и дело вражеские танки предпринимали контратаки, но их попытки вбить стальные клинья рушились о стойкость и непоколебимость гвардейцев. Массированный огонь нашей артиллерии, словно хороший душ, остужал безрассудство, напористость врага.

Словно затравленный зверь, исступленно билось и металось «воинство фюрера» на этом рубеже, снова и снова пыталось наносить удары в разных направлениях, бросая в контрнаступление на узком участке фронта десятки танков. Фашистское командование не щадило десант, который неизбежно погибал в бесплодных и бессмысленных атаках.

В ходе битвы за Вислу не только генералы фюрера, но и его рядовые солдаты могли убедиться в неизбежности своего позорного конца.

Начиная с середины января сорок пятого года корпус Родимцева вел непрерывные наступательные бои на пространстве от Висленского плацдарма до реки Одер. Не давая противнику возможности закрепиться на промежуточных рубежах, вынуждая его к поспешному отходу, наши части к исходу месяца вышли к Одеру, где завязали упорные бои за предмостные укрепления на восточном берегу.

Особенно яростное сопротивление гвардейцам в районе Тиргартена оказали отборные войска «СС» однако решительными действиями нашей пехоты и артиллерии они были выбиты из укреплений Тиргартена и отошли на западный берег Одера, взорвав мост в районе Олау.

Не замедляя наступления, корпус развернул бои за города Крейцбург и Констандт, крупные узлы железных и шоссейных дорог. Противник, по-видимому, долго укреплял Крейцбург: город был окружен глубоким противотанковым рвом, подступы к нему прикрывались долговременными сооружениями.

Но гвардейцам теперь не были страшны ни доты противника, ни минные поля, ни противотанковые рвы, ни хитроумные заграждения. За четыре года войны они познали науку воевать, обходить коварные ловушки, врываться на плечах противника в города, сокрушать самые неприступные его позиции.

В районе Клетвиц подразделения корпуса захватили в лесах группы фашистских солдат и офицеров дивизии «СС» и охраны фюрера, зенитного полка «Герман Геринг», различных частей «фольксштурма». Все эти отпетые головорезы готовились к диверсиям в тылу наших войск.

Последние конвульсии врага, сопровождаемые волчьим воем Геббельса по радио, не могли, конечно, предотвратить или замедлить неизбежное: Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков близилась к победоносному завершению. Штурмуя последние узлы сопротивления противника, освобождая от фашистов все новые населенные пункты, воины корпуса Родимцева с каждым часом приближались к последнему рубежу.

13

Как всегда, перед переправой войск Родимцев приехал в передовой отряд, которому предстояло первому форсировать Одер. Проверив готовность подразделений к броску, генерал вместе с адъютантом спустился к урезу реки, устало опустился в небольшом кустарнике. Невдалеке, достав пачку «Казбека», присел Шевченко. Снял взмокшую фуражку, провел тыльной стороной ладони по лбу.

— Трудно поверить, товарищ генерал, что мы сидим с вами не у нашей Волги, а в Германии, у их Одера. Сколько же потребовалось, чтобы дойти сюда…

Генерал не ответил. Он вообще не любил много говорить. Тем более сейчас хотелось помолчать, подумать. Неожиданно Родимцев поймал себя на мысли, что высчитывает, какой из четырех лет войны был самый тяжелый и какой полегче. Первый, когда отступали? Он отогнал эту мысль. В Сталинграде? Да, было тяжело, очень тяжело, но… В этом, сорок пятом? Может быть, кто-нибудь подумает, что это последний год войны, год победоносных шествий наших войск был лишь триумфальным шествием по Европе. Нет и нет. Это был тяжелейший, изнурительный год. И боевых друзей в эту весну сорок пятого теряли не меньше, чем в первые годы войны.

Весна сорок пятого — это девять тысяч километров военных дорог, пройденных с тяжелыми, кровопролитными сражениями: десятки освобожденных от фашистской нечисти городов Родины и Польши, Германии, Чехословакии. Это годы смертоносного металла, разбитых фашистских танков, бронетранспортеров, пулеметов, минометов, пушек, отправленных в мартеновские цехи, чтобы из орудий смерти они превратились в орудия труда.

Это — горькие утраты, прощание с верными друзьями, до конца исполнившими свой воинский долг, и священная, неискоренимая ненависть к фашизму — во имя радости на земле. Оглядываясь на пройденный путь, как пахарь оглядывается на трудную, политую потом пашню, Родимцев помнил, какой ценой далась эта радость перепахать бурьян и пробудить плодоносные нивы.

За взгорьями, там, за рекой, еще громыхали орудия. Ветер доносил знакомую дробь пулемета. На белокрылом облаке, что задержалось над высоткой, поблескивали отсветы пожара. Это гвардейцы добивали банду эсэсовцев, пытавшуюся укрыться в лесах. Родимцев смотрел вперед на всполохи пожара, и они казались ему заревом плавки, а вспышки трассирующих пуль —

сердитыми всплесками автогена.

— О чем задумались, товарищ генерал, опять о переправе?

— Да нет. Тут мы поднаторели. Ты вот лучше скажи мне, Шевченко, чем ты будешь заниматься после войны?

Адъютант растерялся от неожиданного вопроса, заморгал глазами:

— Я и не знаю, за четыре года отвык от мирной жизни, с какого края кусать ее, не знаю. А вы сами-то небось тоже не ответите?

— Ну, мне-то легче, у меня профессия определена, сам выбирал — защитник я Отечества, ратник, как наши предки называли. Вот и служить мне всю жизнь, как медному котелку.

— А если обороняться не от кого будет?

— Я бы рад, Шевченко, да чувствует мое сердце, что наша победа не всем по нутру придется, так что порох надо всегда сухим держать.

Шевченко внимательно посмотрел на генерала, на его осунувшееся, посеревшее от постоянной бессонницы лицо, на тяжелые, припухшие, сильные пальцы рук, задумчиво мявшие пожухлую папироску, на играющую на солнце Золотую Звезду Героя и торопливо поднялся:

— Пора нам, товарищ генерал, в штабе ждут.

Адъютант хитрил. Только сейчас он с тревогой обратил внимание, что генерал сидел почти на открытом месте, у уреза реки, едва прикрытого тщедушным кустарником. А ведь там, за Одером, еще таился коварный, издыхающий враг.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.